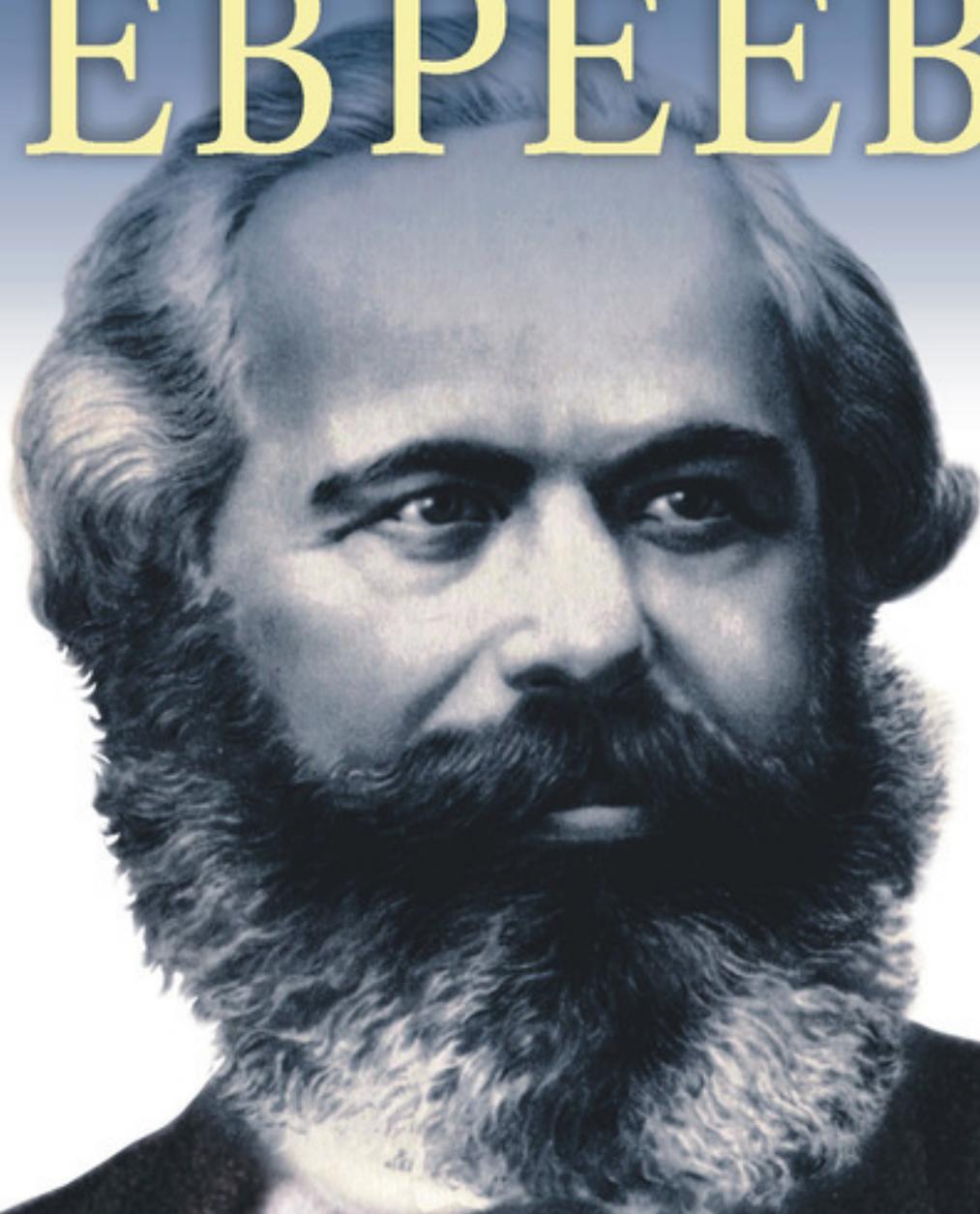

1000

ЗНАМЕНИТЫХ

ЕВРЕЕВ

100 знаменитых

Татьяна Иовлева

100 знаменитых евреев

«Фолио»

2008

Иовлева Т. В.

100 знаменитых евреев / Т. В. Иовлева — «Фолио», 2008 — (100 знаменитых)

Нет ни одной области человеческой деятельности, в которой бы евреи не проявили своих талантов. Еврейский народ подарил миру немало гениальных личностей: религиозных деятелей и мыслителей (Иисус Христос, пророк Моисей, Борух Спиноза), ученых (Альберт Эйнштейн, Лев Ландау, Густав Герц), музыкантов (Джордж Гершвин, Бенни Гудмен, Давид Ойстрах), поэтов и писателей (Айзек Азимов, Исаак Бабель, Иосиф Бродский, Шолом-Алейхем), актеров (Чарли Чаплин, Сара Бернар, Соломон Михоэлс)... А еще государственных деятелей, медиков, бизнесменов, спортсменов. Их имена знакомы каждому, но далеко не все знают, каким нелегким, тернистым путем шли они к своей цели, какой ценой достигали успеха. Недаром великий Гейне как-то заметил: «Подвиги евреев столь же мало известны миру, как их подлинное существо. Люди думают, что знают их, потому что видели их бороды, но ничего больше им не открылось, и, как в Средние века, евреи и в новое время остаются бродячей тайной». На страницах этой книги мы попробуем хотя бы слегка приоткрыть эту тайну...

© Иовлева Т. В., 2008

© Фолио, 2008

Содержание

От авторов	5
АБРАМОВИЧ РОМАН АРКАДЬЕВИЧ	6
АЗЕФ (АЗЕВ) ЕВНО ФИШЕВИЧ	11
АЗИМОВ АЙЗЕК	18
БАБЕЛЬ ИСААК ЭММАНУИЛОВИЧ	22
БЕГИН МЕНАХЕМ	28
БЕН-ГУРИОН ДАВИД	33
БЕРГСОН АНРИ ЛУИ	37
БЕРЕЗОВСКИЙ БОРИС АБРАМОВИЧ	41
БЕРНАР САРА	48
БЕРРИ КЛЕР И МЕРНА	53
БЛЮМКИН ЯКОВ ГРИГОРЬЕВИЧ	57
БОР НИЛЬС ХЕНДРИК ДАВИД	61
БРОДСКИЙ ИОСИФ АЛЕКСАНДРОВИЧ	66
ВАЙНЕР АРКАДИЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ	70
ВОЛЧЕК ГАЛИНА БОРИСОВНА	76
ГЕЙНЕ ГЕНРИХ	83
ГЕРЦ (ХЕРЦ) ГУСТАВ ЛЮДВИГ	87
ГЕРШВИН ДЖОРДЖ	91
ГОРОВИЦ ВЛАДИМИР САМУИЛОВИЧ	95
ГРОДБЕРГ ГАРРИ ЯКОВЛЕВИЧ	101
ГУДИНИ ГАРРИ	106
ГУДМЕН БЕННИ	111
ГУСИНСКИЙ ВЛАДИМИР АЛЕКСАНДРОВИЧ	115
Конец ознакомительного фрагмента.	121

Татьяна Иовлева, Валентина Скляренко, И. А. Рудычева, Александр Ильченко 100 знаменитых евреев

От авторов

Биографии знаменитых людей прежде всего поражают нас ярким проявлением таланта, силы воли и настойчивости в достижении высоких целей – всем тем, что делает человека личностью. Все это в полной мере относится к героям нашей книги – выдающимся представителям еврейского народа. Однако их жизнеописания не только интересны и увлекательны сами по себе. Они отражают особый, совершенно неповторимый мир, который, аккумулировав в себе величайшие достижения в различных сферах человеческой деятельности, сохранил при этом национальное своеобразие и особенности еврейского менталитета. Отмечая этот факт, американский публицист и писатель Денис Прейгер писал: «Среди всех прочих народов мира только евреи сохранили свою культуру и традиции целиком на протяжении почти четырех тысяч лет весьма бурной истории. Только евреи смогли уцелеть как нация несмотря на то, что их дважды лишали исторической родины, несмотря на рассеяние по всему миру и бездомность на протяжении двух тысяч лет, несмотря на ненависть и гонения в каждой стране своего пребывания».

Одним из подтверждений справедливости этих слов может служить хотя бы перечень персоналий, включенных в эту книгу: Анри Бергсон и Нильс Бор, Франц Кафка и Марсель Пруст, Генрих Гейне и Бенджамин Дизраэли, Густав Малер и Марсель Марсо, Александр Мень и Джон (Йоганн) фон Нейман, Илья Пригожин и Мстислав Ростропович, Дэвид Сарнов и Джордж Сорос, Зигмунд Фрейд и Сергей Эйзенштейн. Все они жили и творили в разных странах, но несмотря на свое официальное гражданство всегда были и оставались евреями, представителями одного из самых древних народов мира.

Пожалуй, нет ни одной области человеческой деятельности, в которой бы евреи не проявили своих талантов. Еврейский народ подарил миру немало гениальных личностей: религиозных деятелей и мыслителей (Иисус Христос, Дева Мария, пророк Моисей, Борух Спиноза, Карл Маркс), ученых (Альберт Эйнштейн, Густав Герц, Лев Ландау, Абрам Иоффе), музыкантов и композиторов (Джордж Гершвин, Владимир Горовиц, Бенни Гудмен, Исаак Дунаевский, Якоб Мендельсон, Иегуди Менухин, Давид Ойстрах), поэтов и писателей (Айзек Азимов, Исаак Бабель, Иосиф Бродский, Илья Ильф, Станислав Лем, Осип Мандельштам, Самуил Маршак, Борис Пастернак, Эфраим Севела, братья Стругацкие, Людмила Улицкая, Лион Фейхтвангер, Шолом-Алейхем).

Трудно представить мировое искусство без творчества Чарли Чаплина и Майи Плисецкой, Сары Бернар и Соломона Михоэлса, Леонида Утесова и Фаины Раневской, Джо Дассена и сестер Берри, Аркадия Райкина и Ефима Шифрина, Михаила Ромма и Романа Полански, Стивена Спилберга и Сидни Поллака. Достоянием всего человечества являются гениальные полотна Исаака Левитана, Амедео Модильяни, Марка Шагала. Немало выдающихся евреев есть также среди государственных и политических деятелей, в области медицины, бизнеса, спорта. Их имена, несомненно, знакомы каждому из нас, но далеко не все знают о том, каким нелегким, тернистым путем шли они к своим свершениям и какой ценой достигали успеха. Недаром великий Гейне как-то заметил: «Подвиги евреев столь же мало известны миру, как их подлинное существо. Люди думают, что знают их, потому что видели их бороды, но ничего больше им не открылось, и, как в Средние века, евреи и в новое время остаются бродячей тайной». Давайте же попробуем хотя бы слегка приоткрыть ее на страницах этой книги...

АБРАМОВИЧ РОМАН АРКАДЬЕВИЧ

(род. в 1966 г.)

Российский бизнесмен, миллиардер, владелец английского футбольного клуба «Челси» и холдинга Millhouse Capital, член совета директоров компании «Сибнефть».

Говорят, на долю зарегистрированного в Великобритании холдинга Millhouse Capital приходится 3–4 % всего внутреннего валового продукта России. По некоторым данным, в этот холдинг входят заводы по производству легковых и грузовых машин, автобусов, бумажные комбинаты и типографии, электростанции, банки, страховые компании, торговая сеть в разных регионах России и т. д. По оценкам зарубежных специалистов, капитал «Ромы Челского» составляет не менее 12 млрд евро. Это не считая акций «Сибнефти», а также сверхприбыльных предприятий металлургии, пищевой промышленности и др.

Состояние сколачивалось в 1990-е годы, в жестокие и кровавые дни грабительского капитализма в России. Но теперь господин Абрамович – добропорядочный миллиардер и хороший инвестор: по сообщениям британских газет, 260 млн фунтов стерлингов он вложил в лондонский «Челси» и не менее 200 млн потратил на приобретение для своей футбольной команды лучших игроков мира.

Многочисленные публикации в СМИ приписывали ему роль «кошелька» семьи бывшего президента России Ельцина, а также то, что Роман якобы является автором идеи запрета КПРФ, разгона Госдумы, перезахоронения Ленина с последующим вводом в Москву войск для

подавления стихийных бунтов и т. д. Сам же герой газетной шумихи привык не реагировать на подобные материалы.

Родился он 24 октября 1966 года в Саратове. В этом городе на Волге его бабушка, Фаина Грутман, с трехлетней дочерью Ириной, мамой Романа, оказались осенью 1941 года. Им чудом удалось бежать из оккупированной фашистами Украины. Вся остальная родня погибла в Бабьем Яру. Мать, Ирина Васильевна, вышла замуж, уехала в Сыктывкар и через полтора года после рождения сына скончалась от лейкемии. Через два года после смерти матери в результате падения башенного крана на стройке погиб и отец Романа Аркадий Нахимович. По другим данным, родители мальчика погибли, когда перевернулся трактор, на котором они ехали. Круглого сироту усыновила бездетная семья старшего брата отца – Лейбы Нахимовича, который работал в то время начальником управления рабочего снабжения «Печорлеса» при «Комилесресурсе». После четвертого класса мальчик переехал в Москву к бабушке – матери покойного отца.

В школе, по словам учителей, Рома учился неважно, особыми талантами не выделялся, но отличался сообразительностью. (Став миллиардером, он подарил родной школе компьютеры, оборудование для кабинетов и оплатил ремонт помещений.)

После школы Роман поступил в Ухтинский индустриальный институт, так как в Московский институт нефти и газа им. Губкина провалился на экзамене, но из-за неуспеваемости через полгода был отчислен. Затем служил в армии солдатом в автозведе артиллерийского полка.

По другим данным, он успел отучиться два курса то ли в Москве, то ли в Коми АССР. (В 2001 году Абрамович, уже будучи миллиардером, получил диплом Московской государственной юридической академии.)

Вернувшись после службы в Ухту, солдат узнал, что его любимая женщина Вика Заборовская ему изменяла, и они расстались. Несколько месяцев он сильно страдал. Видимо, тогда, затаив обиду на женский пол, он перенес свою страсть на деньги. Когда Абрамович многого достиг, в 2001 году, он приказал найти Вику и доставить ее в бронированном лимузине в свой роскошный офис возле Кремля, больше похожий на дворец. Они говорили несколько часов, вспоминали юность. Отказавшись принять в подарок от него шубу за 30 тысяч долларов и поехать на уикэнд в Париж, Вика вернулась к своему мужу-бизнесмену и дочери.

Но это было потом. А после армии, по словам бывшего делового партнера Абрамовича, до того как освоить выплавку детских пластмассовых игрушек в кооперативе «Уют», Роман занимался перепродажей зубной пасты. Он дешево скупал ее в Москве и выгодно сбывал в Ухте, где в середине 1980-х годов подобный товар был дефицитным. За это спекулянта прозвали «Рома-зубочист».

Из интервью Абрамовича журналу «Огонек»: «Учился в институте и параллельно организовал кооператив, “Уют” назывался. Мы делали игрушки из полимеров. Те ребята, с которыми мы работали в кооперативе, потом составили управляющее звено “Сибнефти” – Женя Швидлер, Валерий Ойф и др. Потом какое-то время я был брокером на бирже».

В 1987 году, когда боль былых страданий утихла, Роман женился на красавице Ольге Лысовой, она была старше его на три года. Их знакомство произошло в Ухте (Ольга училась там в Индустриальном институте). Они переехали в Москву. Родители Ольги, которые, по слухам, были партийными функционерами, помогли зятю открыть кооператив по производству игрушек, наладить первые деловые контакты.

Если бизнес у Абрамовича шел удачно, то семейная жизнь не сложилась. Ольга родила в 18 лет от провинциального заезжего актера дочку Настю, а собственных детей у них с Абрамовичем так и не было. Возможно, поэтому женатый кооператор попробовал себя в роли Казановы.

В конце 1980-х годов он настолько часто летал в ФРГ, что бортпроводницам его лицо основательно запомнилось. По воспоминаниям одной из них, «Роман оказывал знаки внимания многим стюардессам. Почти у всех девчонок была его визитка. Но девушки не отвечали ему взаимностью. Однажды он протянул свою визитку и Ире Маландиной. Поначалу она тоже не была в восторге от Абрамовича. Но через несколько месяцев вдруг объявила, что выходит за него замуж и уезжает в ФРГ: теперь ей не придется подсчитывать, сколько у нее осталось денег до зарплаты».

Роман ушел от Ольги и в 1991 году женился на стюардессе. Ольга Абрамович живет в Москве, замужем за музыкантом оркестра Авраама Руссо. Образ ее жизни очень скромнен – помощи от экс-супруга она не получает.

Говорят, беря в жены Ирину, он выдвинул условие – детей в семье должно быть много. Ирина родила ему пятерых детей – Аню, Аркашу, Соню, Арину и Илюшу. Роман трогательно заботлив по отношению к своим детям. Поговаривали, якобы в подмосковном поместье – на бывшей даче маршала Язова – у него была собственная небольшая птицефабрика, чтоб на столах малышей каждый день были свежие диетические яйца.

Что касается бизнеса, то в начале 1990-х годов, после развала СССР, во время «дикого капитализма», бизнесмен своего не упустил. Как более-менее крупный коммерсант он заявил о себе в конце 1992 года, активно включившись в нефтяной бизнес и став руководителем и единственным учредителем АОЗТ «Петролтранс». Известно, что первоначальный капитал для раскрутки собственного бизнеса Роман получил от миллионера Бориса Березовского, с которым к 1991 году у него сложились приятельские отношения. Но на пути к олигархическим вершинам случались и крупные неприятности.

19 июня 1992 года в Москве Абрамович был заключен под стражу по подозрению в совершении хищения с помощью подложных документов 55 вагонов с дизельным топливом с Ухтинского нефтеперерабатывающего завода на сумму 3,8 млн рублей. Как сообщала ухтинская газета «НЭС+С», «в феврале 1992 года из Ухты в Москву прибыл железнодорожный состав с 55 цистернами (3,5 тыс. тонн дизельного топлива). Через несколько дней состав двинулся в Калининградскую область, но по пути бесследно исчез. Как позже выяснилось, он отправился в Латвию. Горючее было отправлено с Ухтинского НПЗ, а получателем вместо сыктывкарской фирмы «АВЭКС-Коми» оказалось московское предприятие «АВК», генеральным директором которого был Роман Абрамович.

Когда расследование было уже фактически закончено, неожиданно возник директор совместного латвийско-американского предприятия Чиковани. Это предприятие проплатило Ухтинскому НПЗ 3 млн 800 тыс. рублей за 55 цистерн с горючим. Оказалось, что у фирмы «АВЭКС-Коми» существовал с латвийским предприятием договор на поставку нефтепродуктов, причем срок оплаты был определен до 31 декабря 1992 года, хотя первоначально «АВЭКС-Коми» вообще не хотело признавать договор с НПЗ. Таким образом, никакого ущерба государству нет, а значит, нет и виновных: 1 декабря 1992 года уголовное дело было закрыто за отсутствием состава преступления, и подозреваемый вышел на волю».

В 1993 году бизнесмен продолжил коммерческую деятельность теперь уже своей новой фирмы «Меконг». Он, в частности, занимался продажей нефти из сибирского Ноябрьска. Затем Роман учреждал многие фирмы-однодневки для «прихватизации» предприятий металлургии и нефтепереработки, скупая их за бесценок.

На паях с Борисом Березовским Романом Абрамовичем были созданы офшорная фирма Runicom Ltd, зарегистрированная в Гибралтаре, и пять ее дочерних предприятий в Западной Европе. В 1993–1996 годах Роман Аркадьевич возглавлял Московское представительство компании Runicom S.A. (Швейцария).

В 1995 году, в канун новых выборов президента России, Березовский подсказал Ельцину, где взять дополнительные деньги для предвыборной кампании – из «черного золота» Сибири.

24 августа 1995 года вышел указ президента о «создании АООТ “Сибирская нефтяная компания”». Она возникла в обход утвержденной государством структуры нефтяной отрасли. Контроль за «Сибнефтью» был отдан в руки Абрамовича. В июне 1996 года он вошел в состав совета директоров АО «Ноябрьскнефтегаз» (одна из компаний, входящих в «Сибнефть»), а также стал главой московского представительства «Сибнефти».

Поставив себе целью завладеть всей компанией, Абрамович и его компаньоны использовали испытанный способ «залогового аукциона». Три конкурса по продаже акций «Сибнефти» были проведены с нарушением действующего законодательства. Члены конкурсной комиссии, представлявшие интересы государства, явно действовали в пользу участников конкурса – фирм, контролируемых Абрамовичем, Березовским и Смоленским.

Приватизация «Сибнефти» была признана Счетной палатой неэффективной (государство при продаже акций потеряло 18,6 трлн рублей) и нецелесообразной, поскольку доходы от продажи всего в 1,7 раза превышали прибыль головной компании ОАО «Сибнефть». Иными словами, компания досталась новым хозяевам в 25 раз дешевле, чем она стоила. Но никто наказания не понес, и никаких решений по поводу пересмотра итогов приватизации после проверки принято не было.

Как мы помним, в 1993 году Абрамович стал руководителем московского филиала швейцарской фирмы Runicom S.A. Через нее в 1997–1998 годах он увел из государства почти 20 млн долларов российских налогов. В этой же аванюре принял активное участие Леонид Дьяченко, зять Бориса Ельцина, ведь мошенническая транспортировка нефти шла через его компании «Белка Трейдинг» и «Ист-Ост Петролеум Компани». По мнению экспертов, в том числе и участников слушаний Конгресса США по делу о «Бэнк оф Нью-Йорк», два банковских счета Дьяченко на сумму 2 млн 700 тыс. долларов в филиале этого банка на Каймановых островах пополнялись именно за счет махинаций с российской нефтью через «Сибнефть».

Как видно из вышесказанного, в ходе своей коммерческой деятельности Абрамович неоднократно шел на нарушение закона и попадал в поле зрения правоохранительных органов, но ему все сходило с рук. Не зря же к наиболее узкому кругу общения Романа причисляли дочь Бориса Ельцина Татьяну Дьяченко и бывшего руководителя администрации президента России Валентина Юмашева. В связи с «семьей» имя Абрамовича часто упоминали наряду с другим теневым финансистом Кремля Александром Мамутом.

Об этой «тайной» жизни нефтяного магната стало широко известно после скандальной отставки главного президентского охранника Коржакова. Последний, в частности, признал тот факт, что Абрамович является казначеем семьи Ельциных и, соответственно, самым главным олигархом России. Из источников, близких к Коржакову, стало известно, что практически вся документация о противоправной деятельности Романа Аркадьевича по указанию Ельцина была изъята из Счетной палаты, ФСБ, МВД и прокуратуры, а накануне увольнения Коржакова была им своевременно вывезена из Кремля и надежно спрятана. Комментируя эти слухи, Абрамович ответил: «Это не так, я лично не знаю Бориса Николаевича и вообще не уверен, что он знает о моем существовании».

По сведениям вездесущих журналистов, Роман влиял на расстановку людей в российском правительстве. Например, именно с подачи Абрамовича и Березовского пост первого вице-премьера занял бывший министр путей сообщения Н. Аксененко. Примечательно, что Абрамович и Аксененко были уже давно партнерами, дружба их началась с махинаций и злоупотреблений при организации железнодорожных перевозок продукции «Сибнефти».

19 декабря 1999 года Роман Аркадьевич был избран депутатом Госдумы РФ третьего созыва по Чукотскому одномандатному избирательному округу № 223 и приобрел депутатскую неприкосновенность. Спустя год, 24 декабря 2000 года, он стал губернатором Чукотского автономного округа.

По его же собственному выражению, «просто чукчей стало жалко, вымирающих быстрыми темпами». Но, как заявил якобы сам Абрамович в узком кругу, Чукотка – «это мой бункер, где я могу обходиться без охраны». По мнению журналистов, когда после Ельцина президентом России стал Путин и взялся за некоторых зарвавшихся олигархов, Роман Аркадьевич начал всячески показывать свою полезность новой верхушке.

Когда он взял власть на Чукотке, первым делом погасил задолженности по зарплате. На следующий день после получения денег все запили. Когда же протрезвели, пошли писать жалобы в облисполком, чтобы возместили еще и моральный ущерб за все предыдущие задержки зарплат.

В Анадыре за время губернаторства миллиардера возвели новые объекты соцкультбыта, сдвинулось с мертвой точки сооружение жилья. «Стройтрансгаз» совместно с компанией «Сибнефть – Чукотка» построил в 2002 году 110-километровый газопровод, соединяющий Западно-Озерное газовое месторождение с Анадырем.

Конечно, был тут и экономический интерес нефтяного магната. Этот край богат нефтью, газом, золотом и другими полезными ископаемыми. Еще одно богатство Чукотки – рыба и пушнина. До введения рыбных аукционов Чукотка получала до 100 тыс. тонн рыбных квот, которые из-за отсутствия в округе своего флота и переработки в основном продавались. После избрания Абрамовича в Анадыре построили рыбзавод.

18 декабря 2002 года правительство Чукотки подписало соглашение с канадской золотодобывающей корпорацией Bema Gold о продаже ей 75 % доли в региональном месторождении «Купол». Это был, пожалуй, первый опыт привлечения западных инвесторов в Чукотский автономный округ.

Команда губернатора, как и он сам, работала на Чукотке «вахтовым методом»: две-три недели в Анадыре, потом столько же дома. «Если летать чаще, то организм не выдерживает восьмичасовых перелетов и девятичасовой разницы во времени. А оставаться здесь на дольше, мозги начинают сохнуть», – объяснял один из приближенных Романа.

29 мая 2001 года Абрамовича вызывали на допрос в Генеральную прокуратуру РФ в рамках следственных действий по трем уголовным делам в отношении руководства «Сибнефти», но после допроса отпустили.

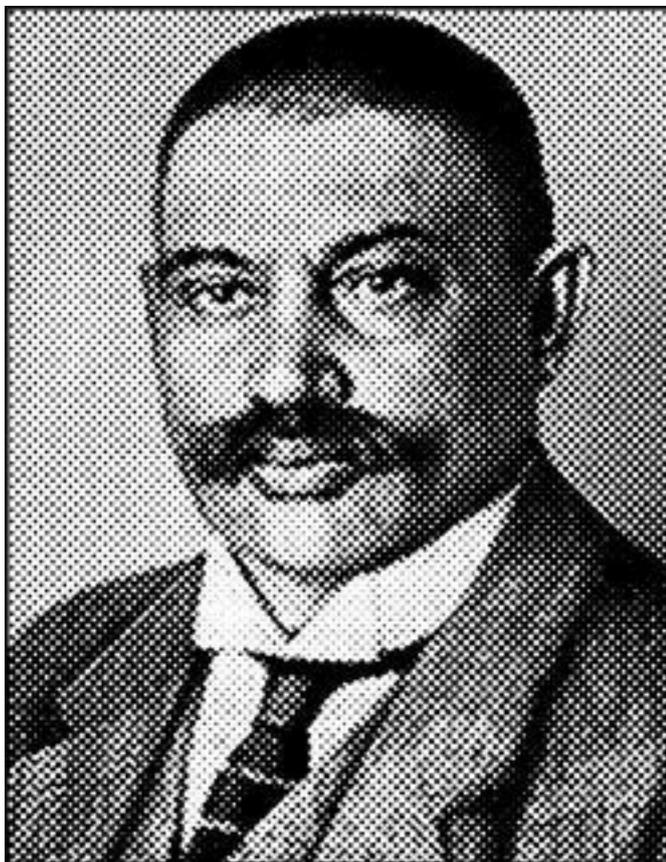
В 2003 году состоялось объединение нефтяных активов Романа Абрамовича и Михаила Ходорковского: «Сибнефть» и ЮКОС объявили о слиянии в одну компанию – «ЮкосСибнефть». Участники сделки сообщили, что создаваемый концерн с запасами 19,4 млрд баррелей нефтегазового эквивалента станет крупнейшей нефтяной компанией России и четвертым производителем нефти в мире по объему добычи (около 2,3 млн баррелей в день).

В июле 2003 года Роман Абрамович поменял Чукотку на Лондон и приобрел контрольный пакет акций лондонского футбольного клуба «Челси» (Chelsea). До этого он выгодно продал свои акции «Аэрофлота», «Российского алюминия», РАО «ЕЭС России», «Славнефть», «Петмол» и др. и перевел капитал за рубеж.

В Англии «Рома Челский» заплатил 27 млн фунтов стерлингов за шестиэтажный дом в Найтсбридже, за 12 млн приобрел поместье с 440 акрами земли в графстве Суссекс. Самый богатый человек Великобритании окружен плотным кольцом вышколенных охранников. На стадион Абрамович отправляется с супругой в разных машинах, чтоб в случае чего его пятеро детей не остались сиротами.

АЗЕФ (АЗЕВ) ЕВНО ФИШЕВИЧ

(род. в 1869 г. – ум. в 1918 г.)

Уникальная фигура в российском революционном движении. Провокатор и террорист в одном лице, руководитель Боевой организации партии эсеров.

Российская эмиграционная революционная среда конца XIX – начала XX в. была довольно разнообразной. Кого только в ней не было, начиная со сторонников мирных средств борьбы с царизмом и заканчивая сторонниками террористических методов! И среди этой разношерстной толпы выделялся человек довольно неприятной внешности: грузный, толстый, с тяжелым набухшим лицом, с оттопыренной нижней губой. И говорить он толком не может – еле-еле что-то бормочет. Но это только на первый взгляд, а есть еще второй, третий... По мнению некоторых, «глаза у него всегда бегали, и он никогда не смотрел в лицо собеседнику»; другие считали, что «...в его чистых глазах нельзя не увидеть бесконечную доброту»; третьи отмечали, что у него «двойное лицо» с «печальными глазами». Да, взгляда три, а человек один. Однако это тоже только кажется. В нем одном сидит два человека-близнеца, но один из них – легендарный террорист, глава Боевой организации (БО) партии эсеров, другой – агент полиции, да еще и самый высокооплачиваемый. И никакого раздвоения личности! Любой террорист – объект изучения психиатра, но Азеф – случай из ряда вон выходящий. Это – явление, созданное атмосферой безграничного доверия, преклонения и провокации. 17 лет Азеф вел свою двойную игру и не попадался. Его разоблачение, в общем, дело случая.

Как революционер-террорист Азеф участвовал в подготовке террористических актов против харьковского губернатора И. М. Оболенского, уфимского Н. М. Богдановича, органи-

зовал убийства министра внутренних дел В. К. Плеве, которого считал виновником еврейских погромов в Кишиневе, великого князя Сергея Александровича, киевского генерал-губернатора Клейгельса. Это громкие дела. А были и тихие, агентурные. В его послужном списке в Департаменте полиции в период с 1901 по 1908 год можно обнаружить выданные им организации: съезд эсеров в Харькове, типографию Северного союза в Томске, членов Северного Союза и Северного Летучего отряда, участников покушения на Богдановича, боевого комитета по подготовке в 1905 году восстания в Петербурге и многих крупных эсеровских групп, предотвращение убийств московского обер-полицмейстера Трепова и министра внутренних дел Дурново, три предотвращенных покушений на царя, выдачу БО и боевого отряда эсеров (казнены семь человек). Да и жизнь самого могущественного человека Российской империи П. А. Столыпина во многом зависит от него, Азефа. Какая азартная игра! Какие ставки! На кону жизнь или смерть. От желания только Азефа зависит: казнить или миловать. Да это же божественная власть! Да, все это, конечно, могло быть романтично, если бы не одно банальное обстоятельство – деньги. К ним у Азефа была не меньшая страсть, чем к игре в жизнь и смерть. Делец от террора – пожалуй, это будет самое точное определение сущности этого человека, этого феномена как в революционном движении, так и в делах тайной полиции. Убивать власти предержавших и одновременно защищать их, оберегать и быть при этом почитаемым и в революционной среде, и в полицейской – кому еще такое удавалось?

Родился Евно Азеф в 1869 году в местечке Лысково Гродненской губернии. Он был вторым ребенком в семье бедного еврея-портного. Затем семья переехала в Ростов-на-Дону. Здесь родители держали убогую лавку, испытывали крайнюю нужду, но страстно мечтали, чтобы их маленький Евно «выбился в люди». Отказывая себе во всем, они постарались, чтобы он поступил в гимназию, где учились дети самых состоятельных и уважаемых евреев города. В 1890 году Евно окончил гимназию и некоторое время перебивался мелкими заработками корректора, репортера, занимался и мелкой комиссионной торговлей. Тогда же произошло его приобщение к революционной работе. Весной 1892 года жандармы начали дознание о распространении в городе прокламаций, призывающих бороться с существующим режимом. И в тот же миг Евно Азеф исчез из Ростова, прихватив с собой чужие деньги. По этому поводу существуют две различных в психологическом плане версии. Согласно одной из них (автор – начальник Донского жандармского управления Страхов), товарищи Азефа выманили у него чужие деньги, поставив его перед необходимостью бежать за границу, но по другим сведениям, он просто присвоил деньги одного из мариупольских купцов. Вскоре молодой человек объявился в Германии, в г. Карлсруэ, где начал учиться в Политехническом институте. Специальность инженера-электротехника тогда была весьма перспективной.

Но для жизни в Германии нужны были деньги. В марте 1893 года Департамент полиции в Петербурге и жандармское управление в Ростове-на-Дону стали получать короткие письма от неизвестного корреспондента с предложением освещать деятельность русского студенческого кружка в Карлсруэ. В Ростове по почерку быстро выяснили, кто автор писем, и доложили в Петербург, и вскоре Азеф был зачислен секретным сотрудником Охранного отдела Департамента полиции с окладом в 50 рублей в месяц. Вряд ли кто мог тогда предположить, что очень скоро его жалование достигнет 14 тыс. рублей в год, что несколько больше, чем у некоторых царских министров. С тех пор Азеф жил и работал в России и за рубежом, и в полицейских отчетах проходил под фамилиями Е. Ф. Виноградов, С. М. Валуйский, Гире, И. Даниельсон, Деканский, А. Неймайер, Петров, Раскин, Росс, Филипповский. Были у него и псевдонимы: «Валентин Кузьмич», «Великан», «Евгений Филиппович», «Иван», «Иван Николаевич», «Новый приятель», «Сергей Милитонович», «Толстый».

В течение шести лет Азеф являлся заграничным корреспондентом Департамента полиции и в качестве осведомителя быстро совершенствовался. Один из руководителей Департамента и куратор Азефа Ратаев отмечал: «Сообщения Азефа поражают своей точностью, при

полном отсутствии рассуждений». А в письме к своему агенту он писал: «Больше всего на свете я боюсь Вас скомпрометировать и лишиться Ваших услуг». В 1899 году Азеф по заданию полиции примкнул к заграничной организации эсеров, а затем вернулся в Россию и вошел в состав Северного союза эсеров. К этому времени он был уже дипломированным инженером, служащим электрической компании и, на первый взгляд, жизнь вел довольно серую. Никто ведь еще не догадывался, что у него есть еще две тайные жизни. Он жил тогда в Москве и находился в распоряжении начальника московского Охранного отделения С. В. Зубатова. Два события произошли в этот момент: выдача полиции Азефом Союза социалистов-революционеров, которым руководил А. А. Аргунов, и продвижение Азефа в руководство эсеров. По мнению Зубатова, секретный агент должен был проникнуть в центр революционной организации, выявить руководство, что дало бы возможность покончить с ними одним ударом.

В декабре 1901 года Азеф вновь оказался за границей. В Берлине он вместе с Г. А. Гершуни, признанным эсеровским лидером, участвовал в объединении разрозненных кружков в партию эсеров. Здесь же произошло их сближение. Вместе они разрабатывали теоретическое обоснование террористической деятельности. Эсеры, в отличие от большинства революционеров, особенно марксистского толка, считали, что привести Россию к революции может только террор. Для его осуществления в недрах партии была создана глубоко законспирированная Боевая организация, которую возглавил Гершуни, а после его ареста в мае 1903 года – Азеф. Санкцию на это, в нарушение всех существующих тогда правил для секретных агентов, с подачи начальника Департамента полиции А. А. Лопухина и С. В. Зубатова, возглавлявшего отдел политического сыска, дал не кто иной, как министр внутренних дел В. К. Плеве. Но теперь перед Азефом открылись новые горизонты. Теперь только от него зависит, казнить или миловать самых высоких царских чиновников. От него же зависит и жизнь революционеров – участников террористических акций. У него в руках огромная власть, и ему, человеку, в общем, беспринципному, теперь глубоко наплевать и на революцию, и на полицию.

Однако игра, которую он вел и которая затягивала его все сильнее, была очень опасна и рискованна для него самого, для его собственной жизни. Узнай об этой игре какая-либо из сторон?! Но ему безгранично доверяют и те и другие, да он и требует полного доверия. «Мне кажется, – пишет Азеф Ратаеву, – что у Вас нет ни одного факта, который бы мог Вас заставить думать, что я способен Вам солгать. Кажется, ни разу не лгал, это не лежит в моей натуре... Ваше недоверие для меня оскорбительно и страшно обидно». Написано достаточно цинично и с чувством полного самообладания. Точно так же можно расценивать и встречу Азефа в 1912 году с разоблачившим его Бурцевым. Бурцев вспоминал: «“Ну, вы сравните сами, – убеждающим голосом говорил он [Азеф]. – Что я сделал? Организовал убийство Плеве, убийство великого князя Сергея... – и с каждым новым именем его правая рука опускалась все ниже и ниже, как чаша весов, на которую кладут гири... – А что я дал им? Выдал Слетова, Ломова, ну еще Веденяпина...” – и, называя эти имена, он не опускал, а наоборот, вздергивал кверху свою левую руку, наглядно иллюстрируя все ничтожество полученного полицией по сравнению с тем, что имела от его деятельности революция». Мало того, он обвинил Бурцева, что своими разоблачениями тот помешал ему убить царя: «Если бы не вы, я его убил бы...» Да, пожалуй, именно эти качества – самообладание, наглость, цинизм – помогли Азефу столько лет ни разу не попасться. Правда, не следует сбрасывать со счетов и его смелость, феноменальную память и, главное, метод действий. Этот метод заключался в следующем. Азеф организовывал сразу несколько террористических акций. Некоторые из них – удачные – он проводил в глубокой тайне от полиции. Это страховало его от любых подозрений со стороны товарищей по партии и создавало вокруг него ореол таинственности и поклонения. Другую часть задуманных террористических акций Азеф своевременно выдавал полиции, и каждая из противостоящих сторон была убеждена, что он всецело предан именно ей.

К моменту разоблачения, к 1908 году, в «революционном активе» Азефа числилось свыше 30 терактов, и он считался одним из самых проверенных членов партии (в январе 1906 года на I съезде Азефа избрали в состав ЦК партии эсеров). Но в это же время, после 1905 года, он провалил ряд групп БО (казнено семь человек), готовящих убийства министра внутренних дел П. Н. Дурново, министра юстиции М. Г. Акимова, военного министра А. Ф. Редигера, генералов Г. А. Мина и Н. К. Римана, председателя Совета министров С. Ю. Витте, великого князя Николая Николаевича, императора Николая II. С его помощью в 1905 году были арестованы все члены эсеровской группы по изысканию оружия и формированию особых вооруженных групп для уличных боев, провален ввоз в Россию на пароходе «Джон Графтон» огромной партии оружия, предназначенного для будущей организации Талона. Кстати, как только Гапон заподозрил в этом Азефа, его немедленно уничтожили. В это же время он «сдал» в полном составе боевой комитет, готовящий восстание в Петербурге. В общем, почти все, кто принимал участие в подготовленных им терактах, попадались, кроме тех, естественно, кто своим присутствием должен был подтверждать легендарность самого руководителя БО. Те же, кто пытался проводить теракты самостоятельно, изначально были обречены.

Помимо денег, получаемых за секретную службу, Азеф, как глава БО, сосредоточил в своих руках огромные суммы, предназначенные для проведения террористических актов. В то время как некоторые товарищи по партии с умилением говорили, что Азеф «живет на хлебе и селедке», он спокойно «заимствовал» огромные суммы из партийной кассы. Считается, что он на этом сколотил капитал в 250 тыс. немецких марок, но если прислушаться к мнению А. А. Аргунова, то окажется, что названная цифра весьма скромна. «Денег было много, – вспоминал Аргунов. – Кроме специальных “боевых сумм”, оставшихся в особом фонде Боевой организации... и находившихся в распоряжении и на отчете Азефа (отчета он никому не давал, в том числе и ЦК), были изысканы новые источники пожертвований на боевое дело... Насколько богата была касса ЦК, можно судить по тому, что в 1906 году расход доходил до 1000 рублей в день, не считая трат на боевые дела... Отношение к боевому делу всегда было такое: сколько просит Боевая организация, столько и давать надо». Вот так – сколько просит!

Постоянный риск требовал постоянного расслабления. Часть денег Азеф откладывал в зарубежных банках, а часть тратил на шансонеток, певичек и актрис варьете. Его часто можно было видеть в петербургском «Аквариуме», в московском «Яре». Пил он, однако, очень мало. Его интересовали только женщины. На них Азеф денег не жалел, благо деньги все равно были «грязные» – за убийства и предательства. Мало кто знал, что у него были жена и сын, которые, узнав о его истинной роли, сменили фамилию и эмигрировали в Америку. За год до разоблачения Азеф в «Аквариуме» познакомился с певицей, немкой Хедди де Херо. С ним она осталась до конца его дней.

В 1906 году у Азефа появился новый начальник, полковник А. В. Герасимов, который возглавлял петербургское охранное отделение. Еще до этого, после выхода царского Манифеста 17 октября 1905 года, Азеф начал выступать за прекращение террора и роспуск БО. Этого не произошло, и тогда он попросту «сдал» БО Герасимову. Вплоть до 1908 года никаких громких акций эсерам провести не удалось. Мало того, Азефом очень стал интересоваться новый премьер России П. А. Столыпин, и не только его деятельностью как секретного агента, но и его взглядами и суждениями по тем или иным вопросам внутренней политики России, настроениям в революционной и оппозиционной среде. По сути, по этим вопросам Азеф стал для Столыпина главным консультантом. Его информация была исключительно богата фактическими указаниями, ценна и точна. И недаром в первом правительственном сообщении после разоблачения Азефа он будет назван «сотрудником правительства».

Насколько Азеф оказался изобретателен как «сотрудник правительства», настолько, а может, и более, он оказался изобретателен как террорист. То, что он придумал, «благополучно» используется и сегодня. Кто сейчас не слышал о «поясах шахидов»? А тогда?.. В начале 1905

года Азефу стало казаться, что он стоит на грани провала, что его двойная игра станет известна партии. Тогда у него появился план послать в помещение Охранного отделения боевиков и ценой их гибели взорвать полицейский архив. В тот же период, как впоследствии вспоминал Ратаев, Азеф занимался обучением иностранных революционеров, в частности, организаций армян-дрошакистов и македонцев, связанных с русскими террористами и занимавшихся транспортировкой оружия и взрывчатки с Балкан на Кавказ. По заданию полиции Азеф побывал в Константинополе, и вскоре после его отъезда, 12 июля 1906 года, с помощью начиненного взрывчаткой автомобиля было совершено покушение на турецкого султана Абдул-Гамида. Это был тот способ, который Азеф еще в 1904 году хотел применить против Плеве. Интересно, что уже в 1907 году он поставил на обсуждение партии вопрос о применении последних достижений науки и техники в целях политического террора. Особые надежды возлагались на подкобы с использованием зарядов, воспламеняемых на расстоянии, а также на использование только что появившихся самолетов для доставки к цели взрывчатки. А целью, как считал ближайший соратник Азефа Б. В. Савинков, был царский дворец. Видимо, уже тяготясь своей двойной карьерой, Азеф решил выйти из игры, громко хлопнув дверью, осуществив все же мечту русских террористов начала XX века, акт центрального террора – покушение на царя. Это предполагалось сделать в 1903 году во время торжественного царского смотра по случаю приемки нового корабля, только что построенного в Англии крейсера «Рюрик». Азеф накануне побывал в Англии, сумел даже проникнуть на крейсер и подобрать исполнителей акции – двух матросов, сочувствующих эсерам, – Авдеева и Каптеловича. Они получили от БО револьверы и написали прощальные письма, которые Азеф забрал с собой. 7 октября 1908 года царский смотр состоялся, но выстрелов не последовало. Однако разбираться, почему так случилось, у Азефа уже не было времени: со своими разоблачениями в его адрес выступил Владимир Бурцев.

Подозрения против Азефа высказывались в разное время и разными людьми. Об этом эсеров информировали даже некоторые сотрудники полиции. Но руководство партии – от Гершуни до Савинкова – отнеслось к этому с недоверием. Даже за три месяца до разоблачения Б. Савинков заявил: «Если бы против моего брата было столько улик, сколько их есть против Азефа, я застрелил бы его немедленно. Но в провокацию Ивана я не поверю никогда!» Да и кто бы мог поверить?! В это не поверили даже тогда, когда осенью 1907 года появилось так называемое «саратовское письмо», разоблачавшее провокаторскую роль Азефа. Оно было оглашено на заседании ЦК партии эсеров. Но несмотря на произведенное впечатление, письмо осталось без последствий, а эсер, которому все же поручили рассматривать это дело, вскоре был арестован.

Бурцеву же, издававшему в те годы в Петербурге «Былое», еще в мае 1906 года от одного сотрудника Департамента полиции, сочувствовавшего эсерам, стало известно о провокаторе в руководстве партии, действовавшем под кличкой «Раскин». Сопоставляя различные детали, он пришел к выводу, что Раскин – это Азеф. Но нужны были веские доказательства. И Бурцев их получил, и с самой неожиданной стороны – от бывшего начальника Департамента полиции, который в тот момент являлся эстляндским губернатором. Их разговор состоялся в августе 1908 года в купе поезда, следовавшего из Кельна в Берлин, и продолжался шесть часов. Правда, Лопухин молчал, говорил Бурцев. Когда же до Лопухина дошло, чем занимался секретный агент полиции, будучи главой БО эсеров, и особенно то, что он готовил цареубийство, Лопухин подтвердил Бурцеву, что Раскин и Азеф – одно и то же лицо. По прибытии в Россию он написал письмо своему бывшему однокашнику П. Столыпину с предложением самому премьеру покарать провокатора. Ответом на это письмо было появление на квартире у Лопухина самого Азефа, примчавшегося из Берлина, чтобы заставить того отказаться от своих слов. Это стало ошибкой Азефа, которая усугубилась неудачно подготовленным для него алиби. Лопухин сообщил о неожиданном визитере А. Аргунову, а Азеф же говорил, что в это время он был в Берлине. Но агент Герасимова, который должен был подготовить ему алиби, остановился

не в той гостинице, что нужно; и проверка, устроенная эсерами, не подтвердила пребывания Азефа в Берлине.

Для Лопухина встреча с Бурцевым стала роковой. После доклада П. Столыпина царю он был осужден и сослан в Сибирь. Премьер горой встал за Азефа, заявив на слушаньях по этому делу в Государственной Думе: «Обстоятельств, уличающих его в соучастии в каких-либо преступлениях, я, пока мне не дадут других данных, не нахожу». Не верили в предательство Азефа и в революционной среде. Известный террорист-революционер Карпович грозился перестрелять своих товарищей по партии, осмелившихся заподозрить главу БО в службе в полиции. А эсеры для выяснения всех обстоятельств устроили третейский суд над... Бурцевым. Судьями были назначены старые опытные революционеры Г. А. Лопатин, П. А. Кропоткин и В. Н. Фигнер. В. Бурцеву, «как клеветнику», на суде никто из эсеров не подавал руки, а после 17-го заседания суда (всего их было 18) В. Фигнер сказала ему: «Вы ужасный человек, вы оклеветали героя, вам остается только застрелиться!» Бурцев на это ответил: «Я и застрелюсь, если окажется, что Азеф не провокатор».

23 декабря 1908 года на квартиру к Азефу явились В. М. Чернов и Б. В. Савинков и предложили ему «честно обо всем рассказать». Азеф свою связь с полицией отрицал, но в ту же ночь бежал в Париж, хотя не так давно с возмущением написал в ЦК партии: «Оскорбление такое, как оно нанесено мне вами, знайте, не прощается и не забывается. Будет время, когда вы дадите за меня отчет партии и моим близким. В этом я уверен. В настоящее время я счастлив, что чувствую силы с вами, господа, не считаться. Моя работа в прошлом дает мне силы и подымает меня над смрадом и грязью, которой вы окружены теперь и забросали меня». Через два дня после бегства Азефа ЦК партии эсеров объявил его провокатором. Но почему же его не убили товарищи по партии? Ведь в революционной среде не принято было особенно церемониться! Ответ прост: все растерялись. Одни были потрясены, другие отошли от партии, некоторые покончили с собой. А Столыпин, выступая в Государственной Думе, заявил, что если один из главарей революции был, собственно, сотрудником Департамента полиции, то это, конечно, весьма печально, но никак не для правительства, а для революционной партии.

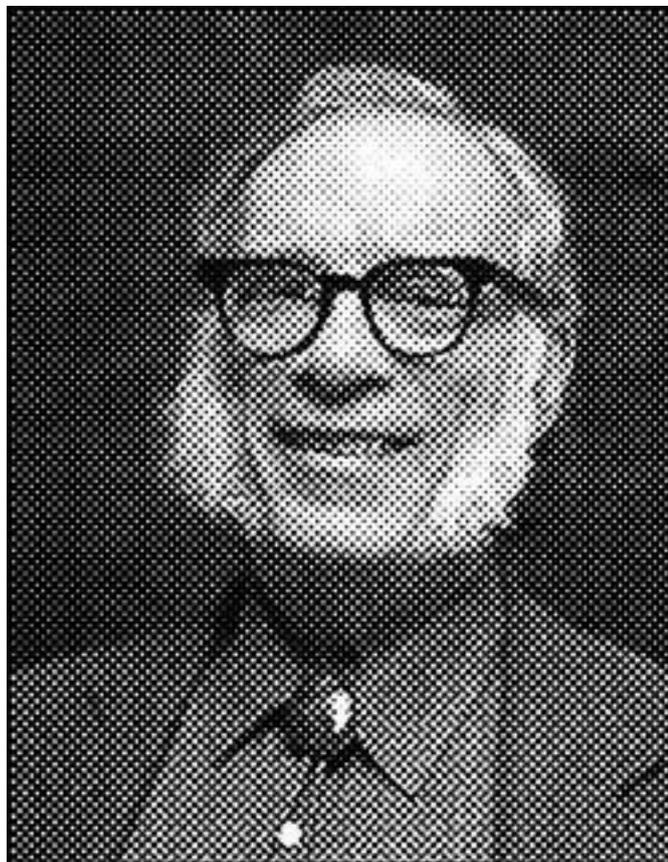
Между тем Азеф в 1909 году со своей пассией из «Аквариума» отправился путешествовать. Они посетили Италию, Грецию, Египет, а затем вернулись в Германию и поселились в Берлине. Теперь он стал господином Александром Неймайером и особенно не опасался своих вчерашних однопартийцев. Азеф не скрывался, не прибегал к гриму, он неплохо устраивался в своей новой жизни: в 1910 году снял квартиру, затратил на ее обустройство и подарки подруге свыше 100 тыс. марок, обзавелся немецкими приятелями и занялся коммерческими делами – стал играть на бирже. Жил, в общем, в свое удовольствие, посещал увеселительные места, театры, часто выезжал на дорогие курорты. Но летом 1912 года случилась неприятность: на курорте в Нейенаре его узнали и тут же сообщили Бурцеву. Тот, угрожая Азефу «отдать» его эсерам, настоял на личной встрече, которая состоялась 15 августа во франкфуртской кофейне. Разговор продолжался несколько часов, и Азеф почти убедил Бурцева, что просто жаждет суда над собой своих прежних товарищей и что в случае вынесения ему смертного приговора сам покончит с собой. Накануне этой встречи Азеф составил завещание, сдал квартиру в Берлине и заставил свою подругу переехать к матери в провинцию, а после встречи, на протяжении 1912–1913 годов, стал замечать следы: много ездил, менял гостиницы и паспорта.

Первая мировая война разорила Азефа. Все его состояние было вложено в русские бумаги, но с началом войны они утратили ценность в Германии. А в июне 1915 года германская полиция неожиданно арестовала его как опасного анархиста и террориста. Сколько он затем ни пытался доказать властям, что он не анархист, это ничего не дало – до декабря 1917 года Азеф находился в Моабитской тюрьме. Ему, правда, предлагали перейти из тюрьмы в лагерь для гражданских лиц русской национальности, но Азеф это предложение отклонил.

После прихода в России к власти большевиков провокатора неожиданно выпустили на свободу. Мало того, его приняли на службу, да не куда-нибудь, а в германское Министерство иностранных дел. Вряд ли Азеф годился для дипломатической работы, но он стал поговаривать о скором переезде в Швейцарию, которая и тогда являлась главным центром мирового шпионажа. Но этому случиться было не суждено. Резко обострилась болезнь почек, и 24 апреля 1918 года Азеф покинул этот бранный мир, унеся с собой в могилу не одну тайну. Хоронила его Хедди на Вильмерсдорфском кладбище в Берлине по второму разряду. Во избежание неприятностей надпись на могиле не была проставлена, только номер – 446.

АЗИМОВ АЙЗЕК

(род. в 1920 г. – ум. в 1992 г.)

Американский писатель-фантаст, популяризатор науки. Автор более 460 научно-популярных книг, сборников рассказов и романов, в том числе «Я, робот», «Стальные пещеры», «Обнаженное солнце», «Установление», «Установление и империя», «Второе установление», «Установление в опасности», «Камушки в небесах», «Космические течения», «Сами боги», «Конец Вечности» и др.

Американскому писателю Айзеку Азимову, видимо, принадлежит один из уникальных литературных рекордов. На его счету 467 научно-популярных книг, повествующих обо всем интересном, что создано человеком, как в мире вещественном, так и в мире безудержной творческой фантазии. Трудолюбие и плодовитость Азимова давно уже стали легендарными. Американский фантаст Артур Кларк по этому поводу шутил: «Он имеет четыре пишущих электромашинки и может печатать сразу четыре книжки двумя руками и двумя ногами. А сколько он извел деревьев! Чтобы издать его произведения, пришлось уничтожить $5,7 \times 10^{16}$ микрогектаров леса. Азимов – это настоящая экологическая катастрофа. Но, несмотря на все это, он – не робот».

Считается, что Азимов был научным фантастом, хотя это определение не совсем точное. Его произведения, скорее, можно назвать детективной фантастикой или фантастическими

детективами, поскольку хитроумные логические построения сближают Азимова больше с К. Дойлом и А. Кристи, чем, например, с И. Ефремовым или Р. Шекли.

Блестящий ум сочетался у Азимова с мечтательностью. И поэтому ему не суждено было стать ни чистым ученым, ни чистым беллетристом. Зато ему, как редко кому из писателей, удавались произведения, в которых можно было излагать самые невероятные теории, строить умозрительные цепочки, предполагающие множество версий, но имеющие лишь одно верное решение. Возможно, поэтому в лучших книгах писателя заложено детективное начало, а его любимые герои Э. Бейли и Р. Оливо по профессии сыщики. И хотя романы Азимова нельзя причислить к «чистым» детективам, в них всегда присутствует некая тайна, безупречные логические выводы и тонкая интуиция героев.

Айзек Азимов родился 2 января 1920 года в Белоруссии. Когда мальчику исполнилось три года, родители эмигрировали в США и поселились в Нью-Йоркском Бруклине, где открыли кондитерскую лавку. Семейный бизнес позволил им жить вполне благополучно, а кроме того, собрать достаточно средств, чтобы дать любимому Айзеку приличное образование. Этой возможностью юный Азимов воспользовался сполна. Едва выучившись читать, он обнаружил тягу к точным наукам. В девять лет впервые прочитал научно-фантастический журнал, в одиннадцать окончил школу, в пятнадцать – колледж, в девятнадцать получил диплом бакалавра Колумбийского университета, через два года – ученую степень магистра, а в двадцать семь лет уже был доктором наук. В 1949 году молодой и талантливый ученый возглавил кафедру биохимии медицинского факультета Бостонского университета.

Такая научная карьера, впрочем, не казалась самому профессору слишком стремительной. Позже в романе «Дыхание смерти», весьма точно изобразив университетскую среду, он вывел образ доцента Льюиса Брейда, страдавшего из-за того, что слишком поздно получил профессорскую должность. Автобиографичность героя была очевидной: Азимов, вероятно, полагал, что профессором он должен был стать гораздо раньше.

Молодой преподаватель избрал путь кабинетного ученого, так как путешествовать он не любил, потребности в резкой смене впечатлений не испытывал, а потому погрузился в присущий только ему мир фантазий и образов. Тот же Артур Кларк, приветствуя Азимова на заседании общества научных знаний в Лондоне, куда писатель наконец-то приехал после многочисленных приглашений, шутливо заметил, что нелюбовь Азимова к путешествиям лишает его возможности стать лауреатом давно заслуженной международной премии Калинги. Дело в том, что эта премия вручается слишком далеко от Америки, в Дели.

В молодости Айзек Азимов пополнял свои знания, в основном, в публичных библиотеках. Читал все подряд, от первой до последней книжки на полке, увлекался историей, естествознанием, точными науками. Как ученый он сначала сделал выбор в пользу зоологии, затем, будучи уже на втором курсе университета, решил посвятить себя химии. Но из всех ее разделов необходимо было остановиться на чем-то одном. Этим «одним» оказалась биохимия. Однако и это направление показалось Азимову слишком общим, чтобы заниматься серьезными научными исследованиями. И он еще более сузил поле деятельности, избрав для себя одну тему – нуклеиновые кислоты.

Достигнув определенных успехов в биохимии, Азимов почувствовал, что ему достался слишком ничтожный участок в «саду науки», а познать хотелось все. И тогда он решил освободиться от пут специализации, и если не обойти «весь сад», то, во всяком случае, оглядеть его сверху. Так возникло желание изложить на бумаге все то, что открывалось молодому ученому в обозреваемом научном мире.

Целую серию составили очерки Азимова по различным отраслям науки и техники. Частично эта серия складывалась из статей, ежемесячно публиковавшихся в журнале «Фэнтези энд сайенс фикшн», где Азимов 20 лет проработал научным редактором. Тематика была самой разнообразной – от физики и астрономии до истории и психологии.

Писатель отдавал преимущество не углубленному детальному анализу, а обзорам и очеркам-эссе. Он выражал свои мысли образно, точно, писал просто о сложном, что и обеспечило успех его научно-популярных работ среди широкого круга читателей.

Фантастикой Азимов увлекся еще в юности. Уже в 19-летнем возрасте он опубликовал рассказ «Покинутый на Весте», а через несколько лет, когда появились первые книги о роботах и новеллы из галактической эпопеи «Установление», стал, по мнению критиков, серьезным писателем.

В эпическом цикле «Установление» главным действующим лицом впервые в научной фантастике стал робот по имени Р. Даниэл Оливо. Он – существо совершенное, и по мере развития сюжета проявляет качества, не свойственные обычному человеку. А в пятой части книги он уже занимает чуть ли не место самого Творца Вселенной и вершителя человеческих судеб.

Вообще, азимовские роботы – это нечто наиболее поразительное из всего, созданного писателем. Он «очеловечил» эти мыслящие машины, придав им самые разнообразные черты и качества, проявляющиеся в отношениях с людьми. Сформулированные Азимовым «три закона робототехники», были приняты в научно-фантастической литературе практически безоговорочно. Они и звучат как самый серьезный научный постулат:

1. Робот не может причинить вред человеку или своей бездеятельностью позволить, чтобы человеку был причинен вред.

2. Робот должен подчиняться командам, которые дает ему человек, за исключением тех случаев, когда эти команды противоречат первому закону.

3. Робот должен оберегать свое существование, если это не противоречит первому и второму закону.

Как правило, главные герои произведений Азимова – это мыслящие машины различных конструкций, они действуют в сложных, а часто и критических обстоятельствах. Особенно привлек читателей образ исследователя Сьюзен Келвин, которая лучше, чем кто бы то ни было, понимает их тонкую психологию. Рассказы, объединенные в единый цикл «Я, робот», оказали, вероятно, не меньшее влияние на развитие научной фантастики, чем «Машина времени» Уэллса.

Позднее Азимов обратился к роботам в романах «Стальные пещеры» и «Обнаженное солнце», в которых человек Элайдж Бейли и тот же робот Даниэл Оливо раскрывают загадочные преступления. Писатель характеризует Даниэла как сильное, идеально уравновешенное, разумное, неподвластное эмоциям существо, действия которого, правда, ограничиваются тремя законами робототехники.

Этот робот оказался настолько привлекательным, что Азимов стал получать множество писем, особенно от читательниц, которые выражали свои искренние симпатии Даниэлу и настолько им увлеклись, что настоящие люди в произведениях писателя им уже казались менее интересными героями. Эти отзывы заставили писателя задуматься над проблемой: если машина мыслит, как человек, и даже лучше, то, возможно, и не важно внешнее подобие человека и машины. И тогда на следующем этапе появилась совершенная ЭВМ, названная автором Мультиваком, – хранилище всей мировой статистики и ежедневных мировых новостей. Гипотеза о необозримом электронном мозге стала весьма распространенной в американской фантастике. Азимову она дала повод для дальнейших философских размышлений в романах «Все грехи мира», «Последний вопрос» и др. Подводя итоги своим творческим изысканиям, Азимов делает вывод: «Род людской выживет, если смелее будет смотреть в лицо настоящему, а не держаться за прошлое, если будет иметь мужество принимать исторические изменения, а не сопротивляться им».

Айзек Азимов прожил 72 года. Он умер 6 марта 1992 года в клинике Нью-йоркского университета. За несколько лет до своей кончины писатель произнес один из самых блестящих

монологов о книге, настоящий панегирик древнему и самому совершенному средству познания. В нем, в частности, он утверждал: «Пусть книга – вещь давняя, для нас она в то же время и самая совершенная, и читателей от нее ничто не может отлучить. Таким образом, вопреки всем заявлениям о кассетах и компьютерах, писатели не выйдут из моды никогда и не уйдут в безвестность. Писанием книг богатства, возможно, и не наживешь (в конце концов, что такое деньги?), но профессия эта будет существовать всегда».

Эти слова Айзек Азимов подтвердил всем своим творчеством, подняв писательскую профессию до уровня великой мысли, синтезировав высокое искусство и серьезную науку.

БАБЕЛЬ ИСААК ЭММАНУИЛОВИЧ

(род. в 1894 г. – ум. в 1940 г.)

Советский писатель. Автор сборника «Конармия» (1926 г.), «Одесских рассказов» (1931 г.) и множества пьес.

Нежная привязанность одесситов к своему городу стала уже почти легендарной. Наши предки сравнивали Одессу ни много ни мало с Парижем: те же модные вернисажи, банк «Лионский кредит» на Ришельевской, живописный «Привоз» – чем не «Чрево Одессы», – блистательная опера, множество поэтов и собственный Мопассан, известный под именем Исаака Бабеля...

«Я родился... на Молдаванке», – написал Исаак Эммануилович в своей автобиографии. И это событие определило весь его дальнейший жизненный и творческий путь. В генетической памяти, на слуху, да и в сознании Бабеля она осталась, как когда-то говорили, местом «больше, чем сама Одесса». Молдаванка – явление, мораль целого города. Это предместье Одессы воспитало в Исааке Бабеле особую нравственность, одарило память щемящей грустью, стало стилем его жизни.

Исаак Эммануилович Бабель родился 1(13) июля 1894 года в Одессе в довольно зажиточной еврейской семье. Его прабабушка по материнской линии Фейга вышла замуж в 1818 году за приехавшего из Галиции еврея-сверстника Мозеса-Фроима Лейзова-Швехвеля, который через некоторое время поступил «подмастерьем еврейского мужского цеха». Один из их сыновей, Арон Мозесов Швехвель, впоследствии стал дедом знаменитого писателя Исаака Бабеля. Его старшая дочь Фейга (названная в честь бабушки) вышла замуж за Эммануила Бабеля в 1890

году. На следующий год у них родился первенец Арон, в 1892 году – дочь Анна, а затем Исаак – будущий знаменитый писатель.

Прожив недолго в Одессе, семья Бабель уехала в Николаев, где Эммануил Исаакович поступил на службу в фирму Бирнбаума по торговле сельскохозяйственными машинами. Его бизнес процветал. Кроме техники старший Бабель торговал пожарными насосами, медным купоросом и чугуном в чушках. Среди друзей удачливого коммерсанта был даже французский консул.

К сожалению, несчастья личного характера преследовали семью. Один за другим умерли старшие дети Арон и Анна. Выжить удалось лишь Исааку. Мальчишка оказался крепким и смышленным. Нужно сказать, что Исаак всегда был окружен любовью и заботой близких. Бабушка по папиной линии, Миндли Ароновна, обожала внука и окружала его суровой, требовательной любовью. Она была абсолютно уверена в том, что ее ненаглядный Исаак прославит их фамилию. Миндли Ароновна даже сердилась, если кто-нибудь пытался с ней соперничать в любви к маленькому внуку. Первоначальное образование он получил дома. В своей автобиографии Бабель писал: «По настоянию отца изучал до 16 лет еврейский язык, Библию, Талмуд. Дома жилось трудно, потому что с утра до ночи заставляли заниматься множеством наук. Отдыхал я в школе». Учился мальчишка хорошо. Особенно легко давались ему языки. Исаак легко освоил английский и немецкий, в совершенстве знал идиш и иврит, а по-французски говорил так же бегло, как и по-русски. В Николаеве он поступил в приготовительный класс коммерческого училища им. графа С. Ю. Витте. Там же 16 июня 1899 года в семье Бабелей родилась единственная сестра Исаака – Мера (Мари).

Сколотив достаточный капитал, семья переехала в 1905 году в родной город Одессу и на некоторое время поселилась у родной сестры матери Гитл (Кати) на Тираспольской, 12, в квартире № 3. Эту квартиру, дом и двор взрослый Исаак опишет в рассказе «Пробуждение». Через четыре года семья Бабелей поселилась на Ришельевской в доме № 17, квартире № 10. Отец всегда мечтал о том, чтобы сын пошел по его стопам и стал коммерсантом. Именно ему Эммануил Бабель хотел оставить доходный семейный бизнес. Поэтому под давлением отца Исаак поступил в Одесское коммерческое училище им. императора Николая I. Программа училища была очень насыщенной. Изучались химия, политэкономия, законоведение, бухгалтерия, товароведение, три иностранных языка и другие предметы. «Отдохнуть» на переменах можно было в греческих кофейнях или гуляя по порту. Иногда ученики сбегали на Молдаванку «пить в погребах дешевое бессарабское вино». Отец души не чаял в сыне, буквально боготворил его. Если кто-то ему очень нравился, старший Бабель говорил о таком человеке: «Тип красоты моего Изи». Эти слова в устах любящего отца были наивысшей похвалой.

Исаак Бабель активно участвовал в любительских спектаклях и сочинял пьесы. По настоянию отца он обучался игре на скрипке у знаменитого маэстро Петра Соломоновича Столярского. Во время учебы Исаак начал писать. В то время ему едва исполнилось 15 лет. В течение двух лет он сочинял по-французски под влиянием Г. Флобера, Ги де Мопассана и своего учителя французского языка Вадона. Отец так отзывался о его литературном творчестве: «Были “заскоки” – ночами марал бумагу, что-то писал по-французски, а написанное прятал». Эммануил Исаакович шутил называл за это сына «графом Монтекрестовым». Сам Исаак Бабель позднее вспоминал о своих первых рассказах: «Я беру пустяк – анекдот, базарный рассказ – и делаю из него вещь, от которой сам не могу оторваться...» Французский обострил ощущение литературного языка и стиля молодого писателя. Уже в первых своих рассказах Бабель стремился к стилистическому изяществу и к высшей степени художественной выразительности. Рано было сформировано главное свойство прозы: начинающий писатель смог соединить разнородные пласты жизни и языка.

В 1912 году Исаак Бабель окончил Одесское коммерческое училище. Но, к сожалению, не имел права поступить в Одесский университет, потому что для этого требовался гимнази-

ческий аттестат. Поэтому родители решили отправить сына в Киев, где был Коммерческий институт. Во время Первой мировой войны Исааку Бабелю пришлось эвакуироваться вместе с институтом в Саратов. Несмотря на трудности, юноша в 1916 году окончил институт, получив звание кандидата экономических наук.

В Киеве, куда отец и в дальнейшем посылал его по коммерческим делам, Исаак познакомился с Евгенией Борисовной Гронфайн, отец которой поставлял старшему Бабелю сельскохозяйственные машины. 9 августа 1919 года молодые люди обвенчались по всем правилам синагоги. Отец невесты не принял этот брак, считая его настоящим мезальянсом, лишил дочь наследства и проклял весь род Бабелей до десятого колена.

В 1916 году юноша приехал в Петербург, решив для себя зарабатывать на жизнь писательским трудом. Он обивал пороги различных редакций и издательств, предлагал свои рассказы, но абсолютно безуспешно. Многие редакторы в известных петербургских журналах советовали молодому писателю забросить бумагомарание и заняться торговлей. Ситуацию усложняло и то, что Бабель проживал в Петербурге на нелегальном положении. В Российской империи существовала черта оседлости для евреев, и без специального разрешения они не могли поселиться в крупных городах. В это же время Исаак Бабель увлекся психологией, психиатрией и юриспруденцией. В 1916 году он поступил на четвертый курс юридического факультета Бехтеревского Петроградского психоневрологического института, который, к сожалению, не окончил.

Хуже всего было то, что Исаак оставался без поддержки родных и близких. Отчаявшись, начинающий писатель обратился за помощью к Максиму Горькому. Он показал знаменитому писателю несколько своих ранних произведений. Горький, прочитав их, дал совет: идти в люди, набираться жизненных впечатлений, как когда-то сделал он сам. Алексей Максимович в то время был главным редактором журнала «Летопись». Два рассказа молодого писателя были опубликованы в 11-м номере журнала за 1916 год. Они вызвали огромный интерес у читателей и... судебных органов. За рассказы «Элья Исаакович и Маргарита Прокофьевна», «Мама, Римма и Алла» Бабеля собирались привлечь к уголовной ответственности за распространение порнографии. Только Февральская революция спасла его от суда, назначенного на март 1917 года.

Приближался конец Первой мировой войны. Исаак Бабель успел побывать солдатом на французском фронте. А летом 1918 года был активным участником продовольственных экспедиций наркомпрода. За годы революции и Гражданской войны он сменил множество профессий: работал в наркомпроде и одесском губкоме, воевал на румынском, северном, польском фронтах, работал репортером тифлисских и петербургских газет. Бабель-публицист был всегда идеологически правильным, а вместо юмора использовал отточенный слог революционной лексики.

В 1919 году начинающий писатель поступил в ряды чрезвычайной комиссии в качестве корреспондента Первой конной армии. Документы на имя Кирилла Васильевича Лютова ему помог получить секретарь одесского обкома С. Б. Ингулов – «товарищ Сергей». По документам корреспондент Лютов был русским, что дало ему возможность принимать участие в боевых действиях. Во время пребывания в Первой конной Бабель постоянно вел дневник, ставший основой цикла рассказов о конармии 1923–1926 годов. «Конармия» Бабеля сильно отличалась от красивой легенды, которую сочиняли о буденовцах официальные средства информации. Молодой писатель показал и неоправданную жестокость, и животные инстинкты солдат, которые затмевали слабые ростки человечности, что писатель видел в революции и очистительной Гражданской войне. Без преувеличения можно сказать, что «Конармия» стала документом и литературным шедевром, ради создания которого писатель пожертвовал собой.

Вокруг книги разгорелся нешуточный скандал. Рассказы о Первой конной армии принесли автору славу и одновременно ненависть таких могущественных лиц, как командующий Первой конной армией Буденный: «Требую защитить от безответственной клеветы тех, кого

дегенерат от литературы Бабель оплевывает художественной слюной классовой ненависти». Начдив Первой конной армии С. К. Тимошенко, ставший впоследствии маршалом и наркомом обороны, был взбешен, прочитав рассказ «Тимошенко и Мельников». Как-то он сказал одному из друзей Бабея – Охотникову, – что убьет писателя «к чертовой матери, попадись тот ему на глаза». Когда Охотников решил помирить начдива и Бабея, он уговорил Тимошенко прийти в гости к автору нашумевшего произведения. Они пришли в Обуховский переулок, где жил писатель, среди бела дня. Исаак Эммануилович работал... Позднее он рассказывал школьному товарищу: «И тут они входят ко мне в комнату, вижу впереди Тимошенко. Ну, думаю, надо хоть перед смертью молитву прочитать».

В защиту бабелевской «Конармии» встал Горький. В рецензии, своих критических статьях он часто повторял, что Бабель описал бойцов Первой конной армии «правдивее, лучше, чем Гоголь запорожцев». Можно с уверенностью сказать, что без вмешательства Горького писатель сразу же попал бы под военный трибунал. «Конармия» была высоко оценена коллегами Бабея по писательскому цеху: Маяковским, Фурмановым, Андреем Белым и другими. Вскоре появились первые переводы. В 1928 году «Конармия» была переведена на испанский. Во Франции его роман имел оглушительный успех. «Конармией» зачитывались Ромен Роллан, Анри Барбюс и Мартен Дюгар. В числе поклонников творчества Бабея были Томас Манн, Лион Фейхтвангер. Вопреки недоброжелателям, творчество одесского писателя рассматривалось как самое значительное явление в современной литературе. Литературный критик А. Лежнев писал: «Бабель не похож ни на кого из современников, но прошел недолгий срок – современники начинают понемногу походить на Бабея. Его влияние на литературу становится все более явным».

Во время Гражданской войны Исаак Бабель чудом остался жив, перенес тяжелое ранение, переболел тифом. Только в ноябре 1920 года он смог вернуться в Одессу. А уже в феврале 1921 года становится редактором журнала «Коммунист» и работает в Госиздате Украины. Несмотря на мировую известность, писатель оставался все таким же скромным и отзывчивым человеком. Его доброта была безграничной. Исаак Бабель раздавал свои галстуки, рубашки и говорил: «Если я хочу иметь какие-то вещи, то только для того, чтобы их дарить». Его тетка Катя часто приходила к людям, которым Бабель имел неосторожность подарить что-нибудь из мебели или семейных реликвий и говорила: «Извините, мой племянник – сумасшедший. Эта вещь – наша фамильная, поэтому верните мне ее, пожалуйста». Именно так ей удалось сохранить кое-что из семейной обстановки. К тому же у Бабея легко можно было занять денег. А долги знаменитому писателю никто не возвращал. Очень часто писатель сам нуждался в деньгах и поэтому брал предоплату в разных журналах в счет будущих рассказов, не успевая вовремя выполнить заказ. В семейном архиве писателя сохранились запросы, которые посылали ему из различных журналов: «Дорогой товарищ Бабель, когда же мы все-таки получим “Дорогу”? Время течет, читатель читать хочет. Сейчас делаем шестой выпуск, хорошо бы поместить ее там, но срок в срок». Бабель действительно работал очень медленно. Как скульптор, он постепенно отсекал ненужные детали, шлифовал каждое слово, подбирал наиболее яркие способы выражения. Язык его произведений лаконичен и сжат, ярок и метафоричен. В отделе рукописей Российской государственной библиотеки хранится дружеский карандашный шарж Е. Зозули на Бабея. Текст под рисунком: «И. Бабель задумал новый рассказ. Чувствуется, что он будет написан быстро, всего через какой-нибудь год».

Исаак Эммануилович был необычайно требователен к себе. Бытует легенда, что только один рассказ «Любка Казак» имел около 30 серьезнейших редактур, над каждой из которых писатель работал по несколько месяцев. Очень часто он повторял: «Стилем-с берем, стилем-с. Я готов написать рассказ о стирке белья, и он, может быть, будет звучать, как проза Юлия Цезаря». Свои произведения Бабель писал в небольшой комнате с огромными окнами. Он никогда не имел пишущей машинки, да и попросту не умел на ней печатать. Писал он пером

и чернилами. Рукопись Исаак Эммануилович хранил в нижнем ящике платяного шкафа. И только дневники и записные книжки находились в тяжелом металлическом ящике с замком. Обычно у него под рукой были нарезанные листочки 10×15 см, на которых он записывал свои рассказы.

В 1923–1924 годах Бабель работал над циклом «Одесских рассказов», которые стали вершиной его творчества. В это время писатель переживал настоящий душевный кризис: «Почему у меня непроходящая тоска? Потому что я на большой, непрекращающейся панихиде», – писал он в дневнике. Выход из душевного и творческого кризиса он нашел в гиперболизированном, почти мифологическом городе, населенном персонажами, в которых, по словам писателя, есть «задор, легкость и очаровательное то грустное, то трогательное чувство жизни». Одесса и ее реальные жители – Мишка Япончик, Сонька Золотая Ручка – в воображении писателя превратились в художественно достоверные образы: Бени Крика, Любки Казак, Фроима Грача. Подробно рассказывая о жизни одесского криминала, он очень часто примерял их жизнь на себя. Для того, чтобы окунуться в атмосферу одесских будней, Бабель снимал комнату на Молдаванке у старого еврея Цириса, который был наводчиком у бандитов и получал свой «карбач» от каждого грабежа. По легенде, именно там и подсмотрел Бабель сюжеты для своих известных на весь мир «Одесских рассказов». Но знаменитый писатель получал информацию и из других источников. 29 мая 1923 года из губкома в одесский угрозыск Барышеву пришла совершенно секретная бумага о допущении т. Бабеля как литератора к изучению некоторых материалов угрозыска в пределах возможного. Кроме этого, Исаак Эммануилович посещал открытые судебные заседания. В основу полного юмора, ярких красок рассказа «Карл Янкель», над которым писатель работал семь лет, был положен судебный процесс, состоявшийся 24 июня 1924 года в клубе трамвайщиков.

Год от года популярность Бабеля-писателя росла. Его часто приглашали на вечера, устраиваемые кремлевскими женами. В ту пору было модно иметь свой литературный салон. По Москве тогда ходили слухи о том, что у Бабеля сложились близкие, даже интимные отношения с женой Ежова, красавицей Евгенией Соломоновной. В ее доме часто собирались молодые и уже известные авторы. Завсегдатаи салона ценили Бабеля за любовь к жизни. Недаром Илья Эренбург сказал как-то о писателе: «Он был падок на жизнь». Связь с Евгенией Ежовой впоследствии сыграла роковую роль в жизни Бабеля.

Сам знаменитый писатель считал, что человек рождается для веселья и наслаждения жизнью. Он обожал смешные истории и ситуации. Исаак Эммануилович часто выдумывал всевозможные розыгрыши и при этом очень веселился. Однажды в воскресенье из комнаты Бабеля раздались невероятные душераздирающие стоны. На вопрос «Что случилось?» великий мистификатор самым серьезным тоном ответил: «Я хотел показать вам еврейские стоны». По воспоминаниям друзей, писатель был человеком высокой культуры и к тому же великолепным рассказчиком. Он говорил ровным голосом без акцента, никому никогда не подражал. Особенностью Бабеля-рассказчика было то, что иногда перед смешными местами он начинал хохотать, да так заразительно, что невозможно было не смеяться вместе с ним.

К сожалению, жизнь писателя с Евгенией Гронфайн сложилась неудачно. Красавица Евгения очень часто критиковала написанное мужем. В 1925 году она навсегда уехала в Париж. Супруги расстались из-за частых измен Бабеля. Сам же Исаак Эммануилович говорил о том, что жена уехала в Париж упражняться в художествах. После ее отъезда Бабель смог открыто сойтись с артисткой театра им. Мейерхольда Татьяной Кашириной. В июле 1926 года у них родился сын, которого счастливые родители назвали Эммануилом. Их роман оказался недолгим. Так и не узаконив отношения, Бабель покинул свою возлюбленную и уехал в Париж к Евгении Гронфайн, где у них родилась дочь Натали. За это время Каширина вышла замуж за Всеволода Иванова, который усыновил Эммануила и дал ему новое имя Михаил. Ивановы сделали все возможное, чтобы оградить Михаила от встречи с настоящим отцом. Из Парижа

Исаак Бабель возвратился один. А в 1932 году встретил свою третью и последнюю любовь – Антонину Николаевну Пирожкову. Исаак Эммануилович стал ее первым и последним супругом. В 1937 году у них родилась дочь Лида. Антонина Николаевна всю жизнь оставалась верна своему мужу-писателю.

Смерть Горького стала одной из самых значительных потерь в жизни Бабеля. Вместе с ним ушло в небытие зыбкое равновесие между создателем «Конармии» и властями. Сразу же после того, как роковое известие дошло до писателя, он произнес фразу, предвосхитившую дальнейшие события: «Теперь мне жить не дадут». Исаак Эммануилович хорошо понимал, что смерть Горького была насильственной, но открыто говорить об этом не мог. В это же время к одесскому писателю был приставлен литературовед Эльсберг. Этот человек работал в издательстве «Академия», что позволяло ему постоянно опекать Бабеля и его семью. Спустя много лет, уже после XX съезда партии, на одном из писательских съездов Эльсберг был исключен из Союза писателей за информаторскую деятельность.

Хрущев в своих мемуарах вспоминал, что Сталин и Берия в конце 1930-х годов планировали арест жены Ежова. Предупрежденная мужем Евгения Соломоновна покончила с собой в больнице. 11 мая 1939 года комиссар госбезопасности Кобулов допрашивал арестованного Ежова о том, что представлял собой литературный салон его жены. Бывший железный нарком рассказывал о том, что особая дружба связывала его жену с Бабелем, который, как известно, все время вертелся в подозрительной троцкистской среде и, кроме того, был тесно связан с французскими писателями. А 15 мая 1939 года был арестован и сам Бабель – на даче в Переделкино, в связи с тем, что дома писателя застать не смогли.

Уже во дворе Лубянской тюрьмы арестованный Бабель произнес: «Ужасно, что не будет писем от матери». Не выдержав пыток, Исаак Эммануилович назвал десятки имен и фамилий, но в архивах НКВД сохранилось заявление писателя, в котором он отрекался от своих слов. Судебный приговор был краток: Бабеля обвинили в заговорщицкой и террористической деятельности и подготовке терактов в отношении руководителей ВКП(б) и советского правительства. В материалах следствия упоминалось имя лорда Бивербрука, с которым писатель будто бы установил контакты с целью реализации своих подрывных заданий. Приговор (расстрел) был приведен в исполнение комендантом НКВД Блохиным 26 января 1940 года в помещении Лефортовской тюрьмы.

При аресте писателя были конфискованы 24 папки с его рукописями. О поисках архива Бабеля хлопотал секретарь правления Союза писателей А. Сурков, который направил письмо министру МГБ генералу Серову. «Рукописи не найдены», – был получен короткий ответ. Он пришел так быстро, что стало ясно: никаких тщательных поисков не велось.

После падения «железного занавеса» Пирожкова-Бабель выехала за границу. Там она написала книгу «Семь лет с Бабелем», разошедшуюся миллионными тиражами.

«Бабель был обречен как выдающаяся личность, как писатель, не способный к сделке с правительством. Писать об этом для меня очень трудно, – вспоминала Антонина Пирожкова. – Горечь утраты не оставляет меня никогда. И мысли о том, что за восемь месяцев в НКВД он должен был испытать массу унижений и оскорблений, пытки, а свой последний день пережить как день перед смертью после приговора, разрывает мне сердце».

В одном из писем к родным Исаак Бабель писал: «При рождении своем я не давал обязательства легкой жизни». Теперь мы знаем, что эти слова стали пророческими.

БЕГИН МЕНАХЕМ

(род. в 1913 г. – ум. в 1992 г.)

Премьер-министр Израиля (1977–1983 гг.), лидер блока крайне правых сионистских партий Ликуд, юрист, доктор права. Лауреат Нобелевской премии мира (1978 г).

Менахем Бегин – неординарная и противоречивая личность, являющаяся одновременно и ярким политиком, и опасным террористом, и национальным героем Израиля. Многие из его сторонников считают, что если бы не его громкие террористические акции против англичан, на современной карте не появилось бы еврейское государство.

Менахем родился 16 августа 1913 года в небольшом польском городке Брест-Литовск, население которого на 70 % состояло из евреев. В городе были синагога, еврейские школы, театры, но вместе с тем там процветал махровый антисемитизм, и еврейское население постоянно страдало от кровавых погромов. Отец Менахема, Вольф Бегин, служил в банке и был старшиной местной еврейской общины. Мать мальчика, Хася Коссовская, вела хозяйство и воспитывала детей. Семья вела размеренную, привычную жизнь, и все делала вместе. С детства Менахем впитал убежденность отца, что евреям суждено вернуться на родину предков. Еще в десятилетнем возрасте он вступил в юношескую сионистскую организацию, занимающуюся подготовкой детей и подростков к жизни в Палестине, а в 16 лет стал активным членом организации «Бетар», основателем которой был Зеев (Владимир) Жаботинский. В этой «школе мужества» каждый был обязан научиться «владеть кулаком и палкой, маршировать и ползать,

трудиться, быть опрятным, презирать любые формы разгильдяйства, уважать женщину, старика, молитву, демократию...»

После окончания школы, в 1931 году, Менахем поступил на юридический факультет Варшавского университета. Случай, произошедший с ним в годы учебы, укрепил Бегина в его политических взглядах. Однажды сокурсники-поляки схватили его на улице, связали и начали насильно кормить свининой, приговаривая при этом: «Жри, жид пархатый!» По окончании университета Менахем занялся адвокатской практикой, имея степень доктора права. Но его карьера развивалась не по профессиональной, а по партийной линии. В течение двух лет он был генеральным секретарем чехословацкого отделения «Бетара», а затем в 1933 году возглавил польское отделение.

Бегин сразу же показал себя как прекрасный агитатор и организатор. Он разъезжал по Польше, набирая в ряды новых членов. Он спал по пять-шесть часов в сутки, посвящая остальное время разработке стратегии организации и ее укрепления. С 1935 года Бегин стал секретарем «Бетара», в ряды которого входило более 70 тысяч человек. В мае 1939 года у английского посольства в Варшаве он руководил массовыми акциями протеста против ограничения эмиграции евреев в Палестину – в то время она являлась подмандатной территорией Англии. Тогда же Менахема арестовали, и он провел несколько месяцев в тюрьме.

Лидеру сионистского движения в Польше исполнилось всего 26 лет, когда началась Вторая мировая война. Он предложил польскому правительству создать еврейский легион для борьбы с фашистами, но руководство страны отказалось. Бегину пришлось бежать в Вильнюс (Вильнюс, Литва), но в сентябре 1940 года там его арестовали сотрудники НКВД. Он уходил в тюрьму в тщательно начищенных ботинках, костюме с галстуком, прихватив с собой самую дорогую реликвию – томик Танаха (Библии).

Менахем пробыл в заключении несколько месяцев. Несмотря на ночные пытки (например, 60-часовую бессонницу), он не подписал протокол со словами: «Признаю себя виновным в том, что был председателем “Бетара” в Польше». 1 июня 1941 года по решению особого совещания, как социально опасный элемент, был на восемь лет отправлен по этапу в Печорлаг. В лагере он вынес изнурительный труд, постоянные издевательства охраны и уголовников, голод, холод, болезни. Позднее бывший советский заключенный описал свои злоключения в книге «Белые ночи», раскрыв на ее страницах тему взаимоотношения евреев, занимающих разные ступени в тоталитарном государстве – от партийного функционера до тюремщика. В вильнюсской тюрьме его допрашивал следователь-еврей, как, впрочем, охранник и сокамерники, убежденный коммунист-переводчик тоже был евреем. (Кстати, Бегин был полиглотом и владел свободно девятью языками, но русский на тот момент знал плохо и давал показания на идиш и иврите.) Менахем не отсидел назначенный срок, так как через год попал под сталинскую амнистию вместе с другими польскими заключенными. В это время советское правительство стремилось создать на своей территории польскую армию под командованием генерала Андерса. Под крики уголовников: «Это же жид, а не поляк!» – Бегин без денег и документов вышел на свободу.

Менахем колесил по бескрайним просторам СССР, спал на вокзалах, часто «путешествовал» на крышах товарных вагонов, голодал. Он сам отыскал польскую армию и записался в ее ряды добровольцем. В 1942 году его воинская часть была отправлена в Палестину. Вскоре Бегин дезертировал и возобновил активную деятельность в «Бетаре» – возглавил его группу в Иерусалиме. В то время на территории Палестины существовало несколько еврейских организаций, борющихся за создание независимого еврейского государства. Одни придерживались мирных методов борьбы, а другие, находясь в подполье, признавали только террор. К последним принадлежала подпольная милиция ЭЦЕЛЬ (Иргун Цвай Леуми), куда и вступил Бегин. Он активизировал работу организации, став в 1943 году ее командиром. ЭЦЕЛЬ выступала против британской администрации и боролась за свободный въезд на родину евреев-беженцев.

В это же время очевидцы рассказали Менахему о гибели его близких: «Маму фашисты вывели из больницы и расстреляли. Отца утопили в реке вместе с еще 500 евреями. Он шел во главе колонны пленных, и все они запели по его предложению “Ани маалит” (“Я верю в приход Машиаха”) и “Хатикву” – и пели, пока их не сбросили в реку». В одном из лагерей погиб и родной брат Менахема.

С 1944 года Бегин развернул активную деятельность. ЭЦЕЛЬ развязала жестокий террор против английских властей в Палестине. 12 февраля 1942 года в Иерусалиме, Тель-Авиве и Хайфе были взорваны английские иммиграционные офисы, препятствующие въезду евреев на историческую родину. А еще через две недели там же прогремели взрывы в офисах налоговых служб, в результате чего погибло шесть чиновников и два террориста. Спустя два месяца от рук боевиков ЭЦЕЛЬ погиб британский министр по делам Ближнего Востока. Оружие террористы добывали разбойными акциями, а деньги – грабежами: однажды они остановили поезд, который вез зарплату рабочим, а затем похитили бриллианты на 38 тысяч фунтов. В ноябре по распоряжению Бен-Гуриона была начата операция «Сезон», поставившая еврейскую общину на порог гражданской войны. Не началась она только благодаря вмешательству Бегина. Михаэль Бар-Зоар, автор биографии Бен-Гуриона, писал об этих событиях: «по всей стране захватывали членов ЭЦЕЛЬ, во главе которого стоял Менахем Бегин. Их отводили для допросов в кибуцы, били. Члены “Хаганы” сдавали их британской полиции. Эта кампания легко могла перерасти в братоубийственную войну. Этого не произошло потому, что Менахем Бегин обратился с призывом к членам Иргуна: “Вы не должны поднимать оружие на молодых евреев. Это наши братья. Их обманули”. Бен-Гурион выиграл сражение в борьбе за власть, хотя победа была горькой. Слепая ненависть разделила еврейскую общину».

1945 год стал для англичан сплошным кошмаром. Еврейские террористы нападали на британские военные гарнизоны, уничтожая людей и военную технику. Их не останавливали карательные меры правительства. 29 июня 1946 года англичане начали тотальную антитеррористическую акцию под кодовым названием «Агата». В ней были задействованы практически все силы, находившиеся на тот момент в Палестине: 80 тысяч военнослужащих и 20 тысяч полицейских охраняли от боевиков подмандатные территории. В стране был введен комендантский час. В результате акции были арестованы около трех тысяч человек и захвачены склады оружия. В ответ ЭЦЕЛЬ взорвала бомбу в южном крыле отеля «Король Давид» в Иерусалиме, в котором размещались несколько штабов британской администрации, военная полиция и отдел специальных расследований. Общее число жертв составило 100 человек, 46 получили ранения. Но только 28 человек из погибших оказались англичанами. Военные почти не пострадали, а жертвами стали евреи – рядовые служащие отеля. После трагедии подпольная радиостанция ЭЦЕЛЬ заявила, что сожалеет о гибели своих соотечественников, переложив вину за их смерть на английскую администрацию отеля, не предпринявшую никаких мер для спасения людей после полученного за 25 минут предупреждения о теракте. Британское правительство назначило за поимку Бегина десять тысяч фунтов стерлингов, и ему пришлось уйти в глубокое подполье. Полгода он жил в квартале йеменских евреев в лачуге без воды и электричества, а однажды безотлучно просидел трое суток в крошечной коморке на чердаке.

Со своей будущей женой Менахем познакомился еще в 1937 году в Дрогобыче. Очаровательной 17-летней Ализе он написал спустя два дня: «Я видел вас один раз, но мне кажется, что я знал вас всю жизнь». Их переписка и редкие встречи продолжались два года. В 1939 году они поженились. Бегин предупредил любимую, что их совместная жизнь не будет легкой: не всегда в семье будут деньги и достойное жилье, им предстоят долгие разлуки, ссылки и тюрьмы. Ализа ответила, что сможет выдержать любые испытания и останется верной ему и общим идеалам, и сдержала свои обещания. Она не только разделила нелегкую жизнь мужа, но и стала для него верным другом и соратником. В семье вначале родились две дочери – Хася

и Лия, а в 1943 году на свет появился сын Беньямин Зеев – будущий министр науки и депутат израильского парламента от блока Ликуд.

Летом 1947 года боевики Иргуна напали на английскую тюрьму, но англичанам удалось взять в плен 15 террористов, троих из которых повесили. В ответ боевики Бегина казнили заложников – двух английских военнопленных. Только спустя 35 лет выяснилось, что один из погибших офицеров был евреем. Массовые протесты потрясли Англию. Британцы, проживающие в Тель-Авиве, устроили еврейский погром. Даже спустя десятки лет расправа над заложниками вызывала у англичан ненависть к Бегину. А Маргарет Тэтчер заявила, что «никогда не подаст руки убийце английских солдат». Но в результате всех террористических акций уже в августе 1947 года действие британского мандата в Палестине было приостановлено, а 14 мая 1948 года Израиль стал независимым государством. Менахем смог выйти из подполья. Он и его сторонники утверждают, что именно их действия помогли евреям обрести государственную независимость.

В том же году у берегов Тель-Авива появился корабль «Алталена», принадлежащий ЭЦЕЛЬ, с грузом оружия, закупленным Иргуном. Операцией по перевозке оружия из Франции руководил Бегин. Молодое государство укрепляло свою мощь и крайне нуждалось в оружии, которое могло изменить ход борьбы за независимость. Но если бы оно попало в руки бойцов ЭЦЕЛЬ, то могло получиться, что именно эта организация внесла решающий вклад в победу. В преддверии будущих выборов соперник Бегина Бен-Гурион допустить этого не мог, потому что его убедили, что Менахем готовит захват власти. Позднее Бен-Гурион сделал в дневнике две записи, из которых становится ясно, что не было ни прямых, ни каких-либо косвенных доказательств мятежа. Однако понимая, какой у него серьезный противник, Бен-Гурион решил расправиться с ним. Он отверг все варианты перехвата груза и решил уничтожить корабль. После отказа высших офицеров ВВС разбомбить «Алталену», он приказал расстрелять судно из береговых артиллерийских орудий. И этот приказ был выполнен: корабль с грузом оружия ушел на дно. Вместе с ним погибли и 16 евреев добровольцев. И вновь только благодаря Бегину удалось избежать гражданской войны между приверженцами разных еврейских организаций. Он призвал своих бойцов не открывать огонь: «Не будет гражданской войны, когда враг стоит у ворот». Ури Мильштайн в своей книге «Рабин – рождение мифа», посвященной тем событиям, писал, что «женщины и мужчины плакали, слушая его».

Спустя некоторое время еврейские социалисты (Голда Меир, Давид Бен-Гурион, Хаим Вайцман) создали социальную инфраструктуру страны, перевезли в Палестину 70 тысяч эмигрантов, обеспечили их жильем и работой. Они по всему миру собирали денежные пожертвования от евреев, в которых нуждалось молодое государство. Израиль получил признание на мировой арене. Организация Иргун 22 июня 1948 года объявила о своем самороспуске, а Бегин создал оппозиционную правительству партию Херут (Свобода), как политическую наследницу Иргуна. «Бог избрал нас, чтобы править!» – таков был лозунг его партии. В том же году Бегин был избран в кнессет и на протяжении 29 лет находился в оппозиции однопартийному правительству, сформированному партией МАПАИ (Труд). Под руководством Бегина партия Херут выдвинула лозунг создания Великого Израиля в Палестине (в границах 1948 г.), Королевстве Иордания и на территории Ливана. Отстаивая свои убеждения, партийный лидер часто вступал в конфронтацию с политикой Бен-Гуриона, возглавлявшего партию МАПАИ. В одной из словесных перепалок Бен-Гурион, не сдержавшись, выкрикнул: «Не смейте прерывать меня! У вас пока нет ни ЧК, ни гестапо!»

В 1952 году Бегин возглавил кампанию, направленную против репарационного соглашения, подписанного правительством страны с Западной Германией. Он долго не мог войти в члены правительства. Это случилось лишь накануне Шестидневной войны в 1967 году. Бегин занимал пост министра без портфеля до августа 1970 года и покинул его после того, как большинством голосов была принята концепция «территории в обмен на мир», выдвинутая США и

ратифицированная ООН. В 1956 году партия Херут вступила в коалицию с Либеральной партией, создав избирательный блок ГАХАЛ, который в 1973 году, присоединив к себе несколько мелких партий, образовал национальный блок Ликуд (Единство), который возглавил Бегин.

Победа Ликуда на выборах 17 мая 1977 года позволила Бегину сформировать новое коалиционное правительство и стать его премьер-министром. За его блок проголосовало большинство населения, в том числе и городская беднота, выходцы из восточных общин. Вскоре после избрания Менахем инициировал тайные контакты с Египтом. Узнав о высказанном Анваром Садатом предложении мирных переговоров, прозвучавшем в египетском парламенте: «Я готов поехать даже в Израиль, в кнессет, чтобы обсуждать возможности мира с Израилем», Бегин направил ему приглашение посетить его страну. В сентябре 1978 года Дж. Картер пригласил глав двух держав в Кэмп-Дэвид, где лидер Израиля согласился на вывод израильских войск с Синайского полуострова и возвращение его территории Египту.

26 марта 1978 года на лужайке Белого дома Израиль и Египет подписали мирный договор, основанный на кэмп-дэвидских соглашениях. В ознаменование заслуг лидеры обоих государств были удостоены Нобелевской премии мира. В своем выступлении Бегин говорил о «поисках мира в ядерную эпоху». Он выразил надежду «на уничтожение с лица Земли всех орудий убийств и благословил мир, о котором мечтали и молились ушедшие поколения...» В одном из интервью премьер-министр заявил, что хотел бы войти в историю как «человек, утвердивший границы Израиля навечно». Премию в размере 85 тысяч долларов он передал в фонд помощи умственно отсталым детям.

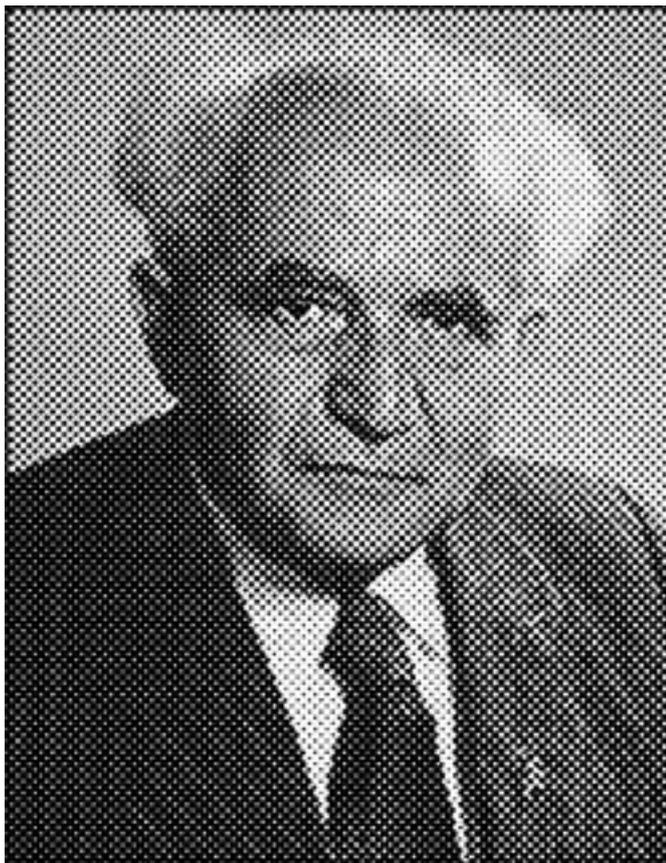
С мая 1980 года по август 1981 года Бегин совмещал посты премьер-министра и министра обороны. По его инициативе кнессет принял закон, в соответствии с которым Иерусалим был провозглашен «вечной и неделимой» столицей Израиля. После очередной победы на выборах Бегин вновь занял кресло премьер-министра. Но «голубем мира» оставаться ему было трудно. В июле того же года он приказал израильским ВВС бомбардировать иракский ядерный реактор в Осираке, а через год санкционировал ввод израильских войск в Ливан в рамках операции «Мир Галилее». Ее целью было уничтожение Организации освобождения Палестины, создававшей постоянную напряженность на северных границах Израиля. В ходе войны израильская армия осадила Бейрут, что привело к эвакуации отрядов ООП из города. Однако израильские войска увязли в Ливане, задержавшись там до 1985 года.

Несмотря на шквал критики и пошатнувшееся здоровье (сердечные приступы, перелом ноги, после которого Менахем передвигался с палочкой, а иногда в инвалидном кресле), Бегин крепко держал власть в своих руках. Вот как описал тонкого и проницательного политика и зажигательного оратора корреспондент «Нью-Йорк тайме»: «Хрупкий лысоватый человек в роговых очках с бледными и впалыми щеками после недавнего приступа... Он очень строг в отношении своей внешности. В израильском парламенте, где никого не удивляют короткие рукава, он ни разу не появился без пиджака и галстука». И только смерть любимой жены Ализы, которая последнее время подолгу болела, вынудила израильского лидера уйти в отставку 28 августа 1983 года. В последние годы бывший премьер-министр Израиля жил замкнуто, не появлялся на людях и не давал интервью. Возле него постоянно находился сын, родственники и немногочисленные друзья. На закате дней известный политик стал очень набожным. Менахем Бегин, преданный сын Израиля, скончался 9 марта 1992 года в Тель-Авиве.

БЕН-ГУРИОН ДАВИД

Настоящее имя – Давид Грюн

(род. в 1886 г. – ум. в 1973 г.)

Государственный деятель Израиля, один из основателей сионистского движения. Премьер-министр и одновременно министр обороны в 1948–1953, 1955–1963 гг. Генеральный секретарь еврейского профсоюзного объединения Гистадрут. Один из основателей социал-демократической партии МАПАИ, до 1965 г. ее руководитель.

Знаменитый сионистский лидер Давид Бен-Гурион вошел в мировую историю как создатель государства Израиль. Его жизнь была подчинена одной идее – возрождению еврейского народа на родине своих предков. Недаром президент Израиля Хаим Герцог писал о нем: «Целеустремленность и воодушевление, с которыми руководил Бен-Гурион, ставят этого политика в один ряд с Иисусом Навином, царем Давидом и Иудой Маккавеем, а также с такими современными государственными деятелями, как Черчилль, Рузвельт и де Голль... Без его способности к предвидению, без его воображения и решительности едва ли возникло бы еврейское государство».

Настоящее имя знаменитого сионистского лидера – Давид Грюн. Такова была фамилия его родителей – скромных польских евреев, проживавших в захолустном городишке Плоньск в 60 км от Варшавы. Новую ивритскую фамилию Бен-Гурион принял уже в Палестине.

Давид родился в 1886 году. Начальное образование получил в хедере – духовной начальной школе, где образование велось на иврите, но дальше учиться не пошел. Нужно было помогать отцу, местному нотариусу, писать жалобы и прошения для местных жителей. Это не значит, что будущий основатель Израиля пренебрегал образованием. Он много читал, что в значительной степени компенсировало недостаток «организованного» обучения.

Под влиянием отца юноша увлекся социализмом и в 18 лет, перебравшись в Варшаву, вступил в просоциалистическую революционную партию «Паолей-Цион», члены которой стремились на историческую родину евреев в Сион. Молодые люди видели в соединении социализма и сионизма воплощение образа жизни древних иудейских пророков. А общественная деятельность была для них целью жизни.

Будущий глава израильского правительства горячо верил в национальное возрождение еврейского народа, основой которого, по его мнению, должен был стать созидательный труд на земле предков. Через три года юноша перебрался в Палестину, которая в то время находилась под контролем Турции, и обосновался в еврейском сельскохозяйственном поселении Петах-Тиква. Здесь он развозил удобрения по цитрусовым плантациям, возделывал землю и осуждал тех евреев, которые нанимали на тяжелую работу арабов. Не оставлял он и политическую деятельность.

В 1911 году Бен-Гурион участвовал в работе Сионистского конгресса в Вене. Примерно в это же время лидер «Паолей-Цион» Ицхак Бен-Цви пригласил его в Иерусалим для работы в партийной газете «Ха-ахдут» («Единство»). Вскоре они подружились и отправились в Стамбул изучать право. К этому времени сестра Давида вышла замуж за богатого купца, и отец смог оплатить образование сына.

Закончив учебу, Давид прибыл в Яффу, и тут разразилась Первая мировая война. В 1915 году Турция вступила в войну на стороне Германии и Австрии. До этого турецкое правительство сквозь пальцы смотрело на стремление евреев основать на ее территории самостоятельное еврейское государство. Теперь его позиция кардинально изменилась. Бен-Гуриону предъявили обвинение в нелегальной деятельности, и он был вынужден перебраться в Египет, а потом в США.

В Америке он занялся молодежным движением «Хе-хагалуц», члены которого собирались после войны переселиться в Эрец-Исраэль – Землю Израильскую – историческую родину евреев. Однако большого успеха его идеи здесь не имели. На свою сторону ему удалось привлечь всего около сотни молодых людей.

В 1917 году в Нью-Йорке молодой человек познакомился с медсестрой Полой Манвейс и вскоре они стали жить вместе. Их гражданский брак был на редкость удачным. Вместе они провели более 50 лет, и разлучить их смогла только смерть. Пола умерла в 1968 году, Давид пережил ее всего на 5 лет.

Сразу после свадьбы, несмотря на уговоры молодой жены, Бен-Гурион отправился в Канаду в учебный батальон, где получил всестороннюю боевую и физическую подготовку и чин капрала, а затем перебрался в Эрец-Исраэль.

В 1919 году он призвал еврейскую рабочую партию в Палестине и диаспоре объединиться на принципах социалистического хозяйствования, кооперации, взаимопомощи и коллективизма для построения нового общества на земле предков. Через два года его усилия увенчались успехом. В Палестине появилась организация рабочего движения Гистадрут – Всеобщее объединение трудящихся. В 1921 году Бен-Гурион стал его генеральным секретарем и бессменно возглавлял его в течение 14 лет. Под его руководством Гистадрут превратилось в мощное объединение, под эгидой которого были созданы сеть здравоохранения, образова-

ния и даже оборонные организации. Будучи на посту генерального секретаря Гистадрут, Бен-Гурион посетил Москву, пытаясь добиться от советского правительства разрешения на выезд советских евреев в Палестину, но успеха не достиг.

В 1930 году Бен-Гурион создал рабочую партию МАПАИ, вскоре ставшую бесспорным лидером во всемирном сионистском движении. Кроме того, он стал членом Всемирной сионистской организации и Еврейского агентства, а с 1935 по 1948 год был председателем последнего.

В этот период на землях Палестины произошли огромные изменения. 31 октября 1921 года в Великобритании, которой в то время подчинялась эта территория, была одобрена декларация Бэлфора, поддержавшая идею создания еврейского национального государства на землях Палестины. По мнению ее автора, будущего президента Израиля, Хаима Вейцманна, это не повлекло бы за собой ущемление гражданских и религиозных прав нееврейских общин на этой древней земле. Вскоре декларация была одобрена конференцией союзных держав в Сан-Ремо (июль 1922 года) и президентом США Вудро Вильсоном. 24 июля 1922 года ее включили в текст мандата Великобритании по поводу Палестины, принятого Лигой Наций. Началась борьба за реализацию этого мандата, продолжавшаяся 30 лет.

Бен-Гурион принимал в ней живейшее участие, отстаивая идею создания в британских войсках еврейских подразделений, и даже в мае 1918 года вступил в особый батальон Еврейского легиона. Но этим сфера деятельности сионистского лидера, конечно, не могла ограничиться.

Прошло время, и позиция британских властей в связи с непрекращающимися актами насилия со стороны арабов изменилась. В начале 1930-х годов сионисты находились в куда более тяжелом положении, чем во времена декларации Бэлфора. Еврейское государство не было создано. А в это время в Европе набирал силу фашизм, и это вело к катастрофе – массовому уничтожению евреев. Британии не было дела до этого. В 1939 году ее правительство опубликовало Белую книгу, до минимума сократившую переселение евреев в Палестину, и запретило покупку земли почти по всей подмандатной территории.

Конечно, Бен-Гурион был возмущен английской политикой и пользовался любым моментом для критики. Он всячески стремился к увеличению переселенцев для создания критической массы евреев на исторической родине и призывал соотечественников к нелегальной репатриации и освоению запрещенных для этой цели земель. Однако, когда началась Вторая мировая война, он изменил свою политику и призвал сионистское движение поддерживать Англию в ее борьбе с Гитлером.

После войны Бен-Гурион все силы сосредоточил на создании независимого еврейского государства, которое должно было стать составной частью новой демократической мировой системы. При этом он готовился даже к вооруженному восстанию. Много внимания уделял самообороне евреев и в определенной степени может считаться родоначальником израильских вооруженных сил.

Вместо Британии Бен-Гурион нашел себе другого, более сильного союзника – США. Постепенно он превратил американское еврейство в первостепенный политический фактор воздействия на правительство. Позиция Соединенных Штатов сыграла немаловажную роль в Организации Объединенных Наций, которой Великобритания передала вопрос о создании еврейского государства.

29 ноября 1947 года Генеральная Ассамблея ООН приняла решение о разделении Палестины на еврейское и арабское государства. Бен-Гурион возглавил Совет еврейской общины, а 14 мая 1948 года стал главой временного правительства Израиля. Всю ночь перед этим событием он работал над окончательным вариантом Декларации независимости, а вечером зачитал ее в Тель-Авивском музее, где собрались руководители вновь созданного государства. Суверенитет еврейского народа после перерыва в 2 тыс. лет был восстановлен.

Арабские государства выразили недовольство. Уже 15 мая египетские самолеты бомбили Тель-Авив. Бен-Гуриону пришлось возглавить оборону страны. Но первая израильско-арабская война не затормозила процессов формирования нового государства. На земли Израиля сыпались бомбы, а в стране проходили первые всеобщие выборы в кнессет (парламент). Партия МАПАИ получила наибольшее количество голосов, и Бен-Гуриону было поручено сформировать первое законно избранное правительство. Пост премьер-министра он совместил с постом министра обороны.

После перемирия, заключенного в июле 1949 года, правительство занялось решением законодательных проблем, в том числе законами о переселении евреев и их израильском гражданстве, о всеобщем и бесплатном образовании и другими. В первые же годы независимости Бен-Гурион выдвинул лозунг «мамлахтиют» (государственность), что означало подчинение всякого группового, классового, социального или экономического интереса высшим интересам государства.

Еще в самый разгар войны в страну стали прибывать беженцы из лагерей на Кипре, в Германии, из стран Восточной Европы, Йемена, Ирака, Сирии. Правительство Бен-Гуриона принимало всех, стремясь к скорейшему заселению территорий, освобожденных от арабов. Однако это создало много экономических, социальных и культурных проблем, что в конечном итоге вызвало враждебное отношение к МАПАИ со стороны населения.

В 1953 году Бен-Гурион ушел в отставку, поселился в кибуце Здех-Бокер в пустыне Негев и занялся сельскохозяйственным трудом. Он пас овец и изучал греческий язык, отвечал на сотни писем. Всеми силами и средствами бывший премьер стремился подчеркнуть важность освоения пустынных земель для будущего процветания Израиля. Однако ему недолго пришлось оставаться вне активной политической деятельности.

В 1954 году на границе вновь возросла напряженность с арабами. Бен-Гуриона призвали на пост министра обороны. В ноябре следующего года после выборов он вновь стал премьер-министром, оставив за собой портфель министра обороны. Осенью 1956 года он руководил Синайской кампанией, в результате которой были захвачены Синайский полуостров и сектор Газа. Важным достижением внешней политики премьера стал так называемый «периферийный альянс» с Турцией, Ираном и Эфиопией. Теперь у Израиля появились союзники, пробившие брешь во враждебном кольце арабских стран.

После неудачной попытки в 1959 году изменить закон о выборах Бен-Гурион вступил в конфликт с верхушкой собственной партии МАПАИ, а чуть позже с руководством Гистадрута. В 1961 году он вынужден был уйти в отставку, в августе того же года по результатам выборов вновь возглавил правительство, но в июле 1963 года опять ушел с поста премьера. Некоторое время он продолжал заниматься политической деятельностью в рядах созданной им независимой рабочей партии Рафи, но в 1968 году окончательно покинул кнессет и поселился в Здех-Бокере, сосредоточившись на литературной деятельности.

Знаменитый политик умер в 1973 году, почитаемый всей страной. В Тель-Авиве на улице, названной его именем, создан музей. Многие почитатели его политического таланта и патриотизма посещают и дом в Здех-Бокере, где Бен-Гурион провел последние годы.

Государственная деятельность Бен-Гуриона основывалась на глубоком осмыслении духовного и политического опыта древности и нового времени. В Библии он видел стимул к воссозданию Израиля. Он занимался поиском новых форм общественной и политической жизни, черпая идеи у Будды, Платона, Спинозы. Он любил повторять слова Аристотеля: «Государство возникло во имя жизни, но цель государства – хорошая жизнь».

БЕРГСОН АНРИ ЛУИ

(род. в 1859 г. – ум. в 1941 г.)

Французский философ, крупнейший представитель интуитивизма и эволюционистского спиритуализма, возродивший традиции классической метафизики, один из основоположников гуманитарно-антропологического направления западной философии. Испытал влияние идей неоплатонизма, христианского мистицизма, Б. Спинозы и Г. Гегеля, психоанализа и психоаналитически ориентированных учений. Профессор философии, член Академии моральных и политических наук (1901 г.), ее президент (с 1914 г.); член Французской Академии наук (1914 г.), первый президент (с 1922 г.) Комиссии Лиги наций по интеллектуальному сотрудничеству (будущая ЮНЕСКО), лауреат Нобелевской премии в области литературы (1927 г.). Основные работы: «Опыт о непосредственных данных сознания» (1889 г.), «Материя и память» (1896 г.), «Смех. Очерки о значении комического» (1900 г.), «Введение в метафизику» (1903 г.), «Творческая эволюция» (1907 г.), «Сновидения» (1914 г.), «Духовная энергия» (1919 г.), «Длительность и одновременность. По поводу теории относительности Эйнштейна» (1922 г.), «Два источника морали и религии» (1932 г.), «Мысль и движущееся» (1934 г.) и др.

Философия «жизненного порыва»... Так кратко, но емко можно определить основную концепцию философских воззрений Анри Бергсона. По Бергсону, «жизнь есть единственная

великая сила, единственный огромный жизненный порыв, данный единожды, в начале мира». Суть учения этого философа можно определить как генеральное возражение против материалистически-механистического и позитивистского направления философской мысли.

Свои философские позиции Анри Бергсон изящно выразил в многочисленных трудах, завоевавших огромную популярность в начале XX века. Ученые и философы высоко ценили динамизм картины мира у Бергсона, критику им «атомистического» истолкования духовного мира человека и развитие идеи целостности сознания. Основой философии Бергсона, поскольку она представляет нечто большее, чем просто поэтический и образный взгляд на мир, является его учение о пространстве и времени. Постоянно интересовали ученого и такие проблемы, как душа и тело, идея духовной энергии, сновидения. Они имели для него особое значение, во-первых, потому что он желал «освободить» дух от тела и тем самым доказать возможность бессмертия души, а во-вторых, с ними был связан его интерес к спиритизму и телепатии; он усматривал в этом путь к опытному подтверждению возможности непосредственного общения сознания без обращения к языку и телесным движениям.

Само литературное творчество Бергсона отличалось увлекающим за собой порывом, борьбой, полемикой, «движением вперед во времени и самовоспламенением». Труды мыслителя приветствовали даже как революционную философию. Например, У. Джеймс назвал его философию благой вестью, а некоторые ученики Бергсона видели в своем учителе пророка.

Родился Анри Бергсон 18 октября 1859 года в семье евреев-космополитов. Его отец, Мишель Бергсон, великолепный музыкант, которого, по семейному преданию, учил сам Шопен, покинул однажды родную Варшаву и отправился путешествовать по Европе. Пребывая в Англии, он женился на Кэтрин Левинсон, женщине ирландско-еврейского происхождения. Их сын Анри родился в Париже, но детство его прошло на родине матери – в Лондоне. Когда мальчику исполнилось восемь лет, семья вернулась во Францию, а в 21 год Анри Бергсон принял французское гражданство.

Бергсон получил классическое образование, традиционное для кругов французской интеллектуальной элиты. С 1868 по 1878 год он учился в парижском лицее Кондорсе, подавая большие надежды как в области гуманитарных наук, так и в математике. В 19-летнем возрасте юноше удалось решить сложнейшую математическую задачу, за что он был удостоен почетной премии. Несмотря на блестящие перспективы в естественных науках, Бергсон, тем не менее, предпочел изучать философию в Высшем педагогическом институте, где увлекся, казалось бы, несовместимыми учениями Джона Стюарта Милля и Герберта Спенсера.

Завершив учебу, Бергсон начал преподавать в лицее д'Анжер, а спустя год перешел в лицей Блеза Паскаля в Клермон-Ферране, где возглавил кафедру философии. В Оверне молодой ученый написал свою первую серьезную работу «Опыт о непосредственных данных сознания» (1889). Хотя философскую известность Бергсону принес труд «Творческая эволюция», уже в «Опыте...» он заложил основные положения своего учения. Переосмыслив понятие времени, Бергсон разработал концепцию «чистой длительности». В полемике с теориями психологического детерминизма и психофизики он описывает человеческое сознание как непрерывно изменяющуюся творческую реальность, как поток, в котором мышление составляет лишь поверхностный слой, подчиняющийся потребностям практики и социальной жизни. В глубинных же своих пластах сознание может быть постигнуто лишь усилием самонаблюдения и интуицией. За эту работу, а также за небольшую диссертацию на латинском языке «Идея места у Аристотеля» в 1889 году Анри Бергсон был удостоен степени доктора философии Парижского университета.

В 1891 году Бергсон вернулся в Париж, а в следующем году женился на Луизе Нойбергер, родившей ему дочь. На протяжении последующих восьми лет Бергсон преподавал в лицее Генриха IV, затем в Коллеж Ролен и Высшем педагогическом институте. В этот период он написал свою вторую основополагающую работу «Материя и память», которая была опубликована

в 1896 году. Размышляя над отношением физиологии мозга к сознанию, Бергсон приходит к выводу, что сознание – это нечто большее, чем корреляция между ментальными образами и физическими раздражителями. Мозг функционирует не только как пассивный записывающий инструмент, но и как исключительно тонкое просеивающее устройство, цель которого направлять внимание на жизнь. Нейрофизиология объясняет лишь действие обычной памяти как процесса механического, психологический же подход необходим для проникновения в процесс воспоминаний, для постижения живой памяти.

В 1900 году Бергсон возглавил кафедру греческой философии в Коллеж-де-Франс, учебном заведении, уступающем по интеллектуальному уровню лишь Сорбонне. Следующей работой философа стал «Смех» (1900), небольшое, но острое эссе о природе смешного, а спустя три года вышел труд «Введение в метафизику». Третья, ставшая эпохальной, книга Бергсона «Творческая эволюция» (1907) оказала огромное влияние не только на академические круги, но и на широкую читающую публику. «Даже в консервативной профессорской среде, где новаторские идеи Бергсона успехом не пользовались, о его таланте говорили, затаив дыхание, – писал американский философ Уильям Джеймс, горячий поклонник Бергсона, – а студенты ходили за ним по пятам с разинутыми ртами». По мнению Джеймса, читателей подкупало не только содержание книг этого философа, но и их стиль. «Ясность изложения, – писал он, – это первое, что поражает читателя. Бергсон захватывает вас настолько, что сразу же возникает желание стать его учеником. Это просто чудо, он настоящий волшебник». В «Творческой эволюции» Бергсон отвергает механистическое описание реальности. Он отрицает, что функционирование каждого организма подчинено действию какой-либо цели, утверждая, что творческой эволюцией каждого управляют жизненная сила, жизненный порыв, жизненный дух. Эта основная энергия не имеет специфической цели. Именно эта творческая и порождающая сила производит бесконечные вариации форм. Бергсон стремится рассматривать человеческие существа как организмы, которые определяются жизненной силой.

Все тем, кто находит неодарвинизм и позитивизм слишком скучными и утомительными, Бергсон предлагает живую и вдохновляющую альтернативу. По его мнению, эволюция представляет собой не просто пассивное, механическое приспособление организмов к среде обитания, но целенаправленный и творческий процесс. Жизнь невозможно понять при помощи исключительно интеллектуального анализа, считает философ, поскольку она подвижна и изменяема и поскольку «поток сознания» находится в постоянной борьбе с инертной материей. Правда, у таких философов-скептиков, как Бертран Рассел, поэтическая пылкость стиля Бергсона большого энтузиазма не вызывала. «Как правило, – писал Рассел, – Бергсон не утруждает себя доказательством справедливости своих суждений, полагаясь на изящество логических построений и на красоту слога».

«Творческая эволюция» принесла Бергсону славу не только философа, но и писателя. После этой работы ученый долгое время писал только статьи (вошли в сборники «Духовная энергия» (1919), «Мысль и движущееся» (1934)). Единственную книгу «Длительность и одновременность» (1922) он посвятил теории относительности А. Эйнштейна. Во времена всеобщего энтузиазма, охватившего Европу перед Первой мировой войной, популярность Анри Бергсона еще более возросла, его приглашали читать лекции в Соединенные Штаты Америки, Англию, Испанию. В 1914 году Анри Бергсон был избран президентом Академии моральных и политических наук и членом Французской академии наук. Его воззрения сделались настолько модными, что и либеральные католики, и синдикалисты попытались приспособить его философию для своих целей. И тогда же книги Бергсона были включены в Индекс запрещенных книг католической церкви, так как антиинтеллектуализм Бергсона считался вредным для римского католицизма. Но философия Бергсона продолжала пользоваться широкой известностью и популярностью. Идеи мыслителя оказали значительное влияние на интеллектуальную атмосферу во Франции и других странах; воздействие его воззрений испытали Д. Дьюи, Э. Леруа,

П. Тейяр де Шарден, С. Александер, А. Тойнби, Дж. Сантаяна, А. Н. Уайтхед и многие другие. Такие разные люди искусства, как К. Дебюсси, К. Моне, П. Валери, А. Моруа, Ш. П. Пеги и Н. Казанцакис, обращались к Бергсону за вдохновением и интеллектуальной поддержкой. Бергсоновские представления о времени и сознании постоянно фигурируют у М. Пруста и В. Вулф, а также в романе Т. Манна «Волшебная гора».

В период Первой мировой войны Анри Бергсон проявил себя на дипломатическом поприще в Испании и США. В 1922 году он стал первым президентом Международной комиссии по интеллектуальному сотрудничеству. В 1920 году философ серьезно заболел артритом; к этому времени оптимизм, который порождала его философия в предвоенные годы, начал сходить на нет. Тем не менее, в 1927 году ученый был удостоен Нобелевской премии в области литературы «в знак признания его ярких и жизнеутверждающих идей, а также за то исключительное мастерство, с которым эти идеи были воплощены». Представитель Шведской академии П. Хальстрем в своей вступительной речи так охарактеризовал главное достижение Бергсона: «Проделав брешь в стене рационализма, он высвободил колоссальный творческий импульс, открыл доступ к живой воде времени, к той атмосфере, в которой человек сможет опять обрести свободу, а стало быть, – родиться вновь».

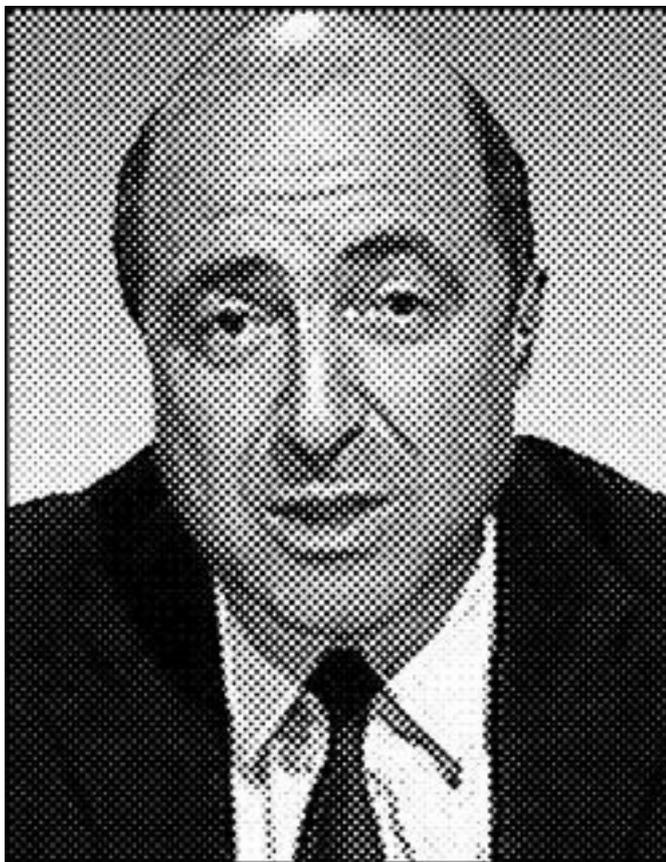
Философ не смог лично присутствовать в Стокгольме на церемонии вручения премии и послал в Шведскую академию письмо, в котором, в частности, говорилось: «Исторический опыт доказал, что технологическое развитие общества не обеспечивает нравственного совершенства живущих в нем людей. Увеличение материальных благ может даже оказаться опасным, если оно не будет сопровождаться соответствующими духовными усилиями».

В последние годы жизни Анри Бергсон погрузился в христианскую мистику и принял католичество, что, впрочем, не помешало ему, когда началась Вторая мировая война, и нацисты стали преследовать евреев, сохранить, невзирая на последствия, верность своим национальным традициям. Когда правительство Виши, решив сделать для известного философа исключение, сообщило ему, что на него антиеврейская мера не распространяется, Бергсон от подобного привилегированного положения отказался и, как все евреи, прошел унижительную регистрацию, несмотря на свой преклонный возраст и болезни. Как писал Е. Томлин, «этот молчаливый протест, никем не замеченный и почти анонимный в своем смиренном величии, предрешил его конец». Вскоре после этого, 4 января 1941 года, философ скончался от воспаления легких. Надгробную речь произнес давний друг мыслителя Поль Валери.

Годы спустя в «Бергсонианском наследии» (1962) Томас Ханна написал: «Бергсонианство не оставило в философии сколько-нибудь заметного следа, чего нельзя сказать о самом Бергсоне, ибо Бергсон-человек привнес в философию красноречие, воображение, экспансивность, заботу о ценности и уникальности человеческой личности, единственной и незаменимой».

БЕРЕЗОВСКИЙ БОРИС АБРАМОВИЧ

(род. в 1946 г.)

Одна из самых загадочных фигур постсоветского бизнеса. Российский финансовый олигарх, бизнесмен-авантюрист и политический деятель. Основатель и акционер: АО «Логоваз», НК «Сибнефть», авиакомпании «Аэрофлот», Объединенного банка, банка «СБС-Агро», охранной компании «Атолл», АОЗТ «Транспосервис», ТОО «Лого-Консульт», АОЗТ «Лада-Конверсия». Учредитель и акционер телевизионной компании ОРТ, МНБК (ТВ-6), спонсор «Независимой газеты», основатель негосударственного благотворительного фонда «Триумф». Имеет российское и израильское гражданство. Владелец состояния около 3 млрд долларов.

В идеале кризисный менеджер – это врач, который должен стереться из памяти пациента вместе с излеченной болезнью. А такой врач, которого сама болезнь не интересует и который забывает о больном сразу же после полученной предоплаты, по идее, не должен претендовать на расширение частной практики. Если, конечно, он не является щедрым другом семьи главврача, распределяющего лицензии. В результате больных становится с каждым днем все больше, а сведения о них и секреты системы оригинального здравоохранения остаются надежным залогом процветания такого врача-менеджера. И, конечно, главврача. Ведь выбора у больных все равно нет.

Подобным кризис-менеджером при главвраче – президенте России Б. Ельцине – был политический авантюрист, финансовый олигарх Борис Березовский. На его счету множество

успешных афер, принесших ему личную выгоду: «Логоваз», «Сибнефть», ОРТ, чеченская война, президентские выборы Ельцина, предвыборная кампания и. о. президента Путина...

Однако последний оказался неблагодарным и, придя к власти, пошел в наступление на доморожденных олигархов, которые за весьма короткое время успели прибрать к рукам почти всю страну. Больше всего претензий у новой власти возникло к самому главному предпринимателю России – Березовскому. Сейчас он вынужден отсиживаться за границей, и все, что ему осталось, – это раздавать направо и налево пространные интервью. В них он сетует на свое незавидное положение «добровольного» изгнанника и пророчествует о будущем страны, которая «осиротела» без талантливого кризис-менеджера Березовского и приобрела «неблагодарного» президента Путина.

Финансовый магнат Березовский не сразу стал заниматься большой политикой. Он долгое время был успешным советским ученым, а затем не менее удачливым бизнесменом. Только потом, когда достойный продолжатель экономической теории Маркса заменил в его известной формуле «деньги – товар – деньги» компонент «товар» на «власть» и сделал ее своим девизом, он и оказался за пределами России. Страны, где Березовский до сих пор считается самым богатым и влиятельным человеком.

Борис Березовский родился 23 января 1946 года в Москве в обычной интеллигентной семье и уже в детстве проявлял себя неглупым мальчиком. Его отец всю жизнь трудился главным инженером различных строительных трестов, а потом и сам стал проектировать строительные предприятия – уже в должности главного инженера проекта в одном из московских научно-исследовательских институтов. Мать – сначала домохозяйка, а потом лаборантка в институте педиатрии, где она проработала около двадцати пяти лет. Именно от нее сын унаследовал многие черты характера. Семья Березовских долгое время жила в Подмосковье, по месту работы отца: сначала в Загорске, а потом в Истре.

В школу Боря пошел с шести лет, а в 1962 году сразу по окончании десятилетки поступил в Московский лесотехнический институт на только что открывшийся там факультет электроники и счетно-решающей техники: «У меня не было специальных учителей, я начал в стандартной сельской школе. Потом в Москве я опять пошел в обычную школу. В шестом классе я перешел в английскую спецшколу – она только-только открылась. Я сам туда пошел, записался и заканчивал уже английскую школу. Точно так же, без протекции, пытался сам поступить в университет. Не поступил. Многие говорили, из-за того, что я еврей. Но другие евреи поступали. Я поступил в лесотехнический институт, тоже не весть какой элитарный. Но там Сергеем Павловичем Королевым был открыт факультет вычислительной техники. Закончил этот институт, но осталось что-то неприятное от того, что не поступил в свое время в университет. И вот после окончания института поступил в университет, на мехмат».

По окончании учебы Борис в 1968–1969 годах работал инженером НИИ испытательных машин, приборов и средств измерения масс Министерства приборостроения, средств автоматизации и систем управления, а также инженером Гидрометеорологического научно-исследовательского центра.

С 1969 по 1987 год Березовский был инженером, младшим, а затем старшим научным сотрудником Института проблем управления Академии наук СССР. Здесь в 1975 году он окончил аспирантуру. Уже в это время одна из работ Бориса была отмечена премией Ленинского комсомола.

Казалось, академическая карьера молодого ученого складывается весьма благополучно. Он прошел все ступеньки служебной лестницы и после защиты в 1983 году докторской диссертации по одному из разделов теории принятия решений стал заведовать сектором в Институте проблем управления, а затем был избран членом-корреспондентом Академии наук. За этот период Березовский написал более 100 научных работ и ряд монографий: «Бинарные отношения в многокритериальной оптимизации», «Задача наилучшего выбора», «Многокритериаль-

ная оптимизация – математические аспекты» и др. Отдельные его труды были опубликованы в США, Англии, Японии, Германии и Франции.

Однако, достигнув этой вершины, Березовский достаточно круто изменил сферу деятельности, перейдя из науки в бизнес: «Я был абсолютно счастлив, потому что занимался любимым делом. А потом эта жизнь закончилась, в 1989 году, когда в институте перестали платить зарплату, я почувствовал, как повисла в воздухе какая-то неопределенность, угроза, и жить стало неуютно. Я – человек, чувствительный к внешним изменениям. Эту угрозу, эти подземные гулы я почувствовал раньше других. Хотя внешне все оставалось спокойным: жена, двое детей, квартира, машина напополам с приятелем, докторская зарплата. Однако я почувствовал, что прежняя жизнь завершается. И попытался предугадать новую, еще неясную жизнь, перемены, грядущие в огромной стране. И принял абсолютно нетривиальное решение: больше не заниматься наукой, а начать заниматься бизнесом, который в то время назывался “спекуляцией”».

Первым его шагом стало сотрудничество с директором Волжского автомобильного завода В. Каданниковым, для которого группа Березовского разрабатывала системы автоматизированного проектирования. Завязав связи с руководством завода, предприимчивый ученый в 1989 году организовал вместе с С. Жабоевым акционерное общество «Логоваз», основным направлением деятельности которого стала продажа автомобилей. АО «Логоваз» за четыре года выдвинулось на одно из первых мест в частном бизнесе России – к 1993 году его оборот превысил 250 млн долларов: «Когда я ушел в бизнес из научного института, где проработал двадцать с лишним лет, мне говорили: ты сумасшедший. Зачем? У тебя есть перспектива стать директором института. Сейчас бы, наверное, стал... Никто никогда не продавал в России иномарки. Мы привезли первую партию – 886 «фиатов». Мы взяли кредит 7 млн долларов, выложились до копейки, мне говорили: ты сумасшедший. Их никто не купит. Их по дороге растерзают. И вот приходит замдиректора АвтоВАЗа – и стоят эти «фиаты» на стоянке, как летающие тарелки с Марса».

В это же время бывший ученый, а ныне преуспевающий бизнесмен, его супруга Галина Алексеевна и их дети Артем и Анастасия предусмотрительно получили гражданство Израиля – на всякий случай. (С тех пор, правда, семейное положение Бориса Абрамовича не раз менялось – он сменил двух официальных жен, еще одной, гражданской женой бизнесмена стала Елена Горбунова. Сейчас он отец шестерых детей, самый младший из которых родился в 1997 году.)

Весной 1994 года Березовский возглавил созданный им «Автомобильный всероссийский альянс», главной задачей которого считалось создание завода для производства так называемых «народных автомобилей» – небольших малолитражек. Под широко разрекламированный проект ему удалось собрать около 50 млн долларов. Правда, до настоящего времени этот автомобиль все еще находится в стадии научного проектирования. Но в своих интервью глава Альянса заверял, что в Финляндии уже начато строительство завода. Тем не менее, критики справедливо обвиняли его в создании банальной «финансовой пирамиды» и «обогащении за счет народа». Березовский огрызался: он «и не обещал вкладчикам немедленной отдачи, а дело идет туго еще и потому, что их прежние взносы съела инфляция».

В июле 1994 года на председателя Совета директоров АО «Логоваз», которое стало компанией холдингового типа, было совершено покушение: «В 15 сантиметрах от меня оторвало голову моему водителю, а должны были оторвать голову мне – взорвалась машина. После этого я посмотрел на мою жизнь по-другому. Я понял, что жизнь – это подарок Всевышнего, и относиться теперь к этому нужно как к подарку. Либо я испугаюсь, забьюсь в угол, постараюсь исчезнуть в тайге, в джунглях, с глаз долой, стану цепляться за жизнь. Либо решу, что это подарок Господа, и я весь в его власти. Это не значило, что я должен подставлять себя под пули, но появилась вера в судьбу, в промысел, а это своеобразное бесстрашие».

В январе следующего года Березовский участвовал в создании Общественного Российского Телевидения и вошел в совет директоров ОРТ: «Никто не верил, что можно акциони-

ровать Центральное телевидение. В рекламе бардак, все ведущие телевизионщики распилили время по часам, вокруг бандиты. Я верил, что можно...»

Следующий шаг: в сентябре 1996 года на общем собрании Сибирской нефтяной компании «Сибнефть» он был избран членом совета директоров.

Это разнообразие деловых интересов Березовского – вовсе не признак легкомыслия. По мнению одного эксперта в области бизнеса, крупные предприниматели как вид подразделяются на два подвида: «оседлых земледельцев» и «кочевников». Первые столбят себе один участок и всю жизнь на нем сидят, извлекая из него все возможное; вторые регулярно мигрируют с делянки на делянку, снимают с каждой первый (самый богатый) урожай, а затем утрачивают к ней интерес и устремляются на поиски нового места вложения капиталов.

Березовский по натуре – типичный «кочевник». Мог стать крупным ученым, академиком, но бросил все и ушел в мир бизнеса. Достиг и там больших высот – если судить хотя бы по способу, который был избран для покушения на него: неизвестные преступники взорвали рядом с его автомобилем не какой-нибудь «запорожец», а вполне престижную иномарку. Бизнесмен уехал на время за границу, там пересидел, но дела не оставил.

В октябре 1996 года секретарь Совета безопасности России А. Лебедь обвинил Березовского и президента группы «Мост» В. Гусинского в том, что они составляли списки, в которых значилось, «кого убрать». Тогда же бывший начальник Службы безопасности президента РФ А. Коржаков заявил журналистам, что Березовский уговаривал его убить видных предпринимателей В. Гусинского, Ю. Лужкова, И. Кобзона и С. Лисовского.

Сразу после этих заявлений строптивый А. Лебедь был смещен со своего поста, на его место указом президента был назначен более уравновешенный и осторожный И. Рыбкин, а его заместителем – бизнесмен Борис Березовский. Многие политики и эксперты расценили это назначение как следствие протекции главы администрации президента А. Чубайса.

Березовский заявил, что «готов прекратить любую коммерческую деятельность» в связи с назначением его на этот высокий пост. При этом предприниматель отметил, что он – «законопослушный гражданин, выполняющий все правовые нормы действующего законодательства, которые накладывают определенные обязательства на всех, кто поступает на государственную службу». Не откладывая в долгий ящик, он, воспользовавшись ситуацией, тут же сложил с себя полномочия генерального директора «Автомобильного всероссийского альянса», который был ему уже не нужен.

До начала горбачевских реформ Борис практически не имел шанса приобщиться к большой политике. Еврей-математик мог «вступить» в нее только на известных условиях, которых – к чести Березовского – он не принял. Но, видимо, эта сфера была для него всегда притягательна. Альянс с АвтоВАЗом сильно продвинул его в этом направлении. Директор Каданников не только слыл одним из главных «рыночников-реформаторов» от промышленности, но и был очень близок к верхам, являясь неофициальным представителем директорского корпуса при российском руководстве. Его даже неоднократно пытались сделать главой правительства. Он и ввел Березовского в «высший свет».

Математик оказался хорошим алхимиком. Он нашел своеобразный «философский камень», превращающий дружбу с могущественными людьми в политический капитал, а политический капитал – в твердую валюту.

Карьеру государственного человека Березовский начал с того, что профинансировал издание мемуаров Бориса Ельцина – «Записки президента». Таким путем он фактически получил доступ к высочайшему телу. После этого удачливый коммерсант быстро оторвался от Каданникова. Расстались они не лучшим образом. Директор ВАЗа, успевший побывать в первых вице-премьерах, любит рассказывать в частных беседах, как Борис Абрамович взял у него немалую сумму на свой Автомобильный альянс и до сих пор не вернул.

Много чего рассказал о Березовском и другой его приятель – руководитель службы президентской охраны А. Коржаков: «У этого человека очень коварный ум. Но я не сомневался, что Березовский лоялен к президенту. И вовсе не из-за того, что он очень любил Бориса Николаевича, просто деваться ему было некуда. Мне стали рассказывать, что Борис Абрамович повсюду хвастается нашими отношениями и на этом «влиянии» выстраивает свои контакты с другими бизнесменами. На него за это я не обижался. Частенько бывало – просидит у меня в приемной часа три-четыре, зайдет на пять минут, ничего особенного не скажет. Но ему важно было показать, что он поехал ко мне и проторчал в Кремле чуть ли не весь день. Когда он ко мне заходил, всегда начинал с одной и той же фразы: «Александр Васильевич! У меня ни крошки во рту сегодня не было, дайте, пожалуйста, хоть бутербродик с чайком». А я про себя думал: «Вот какой жадный миллионер попался! Столько ждал, а дойти до буфета и перекусить не мог». И только потом я сообразил – он же не поесть бесплатно хотел, а время тянул, чтобы подольше продержаться в моем кабинете».

Съев пуд хлеба с маслом вместе с главным президентским визирем, Березовский покинул и его. Покинул тогда, когда положение Коржакова казалось незыблемым, и сдружился с шефом президентской администрации А. Чубайсом, который был в то время всего лишь отставным чиновником и активистом избирательного штаба. По всему было видно, что бизнесмен умеет играть на опережение, чутко реагирует на постоянно меняющуюся политическую конъюнктуру и вовремя занимает выгодную позицию. Так что Борис Абрамович явился в Совет безопасности не с улицы. И отнюдь не случайно он взялся за исполнение там роли «миротворца».

Первым шагом Березовского на новом посту стало урегулирование конфликта в Чечне. Именно он смог добиться реальной договоренности с руководством республики, в результате чего там были проведены выборы и начался постепенный переход к мирной жизни. С его именем связывают освобождение ряда российских пленных и заложников. Видимо, успех чиновника-бизнесмена был вызван тем, что за ним стояла не только реальная сила, но и реальные денежные средства. Руководители Чечни надеялись на восстановление экономики страны за счет притока капитала из разных источников.

Березовский был первым, кто всерьез заговорил с чеченцами о нефти. Ичкерийские повстанцы руководствовались самым простым соображением: если Чечней занимается такой крупный предприниматель, следовательно, деньги будут. Один видный полевой командир говорил: «А почему бы нам не любить Березовского? Он если и украдет, то не у нас, а у России. Что-то и нам перепадет, и мы ему спасибо скажем».

Весной 1997 года предприниматель был введен в состав федеральной комиссии по проблемам Республики Чечни и одновременно на собрании акционеров АО «Логоваз» освобожден от должности председателя совета директоров компании.

Однако уже в конце года президент Б. Ельцин подписал указ об отставке Березовского с должности заместителя секретаря Совета безопасности «в связи с переходом на другую работу». Никакой информации о новом назначении в указе не содержалось. По данным печати, главным «виновником» отставки следовало считать парламент, который «решительно осуждал его подстрекательские, провокационные призывы к вооружению казачества и высказанную им готовность добиваться этого, используя свое служебное положение». Сыграло свою роль также и наличие у Березовского двойного гражданства.

В феврале 1998 года отставной государственный функционер был госпитализирован в Центральную клиническую больницу Минздрава России с диагнозом «сотрясение мозга». Официальное объяснение этого случая звучало так: «после неудачного катания на снегоходе». Однако в прессе высказывались различные догадки, и никто не верил в случайность бытового травматизма...

Бориса Березовского заслуженно называли создателем новых экзотических форм приватизации. Одна из них – «виртуальная» – заключалась в том, что в ее результате появлялась

возможность полностью распоряжаться ресурсами фирмы, имеющей совершенно других собственников. То есть, имея все финансовые права, не нести никакой финансовой и юридической ответственности за ее хозяйственную деятельность. Осуществляется этот способ «приватизации» путем внедрения «своих людей» в высшее управленческое звено компании и установления контроля над ее финансами с помощью обслуживающих ее счета дружественных банков.

Так были выстроены отношения «империи Березовского» с авиакомпанией «Аэрофлот». В мае 1996 года руководители 152 зарубежных представительств «Аэрофлота» получили распоряжение начальства направлять 80 % вырученных ими средств в Лозанну на счета некоей фирмы «Андава». До этого все деньги, заработанные от продажи билетов и топлива, а также за услуги, оказанные иностранным компаниям, зарубежные представительства оставляли на счетах в местных банках. И хотя раз в месяц они должны были отчитываться перед Центром международных расчетов «Аэрофлота», проконтролировать их деятельность из Москвы было довольно трудно. По предложению заместителя гендиректора компании Н. Глушкова было решено аккумулировать все деньги на счетах одной фирмы. Почему была выбрана именно «Андава», понять нетрудно. Совладельцами этой созданной в 1994 году фирмы с уставным капиталом 2,5 млн швейцарских франков являлись сам Глушков (37 %) и Березовский (41 %).

Распоряжение Генерального директора «Аэрофлота» было выполнено. «Андава» и ее владельцы стали получать процент за оказываемую фирмой коммерческую услугу, а также прокручивать проходящие через счета «Андавы» деньги. Оценочно, фирма ежегодно приносила доход, исчисляемый несколькими десятками миллионов долларов.

Более традиционными методами Березовский действовал при распространении сферы своего влияния на средства массовой информации. С целью прорыва на информационный рынок еще в августе 1991 года в Москве было зарегистрировано АОЗТ «Московская Независимая Вещательная Корпорация» (МНВК). Заявленными видами деятельности ее были: телевидение, радиовещание, социологические исследования, проведение фестивалей. Среди учредителей значились, естественно, АОЗТ «Логоваз» и лично Б. Березовский. Впоследствии на базе корпорации возникло ТВ-6, которое несколько лет возглавлял Э. Сагалаев. С его помощью «Логовазу» удалось купить 26 % акций шестого канала.

Наиболее примечательной, однако, стала затеянная Березовским в начале 1995 года кампания по созданию Общественного российского телевидения. Под «проект ОРТ» руководитель «Логоваза» подвел сразу три «теоретические базы». Для руководителей политического движения «Наш Дом Россия» было заготовлено такое объяснение: новый канал необходим для обработки общественного мнения в ходе кампании по подготовке к выборам в Госдуму. Своим политическим покровителям – Сосковцу и Коржакову – Березовский приготовил версию активного использования возможностей ОРТ на президентских выборах. А банкирам, которым было предложено стать инвесторами и частными акционерами новой телекомпании, он обещал высокие доходы проекта и получение от него долгосрочных политических дивидендов.

Разумеется, Березовский намеревался сам «торговать» информационной направленностью канала и, соответственно, лично получать «благодарности» от власти имущих. Банкиры этот замысел поняли, поэтому, пообещав крупные инвестиции, они все же не вложили «живых» денег в ОРТ. Единственным реальным спонсором оказался только «Логоваз». Ему и достались командные высоты на телеканале. Под непосредственным контролем Березовского находились примерно 16 % акций ОРТ, обошедшихся ему в 320 тыс. долларов. Сам же бизнесмен стал первым заместителем совета директоров компании, проведя в руководство канала еще одного своего надежного человека – Б. Патаркацишвили, который участвовал с ним во многих коммерческих начинаниях.

В январе 2002 года Генпрокуратура России возобновила следственные действия по возбужденному ранее «уголовному делу «Аэрофлота»», по которому проходят предприниматели

Березовский и Патаркацишвили. Дело о пособничестве при хищении валютных средств этой авиакомпании было приостановлено в октябре 2001 года «в связи с неустановлением местонахождения фигурантов». В настоящее время Березовский находится в федеральном розыске, а Патаркацишвили – в международном.

Борис Березовский категорически отрицает предъявленные обвинения. Об этом он заявил по телефону из Лондона в прямом эфире радиостанции «Эхо Москвы». По словам финансового олигарха, действия представителей прокуратуры – «это фарс, который они демонстрируют перед всей страной, показывая полную свою импотентность, полное бездействие». Он подчеркнул, что Генпрокуратура «ни одно из серьезных преступлений не раскрыла и пытается имитировать деятельность».

Известный предприниматель также отметил, что сообщение о первом уголовном деле, возбужденном против него, «все-таки произвело эффект, но пятая ходка уже совсем не действует». Комментируя сообщения о том, что предварительным следствием предпринимаются меры к розыску его собственности для наложения на нее ареста, «олигарх в изгнании» заявил: «Чтобы арестовать мой бизнес, нужно арестовать весь бизнес, существующий в России».

И добавил: «Бизнес у меня остался в России, просто им неизвестно, какой».

БЕРНАР САРА

(род. в 1844 г. – ум. в 1923 г.)

Великая французская театральная актриса, создатель и руководитель «Театра Сары Бернар» (1898–1922 гг.), скульптор, живописец, автор двух романов, четырех пьес и мемуаров «Моя двойная жизнь» (1898 г.). Награждена орденом Почетного легиона (1914 г.).

Ее величали Великой Бернар, Великолепной Сарой, Мадемуазель Бунтовщицей. Это была изумительная женщина. Необычайно красивая, грациозная, изящная, с буйной от природы золотистой курчавой гривой волос и глазами цвета морской волны. От нее веяло неповторимым шиком, а каждый поступок воспринимался как очередная эксцентрическая выходка. Впечатлительная, страстная, чувственная, импульсивная. За ней шлейфом тянулись скандалы, которые превращались в легенды. Она умела покорять зрителей и мужчин, дружить с женщинами так же естественно, как дышать. Необыкновенная жажда жизни, неумное любопытство в сочетании с другими яркими качествами характера превратились в редчайший человеческий сплав, в «чудо из чудес», в гениальную актрису по имени Сара Бернар. Но вдумаясь в слова В. Гюго: «Это больше чем актриса, это – женщина...» Великая женщина.

Сара родилась 23 октября 1844 года. Ее мать, Жюли ван Хард (Юдифь фон Хард), в жилах которой текла еврейская и голландская кровь, была очень хороша собой. Переселившись в Париж, она сделала стремительную карьеру высокооплачиваемой содержанки и была принята в высшем свете. В 16 лет Жюли родила первую из трех незаконнорожденных дочерей. Кто был отцом Сары, точно не известно, но большинство биографов называют морского

офицера Мореля Бернара. Слабенькая от рождения девочка воспитывалась у кормилицы до пяти лет. Та звала ее Пеночкой и любила как родное дитя. Затем ее «комфортабельной детской тюрьмой» стал пансион г-жи Фрессар и привилегированный католический монастырь Гран-Шан, где еврейскую девочку окрестили.

Мать редко навещала Сару. Но появлялась, словно мадонна, всегда, когда больная туберкулезом дочь, подверженная лихорадкам и горячкам, особенно после неконтролируемых приступов «дикого гнева», находилась между жизнью и смертью. Сара очень любила мать, от которой исходил неповторимый аромат другой, закрытой от девочки жизни. Чтобы подольше удержать ее рядом с собой, она в пять лет выпрыгнула из окна, сломала руку и сильно травмировала колено, но добилась своего. Два года мама и ее покровители опекали малышку.

В 14 лет впечатлительная Сара убедилась, что должна стать монахиней. Мадам Бернар считала, что ее дочерям суждена судьба прекрасных куртизанок (впоследствии Сара была согласна, что эта «работа очень доходная», но сама никогда не жила за счет любовников). А один из покровителей матери, герцог де Морни, внимательно присмотревшись к потрясающему темпераменту юной Бернар, посоветовал ей учиться театральному искусству в Консерватории. Сара, впервые переступившая порог театра почти в 15 лет и ничего не знавшая о профессии, тем не менее была зачислена в актерскую школу. Занималась она упорно, и педагоги прочили ей успех.

Все были уверены, что на выпускных экзаменах Бернар получит первые награды в трагедийном и комедийном жанрах. Но ее, как и на протяжении всей творческой жизни, подвел страх перед выходом на сцену. Она часто играла в таком возбужденном состоянии, что после окончания спектакля падала в обморок. Несмотря на неудачу, в 1862 году Сара была зачислена в лучший театр Парижа – «Комеди Франсез» – благодаря протекции А. Дюма и герцога де Морни. В дебютной роли Ифигении в одноименной пьесе Расина она была «невыразительна». Критики отметили приятную наружность молодой актрисы и безупречность дикции. Ее неповторимому голосу, о котором Дюма говорил, что он звучит «хрустально чистым ручейком, журчащим и прыгающим по золотой гальке», еще предстояло заворожить публику.

Бернар не продержалась в этом театре и года. За нанесенную обиду своей младшей сестре Режине она дала пощечину толстой примадонне. Извиниться отказалась и вынуждена была уйти. Затем Бернар недолго играла в театре «Жимназ». Постепенно она начала раскрываться как драматическая актриса. У нее появились поклонники. В числе первых известных любовников Сары был красивый лейтенант, граф де Катри, а ее первой любовью стал отпрыск знатного бельгийского рода – герцог Анри де Линь. Против их чувств восстала семья юного принца, и Сара была вынуждена отказаться от своего счастья. Через несколько месяцев после грустного возвращения в Париж она родила сына Мориса (1884 г.) и стала любящей и преданной матерью. Позже принц Анри де Линь предлагал Морису признать его и дать свое высокородное имя, но сын знаменитой актрисы Бернар отказался от этой чести.

Сара с головой окунулась в работу в театре «Одеон», который хотя и был менее знаменит, чем «Комеди Франсез», но стал для актрисы родным домом. Она нравилась публике своей оригинальностью и стала кумиром студентов, с успехом играя в спектаклях «Кин» А. Дюма (1868 г.) и «Прохожий» Ф. Коппе (1869 г.). В последнем она произвела сенсацию, исполнив роль юноши-менестреля Занетто. Упоительный путь актрисы к славе был прерван войной с Германией. Вспыхнувший в ней дух патриотизма не позволил ей оставить осажденный врагами город. Отправив всю семью подальше от боевых действий, Сара оборудовала в «Одеоне» госпиталь и наравне с другими женщинами стала рядовой заботливой сестрой милосердия.

Франция проиграла войну, но мужественная Бернар одержала победу над собой, спасая чужие жизни в холодную и голодную осень и зиму 1870–1871 годов. А уже в январе следующего года Сара стояла на вершине театрального Олимпа. Она стала «Избранницей Публики», перед ней преклонил колени прославленный автор В. Гюго и благодарил за поистине королевскую

игру (роль королевы) в его пьесе «Рюи Блаз». Спустя годы Бернар записала в мемуарах, что теперь о ней можно спорить, но пренебрегать ею нельзя.

После этого триумфа актрису со всеми ее чудачествами с радостью принял «Комеди Франсез». Сара рассталась с «Одеоном», так как получала там «сухие гроши», а предпочитала свободу и независимость во всем, в том числе и в материальном плане. Подарки от любовников – вещь естественная, но свои чувства она не продавала. Сара окружала себя талантливыми мужчинами. Насколько были с ней близки Гюстав Доре, Эдмон Ростан, Виктор Гюго, Эмиль Золя, неизвестно. Современники называли их среди тысячи ее любовников. А в одной из книг Саре приписали «особые отношения» со всеми главами европейских государств, включая Папу Римского. Страстная в любви актриса была той гремучей смесью эротики и свободы духа, которая возбуждала мужчин. Но заявив о себе, что она «была одной из величайших любовниц своего века», в мемуарах «Моя двойная жизнь» (1898 г.), она обошла молчанием все любовные связи, наверное, чтобы никого не обидеть. Современники заявляли, что Бернар переспала со всеми театральными партнерами. О Саре и Пьере Бертоне писали, что их страсть «могла освещать улицы». А длительная связь с великолепным актером Жаном Муне-Сюлли чуть не закончилась как шекспировская трагедия «Отелло». Отверженному и обиженному отставкой любовнику «привести приговор в исполнение» помешал режиссер, опустивший занавес на несколько минут раньше драматической развязки.

Но Бернар обожала острые ощущения. Она поднималась на высоту 2600 м в корзине воздушного шара, доведя этим директора театра до белого каления, спускалась в подземные пещеры, съезжала с Ниагарского водопада по льду на собственном пальто. Эта увлекающаяся женщина ко всем своим сумасбродным и серьезным идеям относилась с таким же пылом, как к театру и мужчинам. Когда Сара решила попробовать свои силы в скульптуре, она не выходила ночи напролет из своей мастерской. Даже сам Роден не отказал ей в таланте, хотя назвал произведения «несколько архаичными». Скульптурная группа «После бури» получила награду на выставке (1878 г.) и была продана «царьку из Ниццы» за 10 тыс. франков.

Увлечшись живописью, Бернар вместо лечения малокровия в Ментоне отправилась в Бретань, лазила по горам и часами не отходила от мольберта на берегу моря. И казалось, что после очередного чудачества у этой хрупкой и болезненной женщины прибавлялось сил. Врачи напророчили ей смерть еще в детстве. Узнав об этом, впечатлительная девочка уговорила мать купить ей гроб, чтобы не лежать «в каком-нибудь уродце». Она не расставалась с ним даже на гастролях. Разучивала в нем роли, спала, фотографировалась и даже занималась любовью, если это не смущало партнера. И все это обилие идей и приключений Бернар ухитрялась соединять с репетициями и триумфальными выступлениями в театре.

Каждый новый спектакль открывал зрителю неповторимые по своей выразительности грани таланта актрисы («Федра» Расина, «Заира» Вольтера, «Иностранка» Дюма-сына). На премьере своей пьесы «Эрнани» В. Гюго плакал, очарованный Сарой в роли доньи Соль. К своему письму в благодарность актрисе он приложил бриллиантовую слезу на цепочке-браслете.

На гастролях с «Комеди Франсез» Бернар покорила Лондон, но теперь ей уже было тесно в рамках одного театра. После неудачной постановки «Авантюристки» Дюма-сына, которую она назвала «своим первым и последним провалом», Сара, заплатив стотысячную неустойку, ушла из театра и создала собственную труппу (1880 г.). Совершив стремительное турне по Англии, Бельгии и Дании, которое называли «28 дней Сары Бернар», актриса заключила выгодный американский контракт. С девятью спектаклями Бернар объездила 50 городов США и Канады, дав 156 представлений и получив огромные гонорары. Теперь ее имя означало успех, и драматурги создавали пьесы под Бернар: Дюма-сын – «Дама с камелиями»; В. Сарду – «Федора», «Тоска», «Колдунья», «Клеопатра», Ростан – «Принцесса Грѐза», «Орленок», «Самаритянка». Актрисе были подвластны любые роли. В 32 года она играла 70-летнюю слепую римлянку Постумию в «Побежденном Риме» Пароли, а в 56 – вышла на сцену двадцати-

летним принцем, сыном Наполеона, в «Орленке». Сара ухитрилась захватить себе и извечно мужские роли – Лорензаччо в одноименной пьесе Мюссе и покорила зрителей изысканным нетрадиционным решением роли Гамлета.

Ее неуемная жажда деятельности поражала. Сара несколько раз пыталась создать собственный театр, и в 1898 году на площади Шатре в Париже распахнул двери «Театр Сары Бернар». Со своей труппой, в которой играла ее сестра Жанна, актриса объехала полмира, побывала с гастролями в Австралии, Южной Америке, в Европе, была девять раз в США и трижды в России. Только Германия не увидела ее – Сара не могла простить немцам осады Парижа. Во время первого посещения России Бернар познакомилась в Санкт-Петербурге с советником греческой миссии Аристидисом (Жаком) Дамала. Он был младше Сары на девять лет, очень красив и легко покорял женские сердца. Бернар была настолько очарована им, что даже вышла за него замуж (1882 г.). Однако их брак был недолгим. Муж волочился за молоденькими актрисами, играл по-крупному в карты, а затем пристрастился к наркотикам. Но даже будучи с ним уже разведена, Сара опекала его, умирающего от морфия и кокаина (1889 г.). Сама Бернар еще долго привлекала мужчин. В 66 лет она познакомилась в США с Лу Теллегеном, который их четырехлетнюю любовную связь назвал «самыми лучшими годами» в своей жизни. А ведь он был младше Сары на 35 лет.

Стремление чувствовать и жить открывало перед Бернар новые горизонты. Сара серьезно занималась литературным творчеством. После удачной новеллы «Среди облаков» она написала два романа-пособия для молодых артистов («Маленький идол» и «Красный двойник») и четыре пьесы («Анриена Лекуврер», «Признание», «Сердце мужчины», «Театр на поле чести»). А мемуары Сары Бернар – это не занудные воспоминания, это море чувств и мыслей. Она была такой разной, оставаясь собой. Поступки Сары многих шокировали, но никого не удивляли ни ее бескорыстная щедрость к друзьям-артистам, попавшим в нужду, ни совместные с Э. Карузо благотворительные концерты в пользу русских раненых в ходе войны с Японией. Бернар выступала перед солдатами на фронтах Первой мировой войны (1915 г.), а в поездке ее сопровождал знаменитый французский генерал Ф. Фош, которого она выходила 35 лет назад в своем госпитале. Сара очень нуждалась в таком верном друге, так как незадолго до поездки ей ампутировали ногу значительно выше колена. Но преодолевать трудности, как и создавать их, было ее излюбленным делом, ведь недаром своим жизненным девизом она избрала слова: «Во что бы то ни стало».

Бернар приковывала внимание к своей персоне не только незаурядными творческими достижениями, но и эксцентричным поведением и шокирующими публику капризами. В одну из холодных зим она потратила две тысячи франков на хлеб, чтобы накормить голодных парижских воробьев. А ее особняк в центре Парижа чем-то напоминал зверинец. В нем обитали четыре собаки, удав, обезьяна и огромный какаду. Еще Сара мечтала иметь двух львят, но их с успехом заменили «очень забавный гепард» и белоснежный волкодав, которых она приобрела на деньги, вырученные от продажи своих картин и скульптур на выставке в Англии.

Бернар получала баснословные гонорары, но и жила с присущим ей шиком. Тратить заработанные упорным трудом деньги ей помогал и любимый сын, изысканный красавец Морис, просяживавший баснословные суммы в игорных домах. Чтобы погасить его долги, Сара была вынуждена работать до последних дней жизни. Она была одной из первых великих театральных актрис, решившейся появиться на киноэкране в 1900 году. Первые попытки – сцена «Дуэль Гамлета» и экранизация пьесы Сарду «Тоска» – были настолько неудачными, что Сара добилась, чтобы картину не выпустили в прокат. Но, зажатая кредиторами в тиски, она была вынуждена согласиться играть главные роли в картинах «Дама с камелиями», «Королева Елизавета», «Анриена Лекуврер», «Французские матери», «Жанна Доре» и «Его лучшее дело». Мнение критиков было неоднозначным – от восторга до полного неприятия. Ее манера игры, грим, речь были рассчитаны на театрального зрителя и воспринимались на экране довольно странно.

Но большинство фильмов получило всемирный успех, а «Королева Елизавета» оказала значительное влияние на стиль Голливуда.

С 1915 года Бернар играла на сцене только сидя. И если кто-то мог иронизировать, увидев, как ее выносят на подмости в изящных носилках, то с началом пьесы любые насмешки исчезали. Чтобы увлечь зрителя, Саре было достаточно выразительных жестов тщательно загримированных рук. А ее голос, льющийся в зал, завораживал публику, заставляя соизмерять дыхание с темпом ее речи. На сцене неподвижная Бернар оставалась театральной богиней. Эта мужественная женщина заслуженно носила высшую награду Франции – орден Почетного легиона.

С молодым задором и упоением прожила Бернар жизнь. Тяжелый приступ уремии преврал репетиции фильма «Провидица», но не сломил ее дух. В последние часы жизни Сара отобрала шестерых молодых актеров, которые должны были сопровождать вечно юную, страстную и безбрежно талантливую женщину в последний путь. И скандально известный гроб из красного дерева дождался своего часа. 26 марта 1923 года Сара Бернар скончалась, шагнув из жизни в легенду. Она стала национальной гордостью Франции, символом страны, как Эйфелева башня, Триумфальная арка и «Марсельеза». Она «не побоялась взойти на пьедестал, который зиждется на сплетнях, небылицах, наветах лести и подхалимаже, лжи и правде, – говорила ее подруга, актриса Мадлен Броан, – потому что оставшись наверху, одержимая жаждой Славы, Бернар укрепляла его талантом, трудом и добротой».

БЕРРИ КЛЕР И МЕРНА

Настоящие имена – Клара и Мина Бейгельман

Американские певицы, выступавшие дуэтом. Исполнительницы эстрадных аранжировок популярных песен на девяти языках. Первыми адаптировали популярные еврейские народные песни для массовой аудитории.

Уже само словосочетание «сестры Берри» кому-то ностальгически напомнит далекое детство, кому-то юность. Оттепель в Союзе потихоньку сошла на нет, «железный занавес» все надежнее перекрывал доступ в страну всего «западного» и «загнивающего». Правда, страху у людей поубавилось, но евреям приходилось не сладко: еврейские книги, еврейский театр, еврейские школы все еще были под запретом. В Москве работало всего две синагоги, да и те наводненные осведомителями КГБ. Сионизм был обвинен во всех всемирных грехах, поэтому ни еврейской культуре, ни еврейской музыке пробиться не удалось. Практически все пути проникновения музыки из свободного мира на необъятные просторы нашей социалистической Родины оказались под пристальным вниманием соответствующих органов, представители которых, кстати, с удовольствием слушали редкие заграничные пластинки, конфискованные у арестованных, у «несознательного элемента». Естественно, что среди многих «вражеских» исполнителей сестры Берри – две еврейки, да еще и американки! – были на особом счету: душевные и оптимистичные голоса сестричек пели о далекой сказочной Америке, где живут – и поют при этом – счастливые и свободные евреи... Достать их пластинку и переписать песни на огромную магнитофонную бобину почитали за огромную удачу. Но мало кто из «охотников за голосами» Клер и Мерны знали в те годы, что корни их семьи уходят на Украину, в прекрасный Киев.

В начале XX века на Подоле жил человек по фамилии Бейгельман. Как и его предки, он был бубличником – пек и продавал бублики. В Киеве 1918–1919 годов человеку его националь-

ности выжить было трудно: непрерывно менялась власть – белые, красные, желто-блакитные и прочие. В поисках лучшей жизни один из сыновей Бейгельмана – Хаим – сбежал из родных мест в Америку. Он поселился в еврейском квартале Ист-Сайд в Нью-Йорке, где преобладающим контингентом в те годы были выходцы из России. Здесь Бейгельман-младший нашел себе угол и еврейскую жену Эстер, тоже эмигрантку, но только из Австрии. Она знала немного польский, немецкий, французский, но свободно, как и Хаим, говорила на идише. Молодая семья поселилась в Бронксе. «Там же мы родились с Мерной, и другие наши сестры, – вспоминает Клер. – Семья была большой и дружной, несмотря на все, казалось бы, внешние различия. Мы всегда ели только вместе, отдыхали вместе, гуляли, помогали маме по хозяйству. Это сегодня дети могут неделями не общаться с родителями, а у нас, к счастью, было не так. И, став уже сама мамой, я всегда говорила дочери: “Семья должна быть у женщины на первом месте. Запомни: семья – это номер один, всегда”».

Телевидения в те годы еще не было, и для Клары и Мины таким окном в мир было еврейское радио «Форвертса». Каждое воскресенье с одиннадцати часов утра до трех часов пополудни девочки буквально замирали у радиоприемника. Именно тогда они узнали о таланте Германа Яблокова, услышали знаменитые «Папиросн», «Бублички». Там же, на еврейском радио, была и получасовая детская музыкальная передача, во время которой юные таланты пели, играли на скрипке или на пианино. Обратив внимание, как Клара и Мина замирают у приемника при звуках еврейских песен и мелодий, Эстер решила: «Если те дети могут, почему мои девочки не могут?» Первая прошла испытание Клара. Ей было всего девять лет, когда мама отвезла ее на Манхэттен, где располагалось радио, которое по вторникам организовывало прослушивание детей, желающих выступить. Девочка сразу понравилась, и ее пригласили выступить в воскресной передаче. Но на запись Клару отвел отец, так как считал, что «выступление – серьезное дело, не то что прослушивание». Юное дарование в присутствии самого Нахума Стучкова (в Витебске он возглавлял еврейский театр, а в Америке вел на еврейском радио «Форвертса» воскресные передачи для детей «Час дядюшки Нахума») исполнило песню «Папиросн».

Одной удачной попытки ее маме показалось мало. Клер Берри рассказывала: «Но мама на этом не успокоилась. Через пару дней она повела меня в музыкальный магазин Metro Music на Второй авеню и попросила его хозяйку, госпожу Левкович, подобрать для меня что-то из народной музыки, какую-нибудь песенку попроще. Песня называлась “Либстэ майнэ” («Самая любимая моя»). А потом мы вернулись домой, и мама пошла к матери моей подруги Беллы Коэн, которая брала уроки фортепиано, и моя мама спросила у ее мамы: “Сколько это вам стоит?” Та ответила: “Пятьдесят центов за урок”. Моя мама сказала: “Я буду платить вам двадцать пять центов – пусть ваша дочь учит мою”. И Белла начала меня учить тому, чему сама только что научилась...»

С первого выступления на радио прошло чуть больше года. Клара продолжала выступать и пела только еврейские песни. Однажды ее аккомпаниатор Заславский решил отобрать трех девочек для новой программы, научить их музыкальной грамоте. За каждое выступление девочкам было обещано по пять долларов. Это было настоящим богатством для 11-летней Бейгельман. «С большим трудом мы осваивали музыкальную грамоту, и я бы, конечно, давно плюнула на это нудное дело, если бы не... обещанные пять долларов». Мать ужала семью в расходах, и в доме появилось старенькое фортепиано. Но при этом она сказала Кларе: «Я хочу, чтобы ты научила петь Мину». Семилетней сестре это было неинтересно, и она поначалу заупрямилась, но оказывается, «устраивать дела» могла не только мама, но и Клара, которая подчинила Мину одной лишь фразой: «Ты должна научиться. Не ради меня – ради мамы».

Так родился будущий знаменитый дуэт. Высокий голос Клары и низкий голос Мины так удачно совпадали, что их хвалил не только Заславский, но даже Стучков. «А я на протяжении

всех лет, что мы выступали с Мерной, всегда смотрела на портрет мамы и говорила: “Мамочка, спасибо тебе, это только твоя заслуга, что мы стали петь и известны во всем еврейском мире”».

Их первое выступление – начало музыкальной карьеры всемирно известного дуэта. Мина стала Мерной, Клара – Клер, а фамилию Бейгельман переделали в Берри. Юные певицы записали на радио несколько серенад. Их заметил известный шоумен Эдди Селиван. Он ввел сестер в мир большого фольклорного и джазового искусства, сделал из них профессиональных певиц. В их репертуаре были песни на иврите, идише, арамейском, английском, испанском и русском. Хорошая вокальная школа, удивительное сочетание таких двух разных, противоположных друг другу голосов – низкий, бархатный, нежный Мерны и высокий, звонкий, чистый Клер, звучащие по-особому привлекательно в дуэте, – и помогли сестрам создать на эстраде свой стиль и приобрести всемирную известность.

За каждой их песней стоит, как они признавались, титанический труд, но именно благодаря ему зрителя, слушающего сестер с эстрады, не покидает ощущение импровизации и полной вокальной свободы, как будто все, что разворачивается перед ним, рождается сейчас, в эту минуту, как плод вдохновения, – легко, непринужденно, без какого-либо напряжения. Сестрам Берри удалось создать на эстраде свой стиль. И где бы они ни выступали – по телевидению в шоу Эдди Салливана, на гастролях в Европе или Америке, – их песни приносили им неизменный успех. Возможно, что, если бы на пути сестер не повстречался Абрам Элынтейн, талантливый композитор и музыкант, их восхождение на музыкальный Олимп не было бы таким стремительным. Известные в его аранжировке песни «Бублички» или «Тум-Бала-лайке» и др. зазвучали по-новому, свежо и интересно. Он стал руководителем, аранжировщиком, продюсером и композитором дуэта.

Сестры Берри объездили весь мир. Выступали даже в Южной Африке и Австралии. Очень часто давали концерты и в Израиле. И хотя песни в исполнении сестер Берри были понятны и доступны не только еврейскому слушателю, мелодии местечкового еврейства в джазовом сопровождении в первую очередь воскрешали ностальгию по еврейской традиции, по языку бабушек и дедушек. «А однажды на гастроли нас пригласило израильское правительство. Во время войны Судного дня, – вспоминает Клер. – Видимо, решили, что мы сможем психологически помочь солдатам. Мы много выступали, особенно перед ранеными. Помню, в одном из госпиталей мы вошли в палату, где лежал молодой парень – нога в гипсе поднята на растяжке, руки и лицо забинтованы, из-под повязок видны только глаза... Рядом сидела его мать. Мы заговорили с ней на идише, и она тут же со слезами на глазах отозвалась: “Он здесь уже три недели, но еще ни разу не сказал мне ни слова”. Что нам с Мерной оставалось? Мы переглянулись и потихоньку запели: “Хава нагила...” И вдруг парень шевельнул перебитой ногой – как бы в такт мелодии... Это было поразительно! Его мать не могла поверить своим глазам и только обнимала нас и плакала...»

Пожалуй, нет ни одного еврея в мире, который бы не слышал песенного репертуара сестер Берри. Особенно их знают и любят русскоговорящие евреи, которым выпало счастье, кажется, единственный раз в истории Советского Союза слышать, а кое-кому из москвичей даже увидеть живых евреев-иностранцев, к тому же поющих на идише. Это произошло по случаю открытия американской выставки в 1959 году в Москве. Именно тогда сестры Берри дали несколько концертов в порядке «культурного обмена» в Зеленом театре парка имени Горького. Скорее всего, организаторы этих концертов даже не подозревали, что дуэт сестер пел еврейские песни. Билеты на эти концерты достать было невозможно: молва о сестрах, поющих еврейские песни, разнеслась по всей стране, и евреи съезжались в Москву, чтобы увидеть и услышать это чудо. Для них действительно было чудом то, что в Америке евреи не должны стыдиться или скрывать свое еврейство, что им позволяют петь свои песни, что еврейская культура там на равных со всеми прочими. А еще они узнали, что еврейские песни не обязательно должны быть грустными, что бывают и веселые, радостные еврейские песни, под которые ноги сами просятся в

пляс. Сестры Берри – очаровательные, стройные, сияющие улыбками эдакие секс-бомбочки – своим искусством подарили советским евреям несколько часов счастья и свободы, а такое не забывается. Тогда же в Союз вернулась песня «Бублички», написанная в 1920-х годах в Одессе Ядовым. Певец долго не отпускали, а когда они, тронутые приемом, как бы чуть смущаясь, объявили дуэтом в микрофон «Отчи чьорные», зал вскочил и заревел от восторга. Этот известный русский романс на слова Гребенки в джазовой оранжировке Абрама Эльтейна приобрел совершенно новое звучание, давно стал хитом мирового музыкального искусства, а в России прозвучал впервые. Первый куплет певицы исполнили на русском языке. Затем звучали «Подмосковные вечера», «Ямщик, не гони лошадей»... и после каждой песни – шквал аплодисментов. Зрители долго не отпускали певиц и даже после окончания концерта не покидали парк Горького. Был еще один их сольный концерт в Москве.

Записи их концертов были в каждом еврейском доме, и на них воспитывались целые поколения. С тех летних дней 1959 года в больших и маленьких городах Союза в тысячах еврейских домов зазвучали сотни раз переписанные магнитофонные записи легендарного дуэта, и все эти «Ба мир бисту шейн», «Тум-балалайке», «Чири-бим», «А идише мамэ», «Папиросн», «Цу мир из гекумэн а кузинэ», «Ву нэмнт мэн а бисэлэ мазл», «Хава нагила» стали в СССР как бы первым «еврейским самиздатом».

В то время никто особо не решился откликнуться на это событие в печати. Но вот музыкальный обозреватель «Нью-Йорк тайме» написал: «Сестры весело дарят миру удивительную коллекцию еврейских песен на фоне потрясающих аранжировок. Девушки легко варьируют знакомое и неизвестное и, для полного удовольствия, ошеломляют нас неожиданными еврейскими интерпретациями песен разных народов. В их исполнении нет стыков, есть органичное действие, подчиняющееся внутреннему ритму».

Дуэт распался трагически. В бывшем СССР распространились слухи о гибели Мерны в авто– или авиакатастрофе. Но они оказались несостоятельными: «Ничего подобного! – говорит Клер. – Она умерла в 1976 году от опухоли мозга. Никогда ничем не болела – и вдруг... Много лет после ее смерти я не пела. Не могла. И только лет пятнадцать-двадцать спустя снова запела, но уже с мужчинами. Например, с великолепным, мудрым и обаятельным Эмилем Горовцом, к великому сожалению, недавно ушедшим от нас. Пела я и с Яковом Явно – талантливым и целеустремленным певцом... Летом 2000 года Клер выступила в Лос-Анджелесе, где проходил фестиваль «Салют Израилю». Ей уже более 80 лет, живет она в Манхэттене, но уже в другом, аристократическом районе. У нее есть дочь, которую она воспитала в национальных традициях. «По-американски ее зовут Джой, а еврейское ее имя – Рохл-Ента. Она декоратор во Флориде. У нее прекрасный муж, дочь Кимберли и сын Брэд, пожарный. Я их всех очень люблю. У них настоящий еврейский дом. Кошерный...»

Замечательного дуэта внучек киевского бубличника, выросшего, казалось бы, на безликой американской культуре, больше нет, но их исполнение продолжает волновать не только тех, кто их помнит и любит, но и новое поколение, которых, кажется, ничем удивить невозможно.

БЛЮМКИН ЯКОВ ГРИГОРЬЕВИЧ

(род. в 1898 г. – ум. в 1929 г.)

Жизнь этого человека до сих пор окутана множеством легенд, домыслов и мифов, за которыми не просто разглядеть одного из самых опасных и удачливых авантюристов XX века. Историки оценивают его по-разному: одни называют Геростратом, другие – Остапом Бендером, третьи – посланцем самого Боланда. Этот блестящий авантюрист стал прототипом Наума Бесстрашного, главного героя повести В. Катаева «Уже написан Вертер».

Ранним мартовским утром 1898 года в Одессе в бедной еврейской семье родился мальчик, которому по старой еврейской традиции родители на восьмой день дали имя Симха-Янкель. Ребенок рос болезненным. Его отец, Герш Блюмкин, мелкий коммерческий служащий, умер от сердечного приступа, когда Яков, так называли мальчика друзья, был еще маленьким. Мама отдала сына в духовное училище – первую в Одессе талмуд-тору. В еврейской школе он успешно изучил идиш и иврит.

Окончив духовную семинарию, Яков в 1913 году поступил учеником в электротехническую школу Ингера, а в ночное время подрабатывал в Ришельевском трамвайном парке.

Те, кто хорошо знал Блюмкина до 20-х годов XX века, вспоминали, что уже тогда за ним тянулся целый шлейф криминальных историй. Во время службы в торговой компании у некоего Перемена Яков Блюмкин умело подделывал документы и подписи высокопоставленных лиц, выписывая всем желающим отсрочки по отбыванию воинской повинности. Благодаря природному уму и небывалой изворотливости Якову не только удалось избежать наказания, но и умело свалить свою вину на начальника. К тому же Яков Блюмкин вместе с Мишей Япончиком промышлял налетами. Уже тогда за юным Симхой-Янкелем утвердилась слава жестокого человека.

Во время учебы в техническом училище он примкнул к партии социал-революционеров – эсеров. Блюмкин стал завсегдатаем их кружков и даже водил дружбу с одесскими анархистами. А в 1917 году Яков переехал жить в Харьков. Харьковские эсеры отправили его в Симбирск, проповедовать их идеи. И Блюмкин в девятнадцать лет совершил головокружительную карьеру: он прошел путь от рядового члена Симбирского совета народных депутатов до помощника начальника штаба Красной Армии. Молодой командир участвовал в боях с войсками Центральной рады и с гайдамаками.

Симха-Янкель вскоре был замешан в криминальной истории, которая впоследствии оказала большое влияние на его судьбу. Бывший одесский налетчик, а теперь командир Красной Армии был патологически жадным. Поэтому, выполняя по приказу Реввоенсовета задание по экспроприации в Государственном банке 4 млн рублей, Блюмкин решил обманным путем присвоить основную часть средств себе. Под угрозой расстрела деньги пришлось возвратить, хотя судьба 500 тыс. рублей так и осталась неизвестной.

Когда волнения поутихли, ловкий авантюрист появился в Москве, где его приютили товарищи по партии. Яков Григорьевич – отныне так он стал себя именовать – был зачислен в охрану партии левых эсеров. Лучшую кандидатуру действительно трудно было найти: он метко стрелял из любого вида оружия, умел обращаться с бомбами. Террористические наклонности открыли Блюмкину дорогу в ВЧК, где его хотели использовать для подготовки терактов против видных политических деятелей Германии и России для срыва Брестского договора. Кроме того, Блюмкин свободно владел несколькими иностранными языками и обладал магическим даром располагать к себе людей, поэтому ему было поручено организовать отделение по борьбе с международным шпионажем. (Интересен тот факт, что некоторые разработки даровитого чекиста до сих пор используются в работе спецслужб.)

Работа в ВЧК вскружила самолюбивому и амбициозному Якову голову. Он возомнил себя человеком, наделенным правом решать судьбу других людей, и нередко кичился этим. Его друзья по партии быстро поняли, кто он такой, и в 1918 году приговорили Якова Блюмкина к расстрелу за отступничество от идей левоэсеровского движения. На него было совершено несколько покушений, но он каким-то чудом остался жив.

Лето 1918 года вошло в историю мирового терроризма убийством германского посла графа фон Мирбаха.

О готовящемся покушении посольству Германии было известно задолго до 6 июля 1918 г. Члены посольства официально обратились в ВЧК с просьбой обеспечить графу фон Мирбаху безопасность. Однако Лубянка молчала. Хотя официальным властям было известно, что ЦК левых эсеров вынесло приговор немецкому послу. По мнению большинства эсеров, это убийство было единственной возможностью сорвать Брестский мир, который Советское правительство заключило с Германией в счет платы за помощь большевикам по захвату власти в России. Это решение держалось в строжайшей тайне. Была назначена дата и объявлены имена террористов – Яков Блюмкин и фотограф ВЧК Николай Андреев.

Почему исполнителем был выбран именно Яков Блюмкин? Как уже упоминалось, он был мастером организации разного рода провокаций, умел прекрасно стрелять и метать бомбы, к

тому же был молод, энергичен и жаждал славы. Яков Григорьевич понимал, что его имя войдет в историю, и об этом мечтал.

Как же выглядел этот человек? Его портрет – это типичный портрет революционера того времени. У Якова Блюмкина было худое мужественное лицо, острая бородка под Троцкого, бесноватые темные глаза (левый глаз был похож на лисий). Его большие пухлые губы разбрызгивали слюну на окружающих, когда Блюмкин волновался или кричал – у него не было передних зубов, которые в Киеве ему выбили петлюровцы. Известна еще одна способность Якова Григорьевича – он мог в считанные секунды менять свою внешность, превращаясь в старика или молодого.

6 июля 1918 года германский посол Мирбах был убит. Весть об этом разошлась очень быстро. В германское посольство приехал сам Дзержинский. В адрес террористов неслись самые яростные угрозы: «Я их на месте убью как изменников».

В тот же день за подписью В. И. Ленина была передана телефонограмма, в которой категорически требовалось: «Мобилизовать все силы, немедленно поднять на ноги всех для поимки преступников». Но по свидетельству наркома просвещения А. Луначарского эта телефонограмма весьма своеобразно заканчивалась: «Искать, очень тщательно искать, но не найти».

Сам Яков Блюмкин позднее признавался, что о плане покушения на Мирбаха хорошо знал Ленин. Именно поэтому убийца германского посла исчез для властей бесследно. В то время, когда преступников «тщательно разыскивали», во двор особняка Морозова в Трехсвятительском переулке въехал «паккард». Выбор этого дома оказался не случайным – там находился особый отряд ВЧК под командованием левого эсера матроса Д. Попова. Товарищи по партии поместили Якова в лазарет, предварительно обрив и выдав новые документы.

Между тем в стране начались беспорядки, которые впоследствии были названы левоэсеровским мятежом.

Дзержинский явился в отряд Попова с требованием выдать Якова Блюмкина, но был разоружен восставшими эсерами.

Через некоторое время левоэсеровский мятеж был подавлен. Всех, кто каким-либо образом был причастен к террористическому акту и мятежу, расстреляли. Хотя главное действующее лицо – Яков Блюмкин остался в стороне. Сначала он залечивал раны в Рыбинске и Гатчине, а затем отправился в Украину, чтобы заслужить доверие советской власти.

16 мая 1919 года Президиум ВЦИК специальным постановлением амнистировал Блюмкина. Спустя несколько месяцев по рекомендации чекиста № 1 – Дзержинского Якова Григорьевича приняли в члены партии ВКП(б).

В дальнейшем он возглавил штаб бригады Красной Армии. В 1919–1921 гг. учился в Военной академии РКК и служил секретарем у Троцкого. В это время Блюмкин проживал в Москве в шикарной четырехкомнатной квартире. Дорвавшись до власти, Яков жил на широкую ногу, попирая все нормы морали. На его рабочем столе всегда лежал раскрытый на одной и той же странице томик Ленина, в котором он прятал кокаин.

В 1925 году его убрали из Москвы за болтливость и перевели на работу в ОГПУ Закавказья. Именно там он сдружился с Берией.

К этому же времени относится попытка Блюмкина найти загадочную страну – Шамбалу. Во время экспедиции Яков познакомился с Николаем Рерихом и даже стал вдохновителем его первого завещания, по которому все имущество и литературные права Рерих передавал в ВКП(б), назначая распорядителями Сталина и Чичерина. Загадочную страну так и не удалось найти, но под руководством Блюмкина были собраны богатейшие коллекции лекарственных растений и минералов.

В декабре 1926 года по заданию центра экс-террорист был отправлен в Китай, а затем был переведен на повышение в Монголию. 24 сентября 1928 года, выполняя очередное задание

партии, Яков Блюмкин (купец Якуб Султанов) отправился в Турцию. Со своими задачами он справлялся удачно. Не зря ОГПУ считало его суперразведчиком и многое прощало.

Но 16 апреля 1929 года Яков Блюмкин допустил роковую ошибку. На Кипре он встретился со своим бывшим руководителем – Львом Троцким, который предложил ему начать работать на оппозицию. И тщеславный авантюрист, уверовавший в свою безнаказанность, согласился. Возвращаясь на родину, Блюмкин, подвыпив, разболтал Карлу Радеку о встрече с Троцким. Радек сразу же донес обо всем Сталину.

На родине Блюмкина встретили как героя, но сразу же установили за ним наблюдение. Его новая любовница – Лиза Горская оказалась агентом ОГПУ. Именно она и сдала его властям.

3 ноября 1929 года дело Якова Григорьевича Блюмкина было рассмотрено на судебном заседании в ОГПУ. Он обвинялся по статьям 58 п. 4, 58 п. 10 УК РСФСР (за повторную измену делу пролетарской революции и советской власти, за измену революционной чекистской власти). Приговор – расстрел.

В архивах ЧК сохранилось покаянное письмо Якова Блюмкина. Любопытно, что даже перед смертью он не переставал гордиться собой и не капли не раскаивался в совершенных преступлениях, прикрываясь служением революции. Когда его поставили к стенке, он не нашел ничего лучшего, как крикнуть: «Да здравствует Троцкий!» По воспоминаниям участника расстрела Александра Орлова, Блюмкин мужественно шел на казнь и держался достойно, за несколько секунд до смерти пел «Интернационал».

Яков Григорьевич Блюмкин хотел быть рыцарем плаща и кинжала, романтиком революции, ее демоном. Но общеизвестно, что революция всегда пожирает своих детей.

БОР НИЛЬС ХЕНДРИК ДАВИД

(род. в 1885 г. – ум. в 1962 г.)

Выдающийся датский физик, создатель теории атома, автор работ по теории металлов, теории атомного ядра, ядерных реакций, трудов по философии и естествознанию, борец против атомной угрозы. Лауреат Нобелевской премии по физике (1922 г.)

«Бор не только был основателем квантовой теории, которая открыла человечеству путь к познанию нового мира – мира атомов и элементарных частиц – и тем самым проложила путь в атомный век и позволила овладеть атомной энергией, – писал академик И. Е. Тамм. – Труды Бора наряду с работами Эйнштейна оказали решающее влияние не только на физику нашего века, но и на современное научное мировоззрение в целом».

Жизнь Нильса Бора связана с красивым и древним городом Копенгагеном. Здесь он родился 7 октября 1885 года в интеллигентной образованной семье. Его отец Христиан Бор, начав свою карьеру как врач-терапевт, стал впоследствии выдающимся физиологом и был профессором Копенгагенского университета. Известный ученый активно участвовал в политической жизни страны, выступая против шовинистической и милитаристической политики Дании, а в 1870-е годы принял активное участие в борьбе за эмансипацию женщин. Христиан Бор стал преподавателем женских классов на аттестат зрелости. Именно там он познакомился с Эллиен Адлер, девушкой из богатой еврейской семьи, хорошо известной в банковских, политических и интеллектуальных кругах. Молодая красивая ученица покорила ученого своим обаянием, и вскоре они поженились. В семье Бор было трое детей: два сына и дочь Дженифер. Она была

первым ребенком в семье, вслед за ней появился на свет Нильс Хендрик Давид, а спустя полтора года – младший Харольд, ставший впоследствии знаменитым математиком.

Дом Боров находился в самом центре столицы, и глава семейства очень любил совершать с детьми прогулки по улицам Копенгагена, посещать с ними те места, где можно было увидеть разнообразные технические диковинки: маяки, судоверфи, башни с часовыми механизмами. Отец всячески стремился привить сыновьям интерес к познанию природы вещей, трудолюбие и стремление проникнуть в неведомое, что и стало в будущем залогом их успешной карьеры.

Родители рано заметили выдающиеся способности сыновей и способствовали их развитию. Так, еще мальчиком Нильс под руководством отца проводил несложные физические опыты. Позднее, став знаменитым физиком, он вспоминал: «Я рос в семье с глубокими духовными интересами, где обычными были научные дискуссии; да и для моего отца вряд ли существовало строгое различие между его собственной научной работой и его живым интересом ко всем проблемам человеческой жизни». В детстве Нильс и Харольд были очень дружны и чувство взаимопонимания сохранили на всю жизнь. Братья постоянно переписывались, обсуждали новые научные идеи и зачастую учились и работали вместе. Нильс рос спокойным, уравновешенным, открытым и добродушным ребенком, а Харольд был его полной противоположностью. Их объединяла не только наука, но еще и одна страсть, перешедшая по наследству от отца, – футбол. В студенческие годы братья играли за сборную команду страны. Нильс был вторым запасным вратарем. Когда ему вручили Нобелевскую премию, то одна из датских газет писала: «Награда присуждена известному футболисту Нильсу Бору». А став старше, физик увлекся лыжным спортом и парусными гонками.

В 1903 году Нильс окончил Гаммельхольмскую грамматическую школу. Он был прилежным учеником. Единственной проблемой для него были сочинения на вольную тему. Текст получался очень коротким, а предложения длинными и тяжеловесными для понимания. Успешно сдав выпускные экзамены в школе, Нильс поступил в Копенгагенский университет. Сокурсникам он запомнился погруженным в себя медлительным юношей, с крупными чертами лица и большой головой, вечно таскающим с собой что-то напоминающее внешне школьную сумку. Когда сверстники организовали кружок «Эклиптика», братья Бор вошли в его состав. Успехи Нильса в учебе были столь велики, что уже на втором курсе он стал помощником профессора физики. Начинаящий ученый интересовался и гуманитарными науками, посещая лекции философа Хёффдинга по формальной логике и теории познания.

В 1907 году Нильс окончил университет. За экспериментальное исследование поверхностного натяжения воды он был награжден золотой медалью Копенгагенской академии наук. Как и многие ученые-экспериментаторы того времени, Бор проводил свои опыты, используя самодельные приборы. Он так основательно занимался разработкой той или иной проблемы, что окончание работ всегда откладывалось на неопределенный срок. Как вспоминал сам ученый, отец часто отсылал его к деду и бабушке, чтобы в сельской глуши он мог изложить результаты исследований на бумаге. Так случилось и с магистерской диссертацией, посвященной вопросам тепло- и электропроводности металлов. Защита прошла успешно, и перспективный ученый сразу же засел за докторскую, озаглавив ее «Анализ электронной теории металлов». Спустя день после этого знаменательного события Бор на вечере у своего друга Нормунда познакомился с его сестрой Маргаретт, и вскоре молодые люди поженились.

Защита докторской прошла блестяще 13 мая 1911 года. В сентябре того же года Бор был направлен на годичную стажировку в Англию и стал работать в Кавендишской лаборатории в Кембридже. С этим назначением Нильс связывал много надежд. В то время в университете работали такие всемирно известные ученые, как Дж. Джю Томсон, Лармор, Джинс. В докторской диссертации Бор затронул проблемы, связанные с электронной теорией. Он надеялся обсудить возникшие у него вопросы с первооткрывателем электрона Томсоном, но их

отношения не сложились, да и работа в Кавендишской лаборатории доставила Нильсу больше трудностей, чем достижений.

Когда стажировка подходила к концу, Бор по приглашению Резерфорда присоединился к Манчестерской группе ученых, в которой работали Гейгер, Маковер, Хевеши, Чадвик, Дарвин. Эта группа проводила масштабные исследования радиоактивности и строения атома. Молодой ученый быстро освоился в новом кругу и благодаря аналитическому складу ума стал теоретиком проводимых исследований. Работая под руководством Резерфорда, Бор создал свою экспериментальную модель строения атома.

Вернувшись в Данию, он приступил к чтению лекций по термодинамике в Копенгагенском университете. Но преподавание так и не стало его коньком. По мнению большинства его коллег, у Бора «не было никакого природного дарования к чтению курса лекций в соответствии с принятыми в университете требованиями. Он говорил заикаясь, тихо и невнятно и, как свидетельствуют, в самые ответственные моменты закрывал к тому же ладонью рот». Зато Бор-теоретик блистал на коллоквиумах, где выступления зачастую принимали форму научного диалога. Здесь он, по словам Франка, чувствовал себя «легко и совершенно как дома». Быстрота и глубина мышления Бора, его способность тотчас же схватывать сущность каждый раз заново поражали тех, кто с ним сталкивался.

Мысли Бора постоянно вертелись вокруг модели атома. Он пришел к убеждению, что квант действия, введенный Максом Планком, можно использовать в качестве величины, ограничивающей определение координат и скорости электронов. Свои мысли ученый изложил в статье «О строении атомов и молекул», а основные выводы из нее вошли в историю физики как «постулаты Бора». Эта работа получила широкий резонанс в научном мире, и чаша весов, на которую была положена судьба атомного мира, неуклонно склонялась на сторону боровской трактовки мира атомов. Против этой модели выступил А. Эйнштейн. Прочитав одну из работ молодого ученого, он сказал физику-атомщику Хевеши: «Такую работу я сам, пожалуй, мог бы написать, но если она правильна, то это конец физики как науки».

В сентябре 1916 года Бор был избран Председателем датского физического общества. После прочтения ряда лекций по механике, теории упругости, термодинамике, электронной атомной теории он получил мировое признание. Вскоре Бор стал членом Датского королевского общества. Собрав вокруг себя сторонников и заручившись поддержкой в муниципалитете и среди деловых кругов, он приступил к реализации давнишней мечты – строительству первого в Дании Института физики. Несмотря на разгар Первой мировой войны и множество других препятствий, здание было сдано в срок и 15 сентября 1920 года состоялось открытие института.

Бор собрал вокруг себя молодых, талантливых ученых, которых потом назвали Копенгагенской группой. Основным направлением ее работы стала теория атома. Эта проблема была очень актуальной, и ученый получал множество заявок на чтение лекций в различных вузах мира. Он старался не отказывать, испытывая при этом огромные перегрузки. Оставаясь без отдыха, Бор серьезно заболел и смог вернуться к работе только спустя полгода.

В 1922 году Бор стал лауреатом Нобелевской премии в области физики «за заслуги в исследовании строения атомов и атомного излучения». В своей торжественной речи на церемонии награждения он обобщил все, что существовало и было достигнуто в квантовой теории строения атома, при этом четко дал понять, что теория находится лишь на начальной стадии, и основные решения еще впереди.

Нильс Бор был физиком до мозга костей. Он обладал, как говорил в одном из писем Эйнштейн, гениальной интуицией и необычной силой внутреннего видения проблем физики. Вместе с тем в математике он уступал многим коллегам. Однажды в разговоре с Паули он сделал характерное признание, что его интерес к физике – это интерес не математика, а скорее, ремесленника и философа. Карл Вайцеккер рассказывал, что среди сотрудников и учеников

Бора ходила шутка: «Он знает только два математических знака: “меньше, чем...” и “приблизительно равно”».

Теория Бора стала промежуточным звеном между классической физикой и новым направлением. Теоретико-познавательный вклад Бора в развитие атомной физики заключается в установлении двух принципов: соответствия и дополненности. Принцип соответствия он выдвинул еще в 1916 году. Он означал, что квантовая теория может быть согласована с классической теорией, то есть «соответствовать» ей.

Осенью 1924 года в лабораторию Бора пришел Гейзенберг, выдвинувший теорию, названную «гейзенберговским формализмом», которая и помогла, по словам Бора, «рассечь гордые узел при помощи философского принципа и заменила догадки математическим правилом». В результате их совместной работы была создана матричная механика.

В 1927 году в итальянском городе Комо состоялся Международный физический конгресс, где основным стал доклад Бора «Квантовый постулат и новейшее развитие атомной теории». В нем ученый сформулировал принцип дополненности, позволивший ответить на все вопросы, которые на тот момент стояли перед теорией атома. Выдвинутый Бором принцип гласил, что любой предмет может проявить себя и как частица, и как волна. Во время Сольвеевских конгрессов (1927 и 1930) дело даже дошло до драматического спора между Эйнштейном и Бором, который затянулся более чем на четверть века.

В 1932 году Датская академия наук передала Нильсу Бору и его семье виллу с колонным залом, расположенную в великолепном парке. Этот дом стал центром научной жизни столицы. Здесь бывали именитые гости, ученые, художники и политики из разных стран. А его хозяин всегда был готов прийти на помощь. Шрёдингер сказал, что считает Нильса Бора «одним из самых добрых людей, каких он когда-либо встречал». К тому же загруженный работой Бор оставался прекрасным отцом и мужем. В семье было пять сыновей и дочь, и каждому он уделял время. Дети вспоминали впоследствии, что для них отец в первую очередь был лучшим другом, сумевшим открыть для них большой и интересный мир. «Больше всего, – писал Ханс Бор, – в моей памяти остались вечера, когда отец читал вслух или мы, дети, собирались вокруг него и засыпали кучей вопросов, на которые он с удовольствием отвечал».

На 50-летие Бора правительство Дании выделило 199 тысяч крон для закупки 0,6 грамма радия в подарок Институту теоретической физики. В 1938 году был построен первый в Европе циклотрон, и как только начались опыты по бомбардировке тяжелых ядер, стало ясно, что ученые стоят на пороге нового открытия. Через год Бор совместно с американским физиком Уилером создал теорию расщепления ядра.

После прихода к власти Гитлера многие ученые-физики, особенно с еврейскими корнями, вынуждены были покинуть родные страны. Они нашли приют в доме Бора, где он вместе с братом Харольдом создал Комитет поддержки изгнанных интеллигентов. Бор использовал свой огромный авторитет для предоставления эмигрантам возможности работать. После захвата Дании фашистскими войсками весной 1940 года он остался в стране, несмотря на то что был известен как антифашист. А как «полуеврей» подвергался ежедневной опасности. Нацисты считали его опасным врагом и готовились к аресту его и Харольда. Перед отъездом из страны ученый растворил свою золотую медаль Нобелевского лауреата в царской водке и оставил бутылку на видном месте в шкафу. После возвращения на родину он заказал новую медаль из извлеченного из раствора золота. Датские антифашисты переправили семью Бора лодкой в Швецию, а оттуда они выехали в Англию. Затем вместе с сыном ученый вылетел в США. «И этот полет имел свои опасности, – рассказывал Джеймс Франк. – Череп Бора был слишком велик для дужек, с помощью которых в этих самолетах прижимали к ушам необходимые для связи микрофоны. Поэтому он не слышал требования пилота надеть кислородную маску и потерял сознание. Он пришел в себя лишь после того, как Оге Бор указал пилоту на его состояние и тот перевел самолет в нижние слои атмосферы».

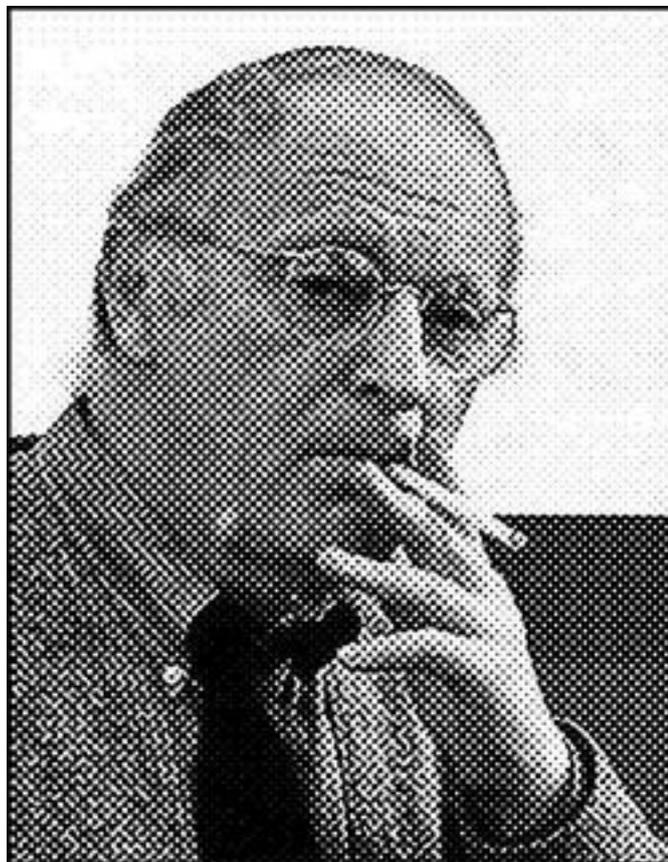
В Америке ученый принял участие в создании атомной бомбы в Лос-Аламосе. Работал он под именем Бейкер. Его решение заниматься этим делом определялось той же горькой необходимостью, которая заставила Эйнштейна обратиться с письмом к Рузвельту. Когда стало ясно, что гитлеровская Германия уже не в состоянии овладеть атомным оружием, Бор употребил все свое влияние для того, чтобы воспрепятствовать применению американских атомных бомб. С этой целью он лично беседовал с президентом Рузвельтом. Смерть президента еще до окончания войны стала одной из причин того, что усилия ученого оказались напрасными. Бор, так же как и Эйнштейн и все гуманистически настроенное человечество, был поражен и возмущен позорным актом правительства Трумэна, его преступлением в Хиросиме и Нагасаки. Следует упомянуть и меморандум, который Нильс Бор направил в 1950 году в Организацию Объединенных Наций. В нем он заявил, что следует бороться с атомным вооружением для того, чтобы предотвратить угрозу атомной войны. Главным пунктом его предложения было создание «открытого мира». Под этим он понимал мирное сотрудничество всех государств, свободное сообщение между ними и беспрепятственный обмен информацией.

В июне 1962 года он прилетел в Европу для участия в традиционной встрече лауреатов Нобелевской премии в Линдау. «Нас беспокоили его усталость и очень непродолжительное, но серьезное заболевание, которое он перенес в последние дни пребывания в Линдау, – писал Джеймс Франк. – Но он чрезвычайно быстро поправился, и можно было надеяться, что ему суждена еще долгая жизнь. Однако эти надежды не сбылись». 18 ноября 1962 года, отдыхая от работы, великий физик заснул и больше не проснулся.

«Нильс Бор прожил исключительно богатую и счастливую жизнь, – писал Франк в заключение своей мемориальной статьи. – Его гений и его сила позволили ему открыть новую эру в науке. Он был окружен одаренными учениками и сотрудниками; его брак был счастливым и гармоничным; он видел, как его сыновья, за исключением трагически рано погибшего старшего, выросли настоящими людьми. Его сын Оге стал физиком, пользовавшимся большим уважением. Он видел, как росла семья, и радовался многочисленным внукам. Бор завоевал любовь всех, кому посчастливилось близко знать его, и уважение всего мира».

БРОДСКИЙ ИОСИФ АЛЕКСАНДРОВИЧ

(род. в 1940 г. – ум. в 1996 г.)

Поэт, лауреат Нобелевской премии (1987 г.). Сборники стихов «Остановка в пустыне», «Конец Прекрасной эпохи», «Часть речи», «Урания», «Новые стансы к Августе», «Пейзаж с наводнением», «Перемена Империи», «Холмы. Большие стихи и поэмы», «В окрестностях Антарктиды», «Новые стихи»; книги и эссе «О Скорби и Разуме», «Меньше чем единица»; пьеса «Мрамор».

Иосифа Бродского нередко называют последним поэтом Серебряного века, хотя, возможно, он вообще последний большой русский поэт ушедшего столетия. Понятие Серебряный век относится не столько ко времени, сколько к уровню культуры. Бродский был человеком высочайшей культуры, в совершенстве овладел несколькими языками, великолепно знал мировую поэзию, был знаком с лучшими поэтами своего времени. Следуя своим предшественникам, великим поэтам века Золотого, он сумел создать свою поэзию, идущую из самой глубины сознания, свой образный язык.

Иосиф Александрович Бродский родился 24 мая 1940 года в Ленинграде, в семье скромного советского служащего, занимавшего должность фотокорреспондента в журнале «Балтийский флот». Когда ребенку исполнился год, началась Великая Отечественная война. О блокаде Ленинграда Бродский впоследствии говорил, что был слишком мал, чтобы понимать происходящее, знает только из рассказов взрослых, что голод и бомбежки были постоянными спутни-

ками ленинградцев. А его мать вспоминала, как ей не раз приходилось уносить маленького сына в убежище в белье в корзине.

Ненамного счастливее была жизнь и после войны. Семья жила в крохотной комнатке в старой коммуналке в бедности и страхе перед сталинским режимом. Единственным утешением были книги, они, по словам поэта, «держали нас в абсолютной власти. Диккенс был более реален, чем Сталин и Берия».

Школу Иосиф оставил в пятнадцатилетнем возрасте, закончив только восемь классов, чтобы начать зарабатывать. После неудачной попытки поступить в мореходное училище он сменил несколько мест работы. Был фрезеровщиком на заводе, истопником в котельной, смотрителем маяка, подумывал о врачебной профессии, для чего даже устроился работать санитаром морга. Романтика странствий увлекла его в путешествие по стране в составе геологической экспедиции, с которой Бродский побывал в Сибири, Якутии, на Дальнем Востоке и Тянь-Шане. С ранних лет он не искал благоустроенности, придерживаясь своей формулы: «человеку не следует устраивать пир из своих страданий». Наверное, поэтому бремя самостоятельной жизни, а затем и нелегких испытаний Бродский нес легко и почти беззаботно. Более того, в этих условиях он находил время для самообразования, много читал, изучал языки.

В шестнадцать лет Иосиф написал свои первые стихи, привлёкшие внимание друзей и знакомых. Стихи не печатали, но молодой поэт имел возможность выступать с ними перед многочисленной студенческой аудиторией, с восторгом принимавшей каждую строчку.

1960 год стал для 20-летнего поэта временем знакомства со многими известными ленинградскими поэтами: Д. Бобышевым, А. Найманом, Е. Рейном. Последнего через много лет Бродский назовет своим учителем. В том же году он познакомился с Анной Ахматовой, посвятившей ему одно из своих четверостиший:

О своем я уже не заплачу,
Но не видеть бы мне на земле
Золотое клеймо неудачи
На еще безмятежном челе.

Ахматова, относившаяся к молодому поэту с восхищением и нежностью, в 1960-е годы предсказала ему славную судьбу и трудную жизнь. Большую поддержку Бродский ощутил со стороны Надежды Яковлевны Мандельштам, вдовы его любимого поэта. Один из знакомых поэта Я. Гордин вспоминал: «Определяющей чертой Иосифа в те времена была совершенная естественность, органичность поведения. Он никогда не стремился к духовному вождизму, но возможности и место свое понял достаточно рано».

Растущая популярность поэта вызвала обеспокоенность властей. Весной 1961 года вышел Указ Президиума Верховного Совета РСФСР «Об усилении борьбы с лицами, уклоняющимися от общественно-полезного труда и ведущими антиобщественный, паразитический образ жизни». Согласно этому указу можно было привлечь к ответственности любого «свободного художника». Однако решающим моментом в борьбе с независимой интеллигенцией стала встреча Хрущева с работниками культуры, положившая начало гонению неугодных. Жертвой хрущевской кампании стал и Бродский. 29 ноября 1963 года в газете «Вечерний Ленинград» появился унижительный фельетон о молодом поэте под названием «Окололитературный трутень». Травля не ограничивалась такого рода статьями. После нескольких вызовов в милицию 13 февраля 1964 года Бродского арестовали по обвинению в «тунеядстве». В марте его дело рассматривалось Дзержинским районным судом Ленинграда. Несмотря на то что крупнейшие деятели культуры – Ахматова, Чуковский, Маршак, Паустовский, Шостакович – дали положительную характеристику творчеству Бродского, он был признан виновным в «паразитическом образе жизни» и приговорен к 5 годам ссылки.

Полтора года поэт провел в деревне Норенское Архангельской области, после чего был освобожден досрочно по причине, как объясняли власти, излишней суровости приговора.

В 1965–1972 годах Бродский жил в Ленинграде, изредка печатая свои стихи и переводы в периодических изданиях. Подготовленная для издания книга была отклонена издательствами, но его стихи публиковались в эмигрантских журналах «Грани», «Новом журнале», а также в альманахе «Воздушные пути». В 1965 году в Нью-Йорке вышел составленный без участия поэта сборник «Стихотворения и поэмы». Первый сборник «Остановка в пустыне», составленный самим поэтом и изданный в Нью-Йорке в 1970 году, стал итоговым для раннего творчества Бродского.

Тягостная обстановка, сложившаяся вокруг Бродского из-за его зарубежных публикаций, вынудила его летом 1972 года эмигрировать в США. Живя в Нью-Йорке, он пишет стихи, прозу на английском и русском языках, преподает поэзию в различных американских университетах: Мичиганском, Колумбийском, Нью-Йоркском.

В эмиграции Бродский опубликовал сборники стихов «Часть речи», «Конец Прекрасной эпохи», «Римские элегии», «Новые стансы к Августе», «Урания», пьесу «Мрамор».

В биографическом плане интересна книга «Новые стансы к Августе», состоящая из 60 стихотворений и имеющая подзаголовок «Стихи к М. Б., 1962–1982». В течение двадцати лет одна и та же женщина была адресатом любовной лирики поэта – случай достаточно редкий в истории русской поэзии.

Большой резонанс среди литературной общественности вызвал сборник эссе «Меньше чем единица», признанный в 1986 году лучшей литературно-критической книгой США.

В 1987 году Иосиф Бродский был удостоен Нобелевской премии по литературе. В своей речи при вручении награды он говорил о своем понимании сущности поэта и поэзии: «Пишущий стихотворение пишет его прежде всего потому, что стихосложение – колоссальное ускорение сознания, мышления, мироощущения. Испытав это ускорение единожды, человек уже не в состоянии отказаться от повторения этого опыта, он впадает в зависимость от этого процесса, как впадают в зависимость от наркотиков и алкоголя. Человек, находящийся в подобной зависимости от языка, я полагаю, и называется поэтом».

Прагматичная Америка тоже признала талант русского поэта: в 1991 году Иосиф Бродский занял должность поэта-лауреата при библиотеке Конгресса США.

Вспоминая о прожитых годах в России, Бродский как-то заметил: «На моей родине гражданин может быть только рабом или врагом. Я не был ни тем, ни другим. Так как власти не знали, что делать с этой третьей категорией, они меня выслали». Для него была важна духовная связь с родиной. Как реликвию хранил он галстук Бориса Пастернака, хотел даже надеть на вручение Нобелевской премии, но не позволяли правила протокола. Тем не менее Бродский все-таки пришел с галстуком Пастернака в кармане.

После перестройки Бродского не раз приглашали в Россию, но он так ни разу и не приехал на родину, которая его отвергла. «Нельзя войти в одну реку дважды, даже если это Нева», – сказал он. А в одном из интервью поэт уточнил свою позицию: «Я не хочу видеть, во что превратился тот город Ленинград, где я родился, не хочу видеть вывески на английском, не хочу возвращаться в страну, в которой я жил и которой больше нет. Знаете, когда тебя выкидывают из страны – это одно, с этим приходится смириться, но когда твое Отечество перестает существовать – это сводит с ума».

Будучи открытым в общении с друзьями и собратьями по перу, Бродский, тем не менее, тщательно скрывал от посторонних подробности своей личной жизни. Известно только, что в сентябре 1990 года состоялось его бракосочетание с Марией Содзони, итальянкой русского происхождения из старинного дворянского рода. В июне 1993 года у них родилась дочь, которую назвали Анной в честь Ахматовой.

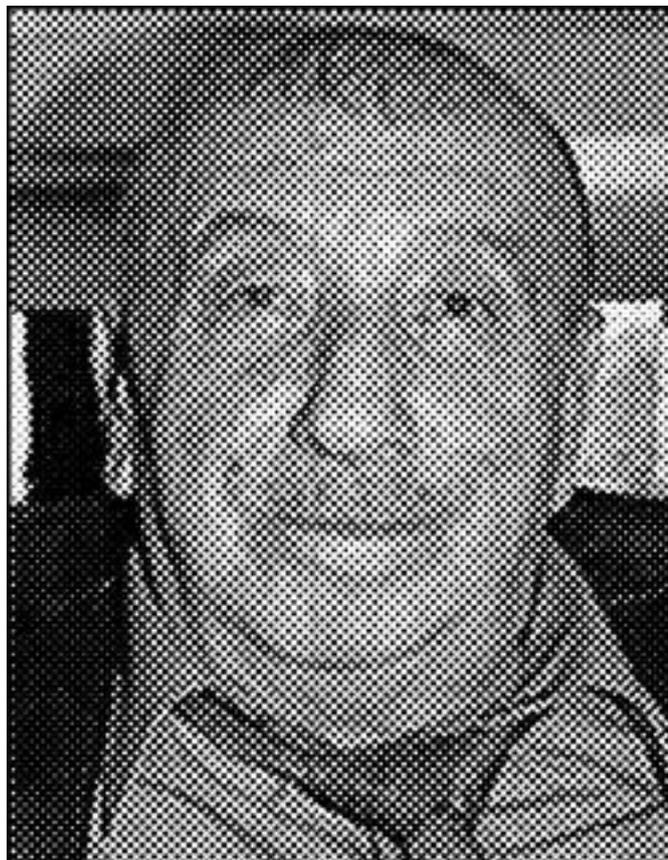
Казалось, слава и семейное благополучие станут источником новой энергии поэта, но годы мытарств, моральные травмы, разрыв с родиной не могли не сказаться на здоровье Бродского. В 1990-х годах он перенес три операции на сердце, а от четвертой, как говорили друзья, отказался. Это был тот случай, когда разум уже ничем не мог помочь телу.

Иосиф Бродский скончался в ночь с 27 на 28 января 1996 года от сердечного приступа в своем доме в Нью-Йорке. Умер во сне, как умирают праведники, считают в народе. Согласно желанию поэта его прах захоронен в Венеции на кладбище Сан-Микеле.

Бродский словно предвидел свою судьбу, написав за несколько лет до своей смерти: «Век скоро кончится, но раньше кончусь я». То, что его пророчество сбылось, удивляет мало – поэтам, видимо, такой дар дан свыше. Важнее то, что Бродский стал последним в ряду русских гениев, имеющих право на подобные пророчества.

**ВАЙНЕР АРКАДИЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ
ВАЙНЕР ГЕОРГИЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ**

(род. в 1931 г. – ум. в 2005 г.)

Аркадий Вайнер

(род. в 1938 г.)

Георгий Вайнер

Советские писатели детективного жанра, сценаристы. Сочинения: «Часы для мистера Келли» (1967 г.), «Ощупью в полдень» (1968 г.), «Я, следователь» (1970 г.), «Визит к Минотавру» (1972 г.), «Эра милосердия» (1976 г.), «Петля и камень в зеленой траве», «Евангелие от палача», «Умножающий печаль» (2000 г.), «Райский сад дьявола» (2003 г.) и др. Сценарии: «Ночной визит» (1974 г.), «Свидетельство о бедности» (1977 г.), «Лекарство против страха» (1978 г.), «Место встречи изменить нельзя» (1979 г.), «Город принял» (1979 г.), «Гонки по вертикали» (1983 г.), «Потерпевшие претензий не имеют» (1986 г.), «Вход в лабиринт» (1989 г.), «Нелюдь, или В раю запрещена охота» (1990 г.) и др. Лауреаты премий Союза писателей СССР и МВД СССР.

По роману А. и Г. Вайнеров «Эра милосердия» был поставлен один из самых популярных отечественных фильмов – «Место встречи изменить нельзя». Всего же на их творческом счету 22 фильма, 152 книги, выпущенные в разных странах общим тиражом более одного миллиона, а также театральные пьесы.

Старший из братьев, Аркадий Александрович, родился 13 января 1931 года в Москве. Как он говорил в одном из интервью: «Мы с братом выросли в нормальной советской семье. Отец был шофером, механиком. В анкетах он писал о своем образовании: “Один класс”, и слегка лукавил. Я не встречал человека мудрее. Все те заповеди, каноны, нормы нравственности, которыми мы дорожим по сей день, – от него. Мама была учительницей. Она вслух читала

наши романы отцу, и для нас главным было не то, что нас знали в 43 странах мира, а понравится ли ему то, что мы сочинили».

А первое свое произведение Аркаша написал в детстве. Как он сам говорил: «Окрыленный своим творением, на свой день рождения я поставил табуретку перед своими родственниками и стал читать. Двоюродный брат, который учился тогда в девятом классе, сказал, что эта сказка прекрасна и была бы еще прекрасней, если бы ее не написал Аксаков. Мое произведение на самом деле оказалось вольным изложением сказки “Аленький цветочек”. Но я же тогда еще не знал, что существует такое понятие, как плагиат. Я громко рыдал и поклялся, что никогда моей ноги в литературе не будет. Но клятву я нарушил».

Окончив школу с золотой медалью, Аркадий поступил в Московский авиационный институт (МАИ), а после первого курса перешел на юридический факультет Московского государственного университета им. Ломоносова. После выпуска работал адвокатом, затем следователем в 21-м отделении милиции г. Москвы, дослужился до должности начальника следственного отдела Московского уголовного розыска (МУР).

Младший из братьев Вайнеров, Георгий Александрович, родился 10 февраля 1938 года в Москве. По образованию – юрист, учился в одной группе с будущим писателем Николаем Леоновым. Работал электромехаником, техником, инженером, был журналистом в многотиражной печати. Впоследствии стал специальным корреспондентом ТАСС.

В 1967 году вышла первая детективная повесть Георгия и Аркадия Вайнеров «Часы для мистера Келли», через год – «Ощупью в полдень». А начиналась их литературная деятельность так.

«Я был дежурным следователем, когда прозвучал вызов на Сретенку, где в квартире был обнаружен труп старика, – вспоминал Аркадий Александрович. – В убогой обстановке обычной московской квартиры наш эксперт обнаружил в стене деньги, валюту, драгоценности... И там же – стеклянный пузырек из-под валокордина, в котором поместилось множество крохотных металлических деталей. Потом мы узнали, что называются они аксами, служат основанием баланса часового механизма и стоят дороже бриллиантов. А было их в том пузырьке около десяти тысяч штук. Откуда у нищего старика это сокровище? Стало ясно, что убийцы шли по наводке, но в отличие от нашего эксперта Кости Воронцова, не сумели найти клад.

Однажды наш с братом общий приятель-журналист сказал, что вместо того, чтобы рассказывать все ваши басни во время застолья с водкой, вы просто напишите это на бумаге, страниц восемь, и пообещал хороший гонорар – 400 рублей. Практически два моих оклада... И мы согласились. И написали. Правда, не рассказ, а роман на 600 страниц, но он понравился и стал нашей первой книгой “Часы для мистера Келли”».

Потом были другие книги и сценарии к фильмам, в частности знаменитая кинолента «Место встречи изменить нельзя», по «Эре милосердия». В связи с ней писателей часто спрашивали, мол, как вы, трезво мыслящие люди, могли допустить такой ляпсус – пообещать наступление эры милосердия через 20 лет?

«При этом как-то никто не вспоминает, что разговор идет между Шараповым и Варей в 1945 году, – отвечал Аркадий Александрович. – А роман написан в 1975 году, когда мы, и авторы и читатели, прекрасно знали, что ничто не искоренилось и вряд ли искоренится. Нам важно было показать наших героев – романтических идеалистов, которые не хотели понимать, что преступность зародилась в Эдемском саду, когда по предварительному стовору Евы со Змием была совершена первая кража. И с тех пор она только нарастает. Кроме, может, Швеции, где так хорошо жить и так прекрасно работают органы, что на городской тюрьме поднимают флаг, когда в ней появляется хотя бы один преступник. Тогда у начальника тюрьмы праздник».

В 2004 году Аркадий Александрович сообщил общественности, что планируется продолжение сериала «Место встречи изменить нельзя». От фильма 1979 года остались некоторые неиспользованные прижизненные съемки В. Высоцкого, поэтому Глеб Жеглов появится

на экране в начале первой серии и погибнет, потому что его предаст коллега. Остальной сериал будет посвящен раскрытию этого преступления.

Любовь к Михоэлсу побудила братьев написать роман «Петля и камень в зеленой траве», в основу которого была положена трагическая судьба замечательного режиссера и актера Михоэлса – его жизнь и его гибель.

«Я его знал с младенческих, можно сказать, лет как посетитель ГОСЕТа, еврейского театра на Малой Бронной в Москве, где я бывал почти каждый день школьником, – говорил в одном из интервью Аркадий Александрович. – Спектакли шли на идиш, который я, к счастью, знаю. Я знал наизусть все спектакли и переводил своим друзьям. Когда я стал студентом, увы, уже такой возможности не оказалось, потому что его убили и театр разогнали.

При советской цензуре быть свободным писателем исключалось. У нас с братом было множество идей, мы хотели писать правду о нюансах жизни людей в СССР, но многое не разрешалось. Поэтому мы приняли решение: половину своего времени посвящать зарабатыванию денег, а вторую – написанию романов для души. Мы разъезжали и выступали в разных городах страны, тем самым ухитрились заработать на хлеб, правда без черной икры. А в свободное от поездок время секретным образом создавали роман «Петля и камень», посвященный теме преследования евреев в Советском Союзе. Наша деятельность заслуживала, по крайней мере, пять – семь лет лагерей. Мы располагали секретными сведениями, хотя никогда не переступали порог этого учреждения. Просто у нас было много знакомых среди бывших работников КГБ, пострадавших от этой организации, и влиятельных адвокатов. Таким образом, роман с каждой страницей приобретал антисоветский накал. Дома мы с Жорой никогда не держали более трех страниц, а хранили все в разных местах. Тогда мы сами превратились в своих же персонажей. Но зато мы впервые в жизни писали без внутренней цензуры, которая жила в каждом советском литераторе. И уже потом мы стали писать “Евангелие палача” о “Деле врачей-убийц”. Это – книги о том, как в СССР должен был произойти еврейский Холокост, по масштабам соотносимый с гитлеровским.

Нас постоянно спрашивают – как вы пишете вдвоем? – продолжал старший из братьев Вайнеров. – Да очень просто. Сначала мы решаем, о чем будем писать. Потом составляем примерный план, разбиваем его на главы и решаем, кто какую будет писать. Если про войну – значит, Георгий, если про любовь – я. А потом, когда каждый напишет те главы, которые выбрал, мы снова заглядываем в план и смотрим, что осталось. И чаще всего оказывается, что главы, которые изначально никто из нас не выбрал, просто не нужны».

По поводу творческих планов Аркадий Александрович говорил: «Надеюсь, что следующая книга выйдет в конце 2005 года. Она создана в соавторстве с моим младшим братом Георгием, посвящена истории очень почтенной московской семьи – своего рода Сага о Форсайтах. Мы прослеживаем ее историю от 1913 года до сегодняшних дней. Один потомок тех славных предков служит в уголовном розыске, а другой возглавляет мафию».

Еще знаменитого писателя спрашивали, мол, не возникала ли у вас мысль уехать жить за границу?

«Был такой период, еще при советской власти, когда мы с Георгием думали, что будет лучше для нас, наших близких и для нашего творчества жить и работать в другой стране, – поделился мыслями старший из Вайнеров. – Но когда навели справки, поняли, что советская власть скорей сгноит нас, чем выпустит. Ведь мы с братом имели видное положение. Георгий был специальным корреспондентом ТАСС, и я тоже имел соответствующие звания и чины. В то время мы были уже авторами как литературных, так и кинематографических произведений. Поэтому СССР посчитало бы наш выезд предательством, и мы предпочли тихо сидеть. Писали про милицию, выбирали интересные истории и персонажи, людей честных, которые служили в органах не по принуждению, а по призванию. Все наши романы реалистичны, но вместе с тем свободны от насилия. Несмотря на трудности, наши книги издавались, а фильмы снимались».

Что касается семьи, на эти вопросы знаменитый автор детективов отвечал следующее:

«Будущая моя жена, Соня Дарьялова, была студенткой мединститута. Но нам всегда было о чем поговорить, и наши вкусы во многом совпадали. Первым с нею познакомился мой отец. Случайно. Он просто увидел в магазине красивую блондинку и попросил у нее номер ее телефона. А она возмутилась и сказала ему: “Вы же пожилой человек! Как вам не стыдно!” А отец объяснил, что просит телефон не для себя, а для сына. Но она все равно не дала номер и ушла. Но он все-таки как-то узнал ее телефон и настоял, чтобы я с нею познакомился. Я встретился с ней, а через неделю мы уже поженились.

В первый день знакомства она вскользь спросила, кем я работаю, я также “вскользь” ответил, что я – директор комиссионного магазина. Но, когда пришел к ней на день рождения, а заодно и знакомиться с ее родителями, они сильно засомневались, что я директор магазина, увидев у меня пистолет в кобуре – подумали, что я налетчик. Впрочем, для отца моей невесты милиционер был не лучше чем налетчик, поскольку он пострадал от милиции».

Софья Львовна Дарьялова стала врачом-онкологом, профессором, доктором медицинских наук, лауреатом Государственной премии, заслуженным врачом России.

Дочь Вайнера – Наталья – специально взяла фамилию мамы – Дарьялова. В юности она стала сочинять рассказы и носить их по издательствам. Ее принцип был таков, чтобы ее принимали в редакциях не по знаменитой фамилии отца – Вайнер, а по качеству литературного материала. И она своего добилась – пишет романы, публикует. Затем она с отцом основала телеканал «Дарьял-ТВ» («ДТВ»), потом уехала в США.

20 апреля 2005 года в московском кинотеатре «Космос» Аркадий Александрович Вайнер открывал Международный фестиваль детективного кино, где был президентом. А в ночь с 24 на 25 апреля того же года он скоропостижно скончался и был похоронен на Востряковском кладбище столицы.

Младший из братьев Вайнеров, Георгий Александрович, в 1990 году уехал в США, где был обозревателем, а затем два года – главным редактором газеты «Новое русское слово». Он много раз пересекал океан и прилетал в Москву к старшему брату, Аркадию, для продолжения совместного творчества. В 2000 году в России была опубликована книга Вайнеров «Умножающий печаль», а спустя три года вышло ее продолжение «Райский сад дьявола». События в ней разворачиваются в час пик – грозный для всех россиян день дефолта 17 августа 1998 года. В этот день сошлись судьбы современных русских олигархов, матерых ментов, веселых уголовников, олимпийских чемпионов и... евреев.

– Быть евреем – это наказание или награда? – спросила Георгия Александровича израильская журналистка летом 2004 года.

– Я думаю – это не наказание и не награда, а высокая и трудная честь, – ответил знаменитый мастер детективного жанра. – Потому что каждый еврей евреем считается не по крови, с моей точки зрения, не по месту проживания, а от своего осознания, что он еврей – от Моисея и до сегодняшних дней. Это большая честь. Это – избранничество.

Существует промысел Господень. Никто, как евреи, не имели и не имеют столько тягот и сложностей в своей судьбе. И для преодоления всех этих испытаний в течение нескольких тысячелетий существования с Торой Господь снабдил евреев большими талантами. При этом их еврейское избранничество не дает им никаких преимуществ, оно дает им только обязательства.

Недавно Георгий Александрович благодаря своим связям получил доступ к секретным файлам Интерпола. «Я был в очень хороших взаимоотношениях с генсекретарем Интерпола. Мы с ним хотели снять огромную, 50-серийную документальную картину о деятельности Интерпола. Но грянул дефолт 1998 года, и все собранные на картину деньги сгорели. А потом мне уже начинать как-то не было сил».

На вопрос о жене и детях знаменитый писатель ответил израильской журналистке: «Лучшей жены, чем у меня, не бывает. А познакомились мы в лесу. Она каталась на лыжах, упала и сломала ногу. Я решил, что не могу ее бросить, лучше подберу. И вот, недавно отметили 35 лет, как мы совместно мучаемся.

Старший сын – кардиохирург, работает в Техасе. Младший сын, переехавший в Израиль, – системный программист, а дочка – компьютерный веб-дизайнер».

Себя Георгий Александрович считает лентяем, обжорой и выпивохой, обожает всякого рода гулянки, девушек, шумную, яркую светскую жизнь. «Но так же я люблю лежать на диване, – продолжал он. – Моя жена на вопрос интервьюеров, чем занимается всегда ее муж, говорит, что пять рабочих дней в неделю он лежит на диване и говорит, что думает, а в уик-энд он просто лежит на диване».

На вопрос о наступлении эры милосердия младший из братьев Вайнеров ответил так:

«Думаю, она не придет раньше, чем мы к ней будем готовы. Вот когда мы станем жить не по блатным понятиям, а по законам Божьего разума, наступит та самая эра. Все-таки светлых начал в жизни больше. Иначе мир давно бы рухнул. Но человек ориентирован на благо, счастье, радость, взаимное уважение. И, несмотря на все искушения и ужасные обстоятельства нашей жизни, добра в людях всегда будет больше, чем зла. И эра милосердия все-таки когда-нибудь обязательно наступит».

ВОЛЧЕК ГАЛИНА БОРИСОВНА

(род. в 1933 г.)

Известная актриса, режиссер, художественный руководитель и главный режиссер московского театра «Современник». Народная артистка СССР (1989 г.), лауреат Государственной премии. Первый советский режиссер, приглашенный в США для постановки спектакля «Эшелон» М. Рождина (1978 г.). Награждена орденом «За заслуги перед Отечеством» II степени за выдающийся вклад в развитие театрального искусства. Постановки: «Обыкновенная история» (1966 г.), «Эшелон» (1975 г.), «Крутой маршрут» (1989 г.) и др.

Галина Волчек принадлежит к тем женщинам, которые удивительным образом сочетают в себе жесткие принципы лидера с обаянием и изысканным шармом. После ухода во МХАТ Олега Ефремова, легендарного создателя «Современника», на ее плечи легла ответственность за театр – гордость шестидесятников, глоток свободы нашей недавней истории. С тех пор она живет только жизнью «Современника». Олег Ефремов возглавлял его четырнадцать лет, Галина Волчек руководит больше тридцати. Сейчас в этом смысле в Москве с ней сопоставимы лишь Ю. Любимов в театре «На Таганке» и В. Андреев в Ермоловском театре. «Я считаю себя счастливым человеком, хотя прожила очень непростую жизнь, и в театре тоже. Но я прожила ее в одном доме. То есть я работала и в других театрах как гость-режиссер, но жизни в другом театре я никогда не знала. Может быть, где-то лучше. Но я прожила жизнь здесь – все невзгоды, все радости, все плохое и хорошее я прожила в своем доме», – говорит Галина Борисовна.

Родилась Галина Волчек в кинематографической семье. Ее отец, знаменитый кинооператор Борис Израилевич Волчек, известен работой над фильмами Ромма «Пышка» и «Ленин в Октябре». Кино было для маленькой Гали бытом, ежедневной реальностью, в которой она выросла. Термины «кадр» и «крупный план» она слышала с утра до ночи. Известнейшие на всю страну актеры были для нее «родными, дергавшими за косички людьми». «Дядя Боря Чирков обещал, когда кончится война, сводить меня в московский зоопарк. Дядя Миша Жаров, у которого не было своих детей, водил меня за ручку на прогулки вместе с тетей Люсей Целиковской. Я уже не говорю про Роммов, в доме которых я просто выросла», – вспоминает Г. Волчек. Но самым близким человеком для нее был отец. «У меня с папой была интенсивная внутренняя связь, – рассказывает Г. Волчек. – Это был замечательный человек, я не понимала это взрослым сознанием – его еще не было, а было лишь интенсивное ощущение и, главное, восторг, которого я сформулировать тогда и не могла... Я очень любила мать, но я папина дочка. Мой отец был уникальным человеком – очень добрым, простым, без всякого гонора. Со своими учениками-вгиковцами отец обращался, как с собственными детьми». Мама Г. Волчек, по воспоминаниям тех, кто ее знал, была замечательной женщиной, но ее отличало «абсолютно авторитарное отношение и к жизни, и к людям». «Мама, которую я, безусловно, люблю, не была мне так близка, как это обычно бывает. Мы с ней просто разные люди. Ей почему-то казалось, что ребенка надо воспитывать в строгости. Я испытала на себе все ее правила: нельзя ходить в капроне, нельзя плохо учиться, нельзя поздно приходить домой. Все это, конечно, рождало во мне чувство протеста, с которым я и прожила всю жизнь. До сих пор на некоторые вещи могу отреагировать не просто резко, а даже глупо и неоправданно», – вспоминает Волчек.

Когда Гале было 13 лет, ее родители развелись. По собственному решению она осталась жить с отцом. Это был ее первый серьезный жизненный выбор. Помимо отца Галину воспитывала няня, которая была ей ближе мамы. Она же вынянчила и сына Галины Волчек и Евгения Евстигнеева, Дениса, впоследствии ставшего известным кинооператором и кинорежиссером, снявшим фильмы «Лимита» и «Мама».

Борис Волчек всегда хотел, чтобы дочь поступила в Литературный институт, но она с детства мечтала стать актрисой, хотя стремление это всегда таила в себе. «Я очень стеснялась своей мечты и никогда никому не рассказывала об этом. Когда моя строгая мама выходила из комнаты, где я занималась уроками, я из-под учебника вытаскивала спрятанного Чехова. А папа был так занят съемками, что ничего не знал», – вспоминает Волчек. Повзрослев, Галина не изменила своей детской мечте и поступила в школу-студию МХАТ. На своем сильном курсе (рядом учились И. Кваша, Л. Бронева) она считалась самой способной. Педагоги ценили ее раннее мастерство, своеобразную природу драматического актерского таланта – «на грани гротеска». В годы учебы Галина просто бредила МХАТом – тем, легенды которого еще были живы. Едва ли она подозревала тогда, что через год после окончания Школы-студии МХАТ судьба предложит ей стать одной из создательниц новой легенды – театра «Современник», который будет символом «оттепели» 1960-х годов. Едва ли Галина Волчек осознавала тогда и то, что, став у истоков новорожденного театра, совершает свой второй и определяющий жизненный выбор. Здесь, в «Современнике», пройдет вся ее жизнь. Здесь она сыграет свою первую роль Нюрки-хлеборезки в спектакле «Вечно живые». Здесь поставит «Двое на качелях», «Обыкновенную историю», «На дне», «Три сестры», «Вишневым сад», «Крутой маршрут». Здесь станет народной артисткой СССР. И этот театр возглавит после того, как уйдет во МХАТ О. Ефремов.

Среди блестящего ансамбля раннего «Современника» Галина Волчек выделялась не только яркими актерскими способностями, но и явным характером лидера. Какой-то чиновник того времени среди прочих укоров «Современнику» однажды высказал Олегу Ефремову: «Вообще, Олег, у тебя там сплошные евреи. Есть одна настоящая русская баба – Галя Волчек».

Когда в 1970 году Ефремов объявил о своем уходе, труппа «Современника» пережила настоящий шок из-за потери руководителя. А перед «настоящей русской бабой» Волчек снова

встал вопрос выбора: уйти за Ефремовым или оставаться в «Современнике». Она осталась и через два года стала руководителем театра. Волчек не пошла за Ефремовым, несмотря на то, что тот всегда был и остается для нее единственным Учителем. «Остальные на меня влияли. И Товстоногов, и Вайда, и Феллини, который, я думаю, на всех влиял. Но Учитель был один – Ефремов. Он был и остается моим учителем, человеком, создавшим не только этот дом под названием “Современник”, но и всех нас, его “жителей”. Он бывал жестким, даже жестоким, частенько использовал ненормативную лексику. Но я не могла ни гневаться, ни обижаться на него. Обычно это бывал секундный укол в сердце, а уже следующая мысль: да нет, это не Ефремов, это кто-то вместо него... В “Крутом маршруте”, который я ставила, есть персонаж – маленькая Аня. Ей уже дали срок, она сидит в тюрьме, но по-прежнему считает: нет, это не Сталин, это другие... так же, видимо, думала и я. Ему я прощала и простила все», – говорит Г. Волчек. Она не пошла за своим Учителем, может быть, потому, что, по ее словам, главное, что она ценит в людях, – это дар верности: верности слову, верности долгу, верности делу: «Верность я ценю больше всего и избегаю людей, способных к предательству, не важно, в чем оно выражается».

Волчек никогда не скрывала, что перемена судьбы, обрушившаяся на нее после ухода О. Ефремова, надолго лишила ее счастья. «На свете счастья нет, но есть покой и воля», – так вслед Пушкину могла бы сказать о себе Волчек. Когда судьба распорядилась так, что Ефремов ушел, осиротевшим «современниковцам» казалось, что под ними рухнула земля. «Сейчас-то это вспоминают как какое-то далекое темное пятно – с оттенком грустного пафоса. А на самом деле это была большая беда. Кто такие были мы в 1970 году? Да, мы 14 лет просуществовали в любви зрителя, в поглаживании по головке критиками – мол, какие молодые и задорные... Но с Ефремовым ушли все драматурги, постепенно стали уходить артисты. Поэтому, сколько бы мы ни ссорились за эту жизнь с Игорем Квашой и Лилей Толмачевой, но в экстремальные моменты я им – думаю, так же, как они мне, – готова простить все. Потому что только мы остались из тех, кто был в “Современнике” с первого дня», – с горечью рассказывает Г. Волчек.

Боль множилась много раз, когда Ефремов стал уводить за собой ведущих артистов «Современника»: Мягкова, Вознесенскую, Лаврову, Вертинскую, Табакова... Казалось, театр полностью обескровлен... Но Волчек сумела заново вдохнуть в свой театр жизнь. Сначала она угадала в маленькой девочке, потрясающе сыгравшей в спектакле А. Эфроса «Турбаза» на сцене Театра Моссовета – в М. Нееловой, ту актрису, которая определит существование театра в последние тридцать лет. В следующем поколении Волчек открыла М. Хазову и Е. Яковлеву, потом Ч. Хаматову и П. Рашкину. Мудрая Волчек и сегодня продолжает формировать труппу. Огромная воля созидания театра пронизывает всю ее деятельность. И еще преданность идее и какая-то особая ответственность за все, чем она занимается. Именно благодаря своей «гипертрофированной» ответственности, Волчек с ее максимализмом и, как считают многие, нелегким характером сумела столько лет продержаться в театральной сфере. «Чувство ответственности у меня ненормальное. Завышенное, – говорит актриса. – Свою театральную судьбу я оплатила своим здоровьем. Правда, я должна честно сказать, что для меня самые страшные стрессы – это не когда нападают извне, а когда внутри театра что-то начинает разрушаться». Театр – сложный механизм, и внутри него происходят разные, не всегда приятные вещи. Волчек очень переживает, что театр для артистов сегодня перестал быть главным делом их жизни. Первостепенным стало зарабатывание денег, т. е. съемки в сериалах и телешоу. Волчек не ханжа и понимает, что жить трудно, но чтобы продолжать любить своих актеров, она никогда не смотрит ни одного сериала, ни одной передачи с их участием. «Я не хочу их видеть в таком качестве», – говорит она, предпочитая видеть своих подопечных на родной сцене. «Современник» – «звездный» театр, в который идут «на Неелову», «на Квашу», «на Яковлеву», «на Гафта». Сама Волчек слово «звезда» не любит и тех, кто действительно заслуживает почестей, называет «талантливыми артистами»: «Слово “звезда” в нашей стране слышать

уже невозможно. Титулы “великий”, “выдающийся”, “звезда” присваивают себе кто ни попадая, лепят их себе, как турецкие гостиницы – звезды. Артисты же “Современника” настолько замечательные, что мне не хотелось бы называть их растиражированными словами». К своим актерам у нее особые чувства. В этом отношении показательны слова О. Табакова, который сказал: «Она – единственный в моей жизни режиссер, который остановил работу над спектаклем, где я был занят как актер. Остановила репетиции, потому что я перенес инфаркт. И возобновила она работу только тогда, когда я после инфаркта оправился. Мне было двадцать девять лет. Это был поступок, который, конечно, аналогов не имеет».

Галина Волчек – не просто режиссер, она созидатель, строитель «Современника». Так, после яркой и вызвавшей много споров версии «Марии Стюарт» в постановке известного литовского режиссера Р. Туминаса Волчек приглашает для работы в свой театр двух молодых режиссеров – К. Серебренникова и Н. Чусову, которые на целый сезон превращают «Современник» в самый востребованный театр Москвы. Потом Чусова ставит на сцене «Современника» необычную «Грозу», и кажется, что чусовское «хулиганство» Волчек по душе. Ей нравится приглашать самых разнообразных режиссеров, и география для нее – не ограничение. Вслед за Чусовой к репетициям «Бесов» приступил давний друг Г. Волчек, выдающийся польский режиссер театра и кино А. Вайда. «Я без конца ищущую молодую режиссуру не потому, что мне хочется в этом быть впереди планеты всей. Я ищущую ее с тех пор, как стала руководителем театра, потому что считаю, что театр, в который не вливаются молодая кровь и идеи молодых, не может не превратиться в музей. Он может быть живым только в борьбе противоположностей, только в соединении “если бы молодость знала, если бы старость могла”». С какой смелостью и решительностью, пренебрегая неприязнью и многолетней предубежденностью театральной среды, Галина Волчек строит свой театр! Вот эта способность движения, сохранения ядра «Современника», привлечение ярких режиссеров говорит еще об одном качестве Волчек – о ее даре художественного руководства, который позволяет «Современнику» быть тем, чем он есть: не только явлением первых пятнадцати лет при Ефремове, но и последующих тридцати с лишним – при Г. Б. Волчек.

Судьба «Современника», как и судьба его руководителя, никогда не была легкой. С того самого момента, как ушел во МХАТ Ефремов, критики стали наперебой предрекать театру скорую смерть. Даром, что театр выпустил «Валентина и Валентину», «Балалайкина и К^о», «Эшелон», «Двенадцатую ночь», цикл чеховских спектаклей, эти «оракулы» не умолкают и сегодня, выматывая душу театрального коллектива. «Критика в лице некоторых своих “влиятельных представителей” вот уже более тридцати лет заколачивает наш театр в гроб. Трудно работать под такой аккомпанемент», – говорит Волчек. Ее родной театр переживал разные времена, но всегда Галина Волчек принимала его судьбу как собственную: радуясь и печалась, поддаваясь собственным слабостям и не изменяя собственной силе. Так, словно выполняя высокую миссию. А театр для Г. Волчек всегда был и остался именно миссией. Поколению, росшему вместе с «Современником», повезло. Задуманный и созданный как протест против официального искусства, возникший с претензией стать властителем дум, театр эту власть выстрадал, укрепляя ее на протяжении долгих десятилетий. В былые времена театру приходилось бороться за выпуск каждого спектакля. На сдачу «Эшелона», «Провинциальных анекдотов», «Восхождения на Фудзияму» комиссия приходила по пятнадцать раз, это был рекорд, не сравнимый с тремя попытками в спорте. Галина Борисовна тогда с горечью пошутила, что чиновники изобрели новый вид спорта: «Каждый раз мы боролись за выпуск спектаклей. На это уходило полжизни». Когда же само понятие «властитель дум» утратило свою целостность, Волчек осталась едва ли не единственной, кто пытался всеми силами эту власть над умами удержать. Свидетельство тому – ее спектакли: «Обыкновенная история», «На дне», затем «Крутой поворот», «Три товарища». Все они стали подлинными событиями в истории русского театра.

Режиссура – неженская профессия. Недаром слово «режиссер» мужского рода – это вполне естественно. Но Галина Волчек всей своей жизнью доказывает, что женщина-режиссер ни в чем не уступает мужчине. С улыбкой она вспоминает: «В моей далекой молодости замечательная актриса Вера Петровна Марецкая, встретив меня в доме отдыха в Рузе, спросила: ”Галя! Мне сказали, ты собираешься заниматься режиссурой. Неужели ты будешь всю жизнь ходить в мужском костюме и с портфелем под мышкой?” Таков был стереотип профессии режиссера, которого я, видимо, подсознательно ужасно боялась. И я пообещала Вере Петровне, что к каждой премьере я буду шить новое платье и никогда не надену мужской костюм и не возьму портфель». На основе своего профессионального и жизненного опыта Волчек вывела формулу профессии, в которой ей постоянно приходится доказывать свою индивидуальность: «Режиссер соединяет в себе и психолога, и психотерапевта, и экстрасенса, и гипнотизера. Энергетика, которой мы способны заразить партнера, не основывается только на интеллекте. Гениально рассказывая и рассуждая, вы достигнете проникновения только в рациональный “этаж” артиста. Не пробуетесь к его природе, к импульсам, к внутреннему темпераменту. Эйзенштейн гениально назвал кинорежиссера “вулканом, извергающим вату”».

Волчек – одна из тех немногих театральных режиссеров, которых узнают на улицах. Взрослые всех поколений смотрели фильм с ее участием «Осенний марафон», а дети – «Красную Шапочку», где Волчек сыграла Волчицу. Роли не очень большие, но Волчек, актриса широчайшего диапазона, всегда могла даже незначительную эпизодическую роль возвести до уровня символа. Сама же она вспоминать о своей «актерской составляющей» не желает категорически. «Все! Победила до конца, нет во мне актерского сознания! И никакой борьбы не было, я ничего для этого не делала. Так сложилось. Когда мне сейчас говорят: “Сыграйте эту роль, она прямо для вас!” – я удивляюсь: какие идиоты, да я этих ролей играю в год по сто штук. Каждую роль, которую играют артисты в моих спектаклях, я играю с ними. Так я работаю, в этом моя природа режиссерская... Может быть, поэтому у меня актерство не осталось занозой», – говорит Волчек.

Всю свою жизнь она посвятила театру, на семью времени у нее почти не хватало. «Всей моей жизнью я подвела себя к тому, что семья для меня стала невозможной. Это естественное состояние человека, который продался в рабство театру. Театр перемолол меня в своей мясорубке настолько, что соединить его с чем-то еще было бы неестественно. И это было предопределено мне судьбой, я в этом убеждена». Первый муж Г. Волчек, гениальный, стихийно одаренный актер Е. Евстигнеев – отдельная глава ее воспоминаний: «Он был славный человек, Женя. Необычайный талант, стихия, человек-планета. Когда я, девочка из благополучной профессорской семьи, сказала, что выхожу за него замуж и привела в дом, грянул гром. На фоне моих преуспевающих ухажеров из МГИМО человек в лиловом бостоновом костюме, справленном на вырост, с длинными рукавами, в трикотажной рубашке-бобочке и крепдешиновом галстуке поверх нее, смотрелся невероятно. У него был один длинный ноготь на мизинце, выражавший его представления о шике и интеллигентности... Так в его понимании должен был выглядеть настоящий столичный лев». Вопреки всеобщему мнению Галина вышла за Евстигнеева замуж. Они часто работали вместе, как актер и режиссер, сделали множество ролей. У Евстигнеева всегда было много поклонниц, и однажды Волчек, услышав очередные сплетни о новом увлечении своего мужа, не выдержала и подала на развод. «Я не умею быть второй. И даже первой не умею. Только единственной, – говорит актриса. – У нас были удивительно теплые с Женей отношения. Через, наверное, 25 лет, как мы с ним расстались, незадолго уже до смерти, он вдруг стал мне говорить, как я ему жизнь разрушила, какая я максималистка. И что со своим максимализмом не могла простить что-то, а должна была».

Вторым ее мужем стал М. Абелев, профессор строительного вуза. Сам он говорит о своем браке с актрисой так: «Я прожил с ней десять почти лет, и эти все десять лет были совершенно разные. Трудно было знать, что тебя ждет. Галя многослойная, она большая. Как кочан капу-

сты – один листочек, другой листочек. Все видят только верхнюю пару листков, и, только прожив с ней много лет, можно понять, насколько это большая и интересная личность. Она очень женщина, во всем, в пластике, в разговоре, в том, как она одевается. Яне знаю, почему мы с Галиной расстались. Наверное, наступил такой период, когда я как личность перестал ей быть интересным». О третьем гражданском муже Волчек известно немного. Говорят, он был человеком высокообразованным, занимал большой государственный пост. 10-летняя история их взаимоотношений закончилась разрывом.

Последние годы Галина Волчек живет одна, ее дом, ее семья – это «Современник». Когда Волчек спросили, что бы она пожелала своему театру, она ответила: «Только одного – чтобы “Современник” был живым до конца. Хочу, чтобы нашлись продолжатели и не позволили растащить театр по разным антрепризам. Для меня самым большим комплиментом было сказанное однажды Зиновием Гердтом: “Есть два места, где никогда не обманывают. Это Консерватория и “Современник”. Пожалуй, это самое ценное в нашем театре – то, что мы никогда не врали. Даже когда не могли сказать всю правду до конца, не обманывали никогда. Люди доверяют “Современнику”. И большей награды не надо».

Как истинного профессионала, Волчек волнует судьба не только родного «Современника», но и русского театра вообще. Увы, прогнозы ее ужасающие: «Сегодня театр – лишь одно из развлечений. С тех пор как в 16 лет попала в студию, я живу под аккомпанемент слов о театральном кризисе. Но его никогда не было. Это вам говорю я, человек, проживший в театре длинную жизнь. А вот сегодня кризис действительно наступил, причем очень глубокий. То, что сейчас происходит, – агонистические судороги. Театр гибнет. Это выражается во всем! В отношении к театру, в количестве вранья вокруг него. Антрепризы испортили зрителю вкус, растлили мозги... Театр умрет обязательно... Не “Современник”, а вообще театр, в том понимании, в котором мы его застали. Пройдет много времени, потраченного на всякую пустоту и ерунду, которую будут называть театром, а потом... на этом пепелище будет какой-нибудь художественный бунт, из которого родится настоящий театр... Однако каким он будет, я не знаю».

На протяжении долгих десятилетий Галина Волчек при своем твердом характере и мужской профессии вершит исконно женское дело – она хранит огонь в очаге, имя которому «Современник». Пламя горит порой неровно, то вспыхивая, то рассыпаясь искрами, но огонь не угасает. Его хранительница Галина Волчек – счастливый человек. Она счастлива, потому что у нее есть сын, были и есть друзья – Г. А. Товстоногов, А. Вайда, А. Миллер, В. Редгрейв. «Бог дал мне в друзья самую лучшую “человеческую коллекцию” в мире! Я умею ухаживать за своей коллекцией. Они мне нужны не тогда, когда мне это нужно, а когда это нужно им. Наверное, они это чувствуют», – говорит Волчек. Счастлива она и потому, что есть у нее «Современник», который по-прежнему любим зрителями. Когда Галина Борисовна встречается с людьми на улице, они говорят ей: «Дай вам Бог здоровья». Откуда они знают, что этой сильной и одновременно такой ранимой женщине так необходимы эти теплые пожелания? «Я ощущаю “доброе поле” вокруг себя и моего театра. Я всю жизнь прожила в Доме, который вместе со своими товарищами построила. Но моя судьба – трудная, – говорит Волчек. – Если начинаю вспоминать свои счастливые моменты, то понимаю, что не умела и не умею удержать их надолго. Ведь человек всегда бежит, летит за ощущением гармонии. И только ему кажется, что он ее ощутил, как она улечивается. Но ощущения абсолютного счастья в моей жизни бывали. Рождение сына. Утро после премьеры в Хьюстоне, куда меня, первого советского режиссера, пригласили на постановку. В то утро я поняла, что такое победа. Или Бродвей. Издерганная нашей критикой, столько лет пытавшейся меня уничтожить, доказать, что я бездарь и загубила “Современник”, я приехала в Америку. Несмотря на великолепный прием нашего спектакля, ждала рецензий... Когда вышла положительная, я расплакалась. Расплакалась от счастья».

Счастливейшая из женщин, она не стоит на месте, продолжая бежать по жизни. И как признается с улыбкой сама: «Если бы не физическая отдышка – бежала бы еще быстрее...» Ее жизнь – в постоянном движении, в процессе работы, в одном ритме с театром, который остается для нее самым дорогим. «Живу ради того, чтобы театр жил, в том числе и после меня, – говорит Галина Волчек. – Иначе зачем работать?»

ГЕЙНЕ ГЕНРИХ

(род. в 1797 г. – ум. в 1856 г.)

Немецкий поэт, прозаик, публицист. Поэзия: «Книга песен», сборники стихотворений, сонеты; поэмы: «Атта Троль. Сон в летнюю ночь», «Германия. Зимняя сказка», «Бимини»; проза и публицистика: «Путевые картины», «Путешествие по Гарцу», «Идеи. Книга», «Путешествие от Мюнхена до Генуи», «Флорентийские ночи».

Генрих Гейне соединял в себе две, казалось бы, противоположных стихии – лирическую и публицистическую. Он был проникновенным лирическим поэтом и в то же время журналистом, сатириком, обличавшим все пороки современного ему общества. Возможно, если бы он остался только «певцом любви», его жизнь не сложилась бы так драматически. Но Гейне был сыном своего времени, о котором сказал: «Над моей колыбелью играли последние лучи восемнадцатого и первое утро девятнадцатого века». Надо ли уточнять, что вся эта эпоха была озарена отблесками Великой французской революции, наложившей отпечаток на творчество всех европейских писателей и мыслителей.

Публицистика Гейне всегда вызывала яростные нападки критиков, называвших поэта «осквернителем родины, трона и алтаря», «жалким фельетонистом», что, безусловно, его задевало, но отнюдь не ослабляло силу его сатиры. Гейне так и остался до конца своей жизни беспощадным политическим аналитиком, эмигрантом, отщепенцем в глазах многих немцев, словно забывавших о том, кто принес стране поистине мировую поэтическую славу.

Генрих Гейне (в детстве его называли Гарри) родился 13 декабря 1797 года в семье бывшего гвардейского офицера Самсона Гейне, сменившего воинскую службу на профессию коммерсанта. Это был человек добрый и приветливый, от души желавший счастья четверым своим сыновьям. Однако в коммерции ему не особенно везло, и семья постоянно испытывала нужду. Гарри любил отца самой нежной сыновней любовью, тянулся он и к матери. Бетти ван Гольдерн была женщиной образованной и хотела, как и отец, дать детям хорошее образование. Но учеба, сначала в начальной школе, а затем в католическом лицее будущему поэту мало что давала. Постоянная зубрежка религиозных текстов навсегда отвратила Гарри от религии. Зато сказки, приключенческие романы, произведения Гете и Шиллера доставляли мальчику большое наслаждение.

Когда Гейне исполнилось семнадцать лет, встал вопрос о будущей профессии. Самсон и Бетти, увлеченные романтической судьбой Наполеона, сначала мечтали о военной карьере для сына. Но затем на семейном совете решено было сделать из Гарри коммерсанта, тем более что перед глазами родителей был весьма достойный пример: брат Самсона, т. е. дядя Гарри, Соломон Гейне за короткое время из простого клерка стал миллионером. Уважая волю отца, Гейне отправился во Франкфурт, чтобы изучать науку коммерции.

Вскоре наставник Гарри, один из франкфуртских банкиров, деликатно намекнул Самсону Гейне, что у его сына нет никаких способностей к накопительству вообще и к банковскому делу в частности. Тогда богатый дядюшка вызвал Гарри к себе в Гамбург и заверил семью Гейне, что уж он-то сделает из племянника настоящего купца. Но и торговое дело не очень-то заинтересовало Гейне, зато под конторскими книгами Соломон все чаще стал находить листки, густо исписанные стихотворными строчками. Разгневанный дядя рвал их на кусочки, приговаривая: «Если бы этот парень хотя бы на что-либо был способен, он никогда бы не занимался стишками». На что юный племянник в тон своему покровителю отвечал: «Знаешь, дядя, лучшее в тебе то, что ты носишь мою фамилию». Уже в этой фразе можно ощутить тот горделивый дух, который в будущем станет определяющим для Гейне-прозаика.

И все же жилось Гарри в доме дяди не слишком комфортно. Даже слуги относились к бедному родственнику с пренебрежением. Но больше всего Гейне страдал от неразделенной любви к дочери Соломона Амалии. Свою кухню будущий поэт любил страстно и самоотверженно. Она же относилась к нему высокомерно, пренебрегая искренними стихотворными посвящениями молодого поэта.

Когда Гейне спустя одиннадцать лет встретился со своей первой большой любовью, он так описал эту встречу: «Эта госпожа Фридендер из Кенигсберга, она, видите ли, моя кузина. Вчера на закуску я получил ее избранника, мужа... Мир дурен, вульгарен и безрадостен, и пахнет засохшими фиалками».

Убедившись в том, что коммерсанта из племянника не выйдет, дядя согласился помочь ему в получении высшего образования. С 1819 по 1823 год Гейне учится на юридическом факультете университетов в Бонне, затем в Геттингене и Берлине. Но и юриспруденция интересовала молодого поэта не больше, чем торговля. Он самостоятельно изучает историю, литературу, лингвистику и философию, встречается с ученым, теоретиком романтизма Августом-Вильгельмом Шлегелем, в Берлине слушает лекции Гегеля, знакомится с писателями Гофманом и Шамиссо, посещает художественные салоны, где собирался цвет немецкой интеллигенции.

Весной 1821 года Гейне появился в кабинете редактора берлинского журнала «Собеседник», положил ему на стол тоненькую тетрадь стихов и сказал: «Я никому не известен, но хочу стать известным благодаря вам». Стихи были приняты и напечатаны, а в качестве гонорара молодой поэт получил сорок экземпляров своей первой книги.

Во второй половине 1820-х годов Гейне весь в поисках какой-либо работы. Он пытается устроиться то адвокатом, то преподавателем. Но для него, автора памфлетов, направлен-

ных против реакции, места нигде не находится. Более того, за ним постоянно следит полиция, угрожая арестом. Повод для преследования журналиста, по мнению властей, был более чем убедителен. Это книга «Путевые картины», которую сам Гейне называл «военным кораблем, на борту которого слишком много пушек». «Путевые картины» – сборник публицистических очерков. В них нет сюжетов, типов или характеров, но есть журналистские впечатления и чувства, пережитые автором при знакомстве с феодальной Пруссией. Сатире подвергалось все – аристократия, церковь, схоластические науки, продажная литература, собственно, вся современная Гейне страна. Эта книга метафорична, эмоциональна, дышит то гневом, то оптимизмом. Она насыщена афоризмами, один из них стал крылатым: «Сквозь мое сердце проходит большая мировая трещина».

Избегая худших последствий за свои сатирико-публицистические произведения, Гейне 1 мая 1831 года уезжает во Францию и становится пожизненным политическим эмигрантом. К этому времени Гейне известен не только своей публицистикой, но и поэзией. Лирическая «Книга песен», опубликованная в 1827 году, принесла поэту мировую славу. В этой поэтической исповеди одна тема – неразделенная любовь, пронизанная горечью и страданиями. О ней сам Гейне сказал: «Книга эта – только урна с прахом моей любви». Вот где проступила печаль былой любви к Амалии Гейне, которую поэт так и не смог забыть.

На французской земле Гейне обрел вторую родину. Здесь он встречается с выдающимися артистами, музыкантами, учеными, политическими деятелями. Его друзьями становятся Бальзак, Беранже, Жорж Санд, Мюссе, Дюма-отец, Шопен.

Гейне было 37 лет, когда он познакомился с молодой и красивой француженкой Кресценцией-Евгенией Мира, которую он называл Матильдой. Крестьянка по происхождению, Матильда приехала в Париж в поисках счастья и жила у своей тетки, помогая ей торговать обувью. Через год Генрих и Матильда поженились. Избранница поэта была девушкой капризной и вспыльчивой, по словам Генриха, «настоящим домашним Везувием». До конца жизни она так и не выучила ни единого немецкого слова и, наверное, толком не знала, что представляет из себя Гейне как литератор. Но она пленила Генриха своей естественностью, непринужденностью, жизнерадостным характером и безграничной преданностью. Во время свадьбы Матильда сказала: «Анри, знай, что я тебя никогда не брошу, любишь ты меня или нет, будешь хорошо ко мне относиться или плохо, я все равно тебя никогда не брошу». И свое обещание она сдержала.

Еще с молодости Гейне страдал туберкулезом спинного мозга. С годами болезнь прогрессировала, все чаще болела голова, утончалась левая рука, временами пропадало зрение. В мае 1848 года Гейне последний раз вышел из дома. Он пришел в Луврский музей и обессиленный упал возле прославленной статуи Венеры Милосской. Впоследствии поэт рассказывал друзьям: «Я долго лежал у ее ног и горько плакал так, что слезы могли тронуть даже камень. А богиня смотрела на меня сверху сочувственно и безутешно, словно хотела сказать: разве ты не видишь, что у меня нет рук, и я не могу тебе помочь».

Последние восемь лет жизни Гейне, испытывая физические страдания, пролежал в тесной парижской квартире на ложе из матрацев, которое он называл «матрачной могилой». И все же поэт продолжал писать; полуслепой и неподвижный, он правой рукой поднимал одно веко, чтобы хоть немного видеть, а левой выводил на бумаге большие буквы.

Всю жизнь великий поэт испытывал материальные затруднения. Он зависел от своих богатых родственников, ему приходилось унижительно торговаться со своим гамбургским издателем Кампе, который наиздании его произведений миллионы, а самого автора держал в «черном теле». С горькой иронией Гейне говорил, что ему при жизни сооружен надежный памятник – огромный каменный дом Юлиуса Кампе в Гамбурге. Эту борьбу за деньги Гейне вел не ради себя, он хотел обеспечить жену после своей смерти. До последних дней Генрих беспокоился о комфорте для своей жены, нарядах и развлечениях. И при этом не терял мужества

и ироничного отношения к себе. Когда к умирающему Гейне пришел его знакомый и спросил, как теперь поэт относится к Богу, Гейне ответил: «Бог меня простит, это его профессия».

На рассвете 17 февраля 1856 года Генриха Гейне не стало. Его последними словами были: «Писать! Бумагу, карандаш!» Выполняя волю писателя, его похоронили на Монмартрском кладбище в Париже без религиозных обрядов и надгробных речей. Со дня погребения и до наших дней французы заботливо ухаживают за могилой великого немецкого поэта.

ГЕРЦ (ХЕРЦ) ГУСТАВ ЛЮДВИГ

(род. в 1887 г. – ум. в 1975 г.)

Немецкий физик-экспериментатор, доктор наук, профессор. Разработал диффузионный метод разделения изотопов, написал труды по спектроскопии, физике плазмы и др. Иностраный член АН СССР по Отделению физико-математических наук (физика) с 20 июня 1958 года, член Немецкой академии наук в Берлине и Геттингенской академии наук, а также академий наук Венгрии и Чехословакии. Лауреат Нобелевской премии (1925 г., совместно с Джеймсом Франком), Сталинской премии (1951 г.) и Национальной премии ГДР (1955 г.). Обладатель медали Макса Планка Германского физического общества.

Его дядя Рудольф Генрих Герц (1857–1894) был одним из наиболее выдающихся физиков в области электродинамики. Подтверждая идеи Дж. К. Максвелла, Генрих Герц в 1886–1889 годах доказал реальность электромагнитных волн и установил тождественность их свойств со свойствами световых волн. В 1935 году на VIII съезде Международной электротехнической комиссии именем выдающего ученого названа единица частоты – Герц (Гц) – одно колебание в секунду. А «волны Герца», получившие в дальнейшем название радиоволн, вошли в число важнейших доминант жизни современного общества.

Племянник, Густав Людвиг Герц, тоже внес существенный вклад в развитие науки. Он и его коллега Джеймс Франк стали первыми физиками, которым удалось непосредственно измерить энергию кванта.

Знаменитый ученый родился в Гамбурге 22 июля 1887 года в семье адвоката Густава Герца и Аугусты (Арнинг) Герц. Получив среднее образование в гамбургском Иоханнеуме, Густав в 1906 году поступил в Геттингенский университет, где изучал математическую физику и математику у Карла Рунге и Давида Гильберта. Затем студент продолжил свое образование в Мюнхенском университете у Арнольда Зоммерфельда, где познакомился с новой тогда квантовой теорией, и в Берлинском университете у Джеймса Франка и Роберта Поля. В столичном учебном заведении будущий ученый заинтересовался экспериментальной физикой. В 1911 году он защитил диссертацию в Берлинском университете об инфракрасном поглощении двуокиси углерода и получил степень доктора наук.

Спустя два года Густав был назначен ассистентом в Физический институт при Берлинском университете, где вместе со своим коллегой Джеймсом Франком приступил к исследованию изменений энергии при столкновении атома с электроном. В 1912–1914 годах они впервые экспериментально показали, что внутренняя энергия атома дискретна, т. е. не может принимать любые значения, за что впоследствии удостоились мирового признания.

Во время Первой мировой войны оба ученых служили в германской армии. В 1915 году Герц был тяжело ранен. После длительного лечения он в 1917-м стал внештатным преподавателем Берлинского университета.

В 1922 году Густав, используя газовые мембраны, предложил новый метод разделения газовых смесей изотопов, названный масс-диффузией. В 1925 году за «открытие законов соударения электрона с атомом» Густав Герц совместно с Джеймсом Франком был удостоен Нобелевской премии по физике. Это открытие подтвердило квантовую теорию атома датского физика Нильса Бора. Немецкие физики стали первыми учеными, которым удалось непосредственно измерить энергию кванта.

Представляя лауреатов, К. В. Озеен из Шведской Королевской Академии наук заметил: «Еще недавно никто и не помышлял о том, что атом может существовать в различных состояниях, каждое из которых характеризуется определенным уровнем энергии, и что этими энергетическими уровнями определяются спектральные линии... Теория Нильса Бора выдвинула эти гипотезы; методы их экспериментальной проверки разработали Густав Герц и Джеймс Франк».

Позднее Дж. Франк признался, что они не оценили по достоинству фундаментальное значение теории датского ученого – настолько, что даже не упомянули о ней в своей статье. Однако Нильс Бор и его единомышленники поняли всю важность экспериментов немецких коллег и неоднократно ссылались на них в подтверждение своих идей.

С 1920 по 1925 год Густав Герц работал в физической лаборатории на заводе ламп накаливания фирмы «Филипс» в Эйндховене (Нидерланды). «Филипс» была одной из первых частных компаний, финансировавших фундаментальные исследования. В 1925 году немецкий ученый стал профессором физики университета в Галле и директором Физического института при том же университете.

Три года спустя Герц вернулся в столицу Германии, где ему предложили пост директора Физического института при Шарлоттенбургском техническом университете. За время руководства этим учебным заведением нобелевский лауреат разработал газодиффузионный метод разделения изотопов неона и написал другие научные труды.

В 1933 году к власти в Германии пришел Гитлер, но знаменитый физик отказался принести клятву на верность фюреру и в 1934 году был вынужден уйти в отставку. С 1935 по 1945 год Герц возглавлял научно-исследовательскую лабораторию фирмы «Сименс и Хальске» в Берлине. Неясно, почему ученому, отец которого был евреем, а первая жена выступала против нацизма, разрешили занимать столь важный пост.

Еще во время своего визита в США в 1939 году Густав сказал своим друзьям, что уровень физических исследований в Америке весьма высок, но он чувствует, что был бы более полезен в СССР. Герц, видимо, надеялся, что ему и его семье удастся переехать работать в Советский

Союз и полностью раскрыть свой потенциал ученого. После Второй мировой войны советские компетентные органы предоставили ему такую возможность.

Журналист С. Пестов в своей книге «Бомба. Тайны и страсти атомной преисподней» пишет, что едва в мае 1945-го отгремели бои в Берлине, как советские физики Харитон и Арцимович в форме полковников госбезопасности с группой советских ученых из разных областей науки и техники были уже в поверженной Германии. Представительную «делегацию» возглавлял заместитель Л. П. Берии Авраамий Завенягин, проинструктированный лично Лаврентием Павловичем. Предстоял розыск ученых, лабораторий, оборудования, запасов сырья и промышленных объектов, входивших в немецкий урановый проект. Работы по поиску «трофейных» ученых, оборудования и технологий курировал со стороны военной администрации Германии заместитель маршала Жукова Иван Серов. Советской стороне достались: Густав Герц, М. фон Арденне (работы в электронной оптике, электронной и ионной физике), М. Штеенбек (работы в области физики газовых разрядов, электродинамики, физики плазмы, магнитогидродинамики, прикладной физики) и некоторые другие, менее значительные фигуры.

Всех их тайно, под конвоем, вывезли в СССР, рассадили по одиночным камерам и держали впроголодь. Время от времени хмурые люди из НКВД спрашивали немцев, не хотят ли они котлет и горячего супа, для чего необходимо было их письменное согласие на хорошо оплачиваемую работу в соответствующих военно-оборонных отраслях Советского Союза. Почти все они «добровольно» согласились.

Аналогичным образом в СССР появились электронщики, химики, специалисты по радарам и др., а также ученые ракетного центра из Пенемюнде, где еще в 1937 году был создан ракетный полигон и исследовательский центр фашистской Германии. С 1942 года здесь испытывались ракеты V-2 (Фау-2), применявшиеся для бомбардировок Лондона и других городов.

Немецких ученых и инженеров заставили заключить десятилетний контракт и как «добровольцев» пригласили в закрытые учреждения (типичные «шараги»), связанные с осуществлением атомных проектов СССР. Для этого в Сухуми, Челябинске-40, Малоярославле-10 и других местах были созданы соответствующие НИИ и лаборатории. Например, в Сухуми основали два института (филиалы МИФИ), которые возглавили Герц и фон Арденне. Добровольцы-узники за колючей проволокой в условиях сверхсекретности разработали и изготовили сверхскоростную центрифугу для разделения изотопов урана. Центрифугирование резко сократило себестоимость конечного продукта, значительно повысило производительность выработки стратегического сырья, поэтому стало возможным проводить разделение в промышленных масштабах. Новая технология позволила Советскому Союзу сэкономить огромное количество электроэнергии. Кроме того, Густав Герц возглавлял исследования по атомной энергии и радарам.

Немало сделали немецкие ученые и в области добычи и обогащения урановых руд, химии и металлургии урана и плутония. Случалось, что результаты исследований «добровольцев» публиковались в СССР, но за подписями советских «надсмотрщиков»-ученых, которые успешно защищали таким образом свои диссертации. Естественно, никто из немцев, пока они находились в Советском Союзе и под конвоем, не посмел даже возмутиться этим.

В середине 1950-х годов после окончания работ и некоторого периода «рассекречивания» узникам разрешили вернуться в Германскую Демократическую республику и наградили автомобилями. Густав Герц, кроме того, получил в 1951 году Сталинскую премию, М. фон Арденне дважды был удостоен Сталинской премии (в 1947 и в 1953) и дважды награждался Национальной премией ГДР (1958, 1965). С 1955 года он занял пост директора научно-исследовательского института в Дрездене. М. Штеенбек тоже стал дважды лауреатом Национальной премии ГДР. С 1956 года он – профессор Иенского университета, в 1956–1959 годах занимал должность директора Института магнитной электродинамики. С 1965 года он занял пост президента Научного совета Германской Демократической республики.

В 1955 году (по другим сведениям – в 1954) Г. Герц из СССР уехал в Лейпциг, где стал профессором Университета Карла Маркса, получил Национальную премию, позже – медаль Макса Планка Германского физического общества. В качестве директора Физического института при Лейпцигском университете немецкий ученый, кроме всего прочего, руководил строительством нового здания института взамен разрушенного бомбардировками во время Второй мировой войны. Его избрали членом Немецкой академии наук в Берлине и Геттингенской академии наук, а также членом академий наук Венгрии и Чехословакии.

В 1961 г. (по другим данным – в 1962) Густав Герц вышел в отставку и поселился в Восточном Берлине, где прожил последние 14 лет своей жизни. Говорят, знаменитый ученый был замкнутым человеком, любил фотографировать и делал это вполне профессионально.

О его семейной жизни известно следующее: в 1919 году Густав женился на Элли Дильман. У них родились два сына, оба стали физиками. В 1943 году, через два года после смерти первой жены, он вступил во второй брак с Шарлоттой Йолласс.

Умер Густав Людвиг Герц на 89-м году жизни, 30 октября 1975 года, предположительно в столице Германии.

ГЕРШВИН ДЖОРДЖ

(род. в 1898 г. – ум. в 1937 г.)

Выдающийся американский композитор и пианист, крупнейший представитель симфонического джаза.

На долю этого композитора выпала великая честь сделать в американской музыке то, что еще в XIX в. осуществили Глинка в России, Монюшко в Польше, Эркель в Венгрии, Сметана в Чехии. Гершвин смог создать популярнейшие произведения, в которых очень удачно сочетаются принципы симфонической и джазовой музыки.

Американский дирижер Уолтер Дамрош так высказался о творчестве своего именитого соотечественника: «Леди Джаз, украшенная интригующими ритмами, шла танцующей походкой через весь мир. Но нигде ей не встретился рыцарь, который ввел бы ее как уважаемую гостью в высшее музыкальное сообщество. Джордж Гершвин совершил это чудо. Он смело одел эту крайне независимую и современную леди в классические одежды концерта. Однако нисколько не уменьшил ее очарования. Он – принц, который взял Золушку за руку и открыто провозгласил ее принцессой, вызывая удивление мира и бешенство ее завистливых сестер».

Джордж (Яков) родился 26 сентября 1898 г. в Нью-Йорке в еврейской семье Гершович, эмигрировавшей из России. Он был вторым ребенком после брата Айры. Дела у его родителей шли в то время неважно. Гершвины (Гершович) снимали небольшую квартирку в деревянном доме на Снедикер-авеню, и братья все свое время проводили на улицах Ист-Сайда. Мальчики были очень живые, Джордж даже стал чемпионом улицы по конькам. А вот в школе особым

усердием не отличался и явно не оправдывал надежд матери, мечтавшей видеть детей школьными учителями.

Когда мальчику было восемь лет, на одном из школьных концертов он испытал настоящее потрясение. «Виновником» был Макс Розенцвейг, впоследствии известный в Америке скрипач, который прекрасно сыграл на концерте «Юмореску» Дворжака. После того вечера Джордж и Макс подружились. «Макс открыл для меня мир музыки», – вспоминал позже Гершвин.

Мама будущего композитора не оставляла надежды дать сыну хорошее образование. В 1912 г. она записала Джорджа в Коммерческую школу, но бизнесменом ему стать не довелось. В доме у Розенцвейга было фортепиано, и мальчик сам научился играть на нем, подбирая на слух популярные мелодии. Вскоре он так преуспел в этом, что, к большому удивлению родителей, за короткое время намного обогнал старшего брата Айру. На семейном совете было решено, что из них двоих заниматься музыкой будет Джордж.

С преподавателями юному музыканту сначала не везло: три первые учительницы разучивали с ним скучные упражнения, а четвертый учитель – мистер Гольдфарб – техникой вообще не занимался, и воспитывал своего подопечного на пошурри из опер. И только Чарльз Хамблицер оказался именно тем музыкантом, который нужен был Гершвину. По его совету в 1915 г. Джордж брал уроки гармонии и оркестровки у виолончелиста и композитора Э. Киленьи.

Школу он так и не закончил, юношу больше привлекала американская индустрия популярной музыки, так называемая Тин-Пэн-Элли. В пятнадцать лет Джордж поступил на должность пианиста-популяризатора в издательство «Ремик и К^о» с оплатой 15 долларов в неделю. Работая в магазине, он играл классику, а на вопросы коллег: «Зачем ты играешь фуги Баха? Ты хочешь стать концертирующим пианистом?» Гершвин отвечал: «Нет, я изучаю Баха для того, чтобы писать популярную музыку».

Первый успех пришел к начинающему композитору в 1916 г., когда его песню «Когда вы захотите» с успехом исполнила модная в то время певица ревю Софи Такер. Постепенно он стал своим в музыкальных кругах Бродвея. В феврале 1918 г. Макс Дрейфус, возглавлявший издательство Хармса, предложил Гершвину работу с оплатой 35 долларов в неделю. Это позволило Джорджу посвятить все свое свободное время творчеству и совершенствованию мастерства – у композитора Джерома Керна он учился искусству гармонии и мелодического варьирования.

9 декабря 1918 г. на Бродвее состоялся дебют первого ревю Гершвина, который оказался не очень удачным. Продюсер не смог собрать полный состав женской труппы, и сценическая жизнь постановки закончилась, не успев начаться. Несмотря на первую неудачу, в 1919–1923 годах композитор стал автором или соавтором около пятнадцати бродвейских постановок. Большой успех имела музыкальная комедия «Ля-ля, Люсиль», а песня «Суони», которую исполнял Эл Джолсон, буквально вознесла Джорджа к высотам славы. Имя Гершвина все чаще стало появляться на страницах газет и журналов. А 6 сентября 1922 года Берил Рубинштейн, известный американский пианист и педагог, в газетном интервью заявил: «У этого молодого человека есть искра гениальности. Я действительно верю, что Америка в недалеком будущем будет им гордиться...»

Вскоре песенные рамки стали тесными для молодого композитора, и он взялся за написание оперы. В рекордно короткий срок, всего за пять дней, из-под его пера вышла одноактная джазовая опера из жизни негров под названием «Голубой понедельник». Партитура ее была довольно «сырой», но музыкальные «прозрения» получили развитие в дальнейшем творчестве Гершвина.

Один из столпов Голливуда Рубен Мамулян вспоминал: «Впервые я встретился с Джорджем Гершвином в конце 1923 года в Рочестере, штат Нью-Йорк. Сыграв, к нашему огромному удовольствию, несколько известных своих песен, Гершвин сказал, что сейчас работает над сочинением совсем другого рода и что оно вполне могло бы попасть на настоящую концерт-

ную сцену, как он надеется... Я никогда не забуду своего сильнейшего первого впечатления от новизны и свежести этой музыки – от чудесных красок, яркости разнообразнейших ритмов, силы и властности, которые еще подчеркивали громадные достоинства его идей. После того, как он сыграл, я решился спросить его: “А как вы думаете назвать это, мистер Гершвин?” Он сказал, что хотел бы, чтобы в названии было слово Blue (не только синий или голубой цвет, но в Америке – еще и своего рода “хандра-печаль”) – видимо что-то вроде “Рапсодии в грустях”, или Rhapsody in blue».

Так родилась «Рапсодия в блюзовых тонах», принесшая композитору мировую известность. Премьера состоялась в Иоулиэн-холле 12 февраля 1924 года, концерт закончился шквалом аплодисментов. В зале присутствовали Л. Годовский, С. Рахманинов, Ф. Крейслер, Л. Стоковский, И. Стравинский, Э. Блох. На следующий день в газетах появились рецензии, в большинстве которых преобладал восторженный тон. Вскоре после премьеры Нью-йоркское симфоническое общество заказало Гершвину произведение для оркестра. Композитор избрал жанр концерта и создал «Фортепианный концерт Фа-мажор». Публика приняла новое творение с не меньшим энтузиазмом, чем «Рапсодию».

Сценическая судьба музыкальных комедий Гершвина, в большинстве своем на либретто брата Айры, складывалась так же удачно. Премьера спектакля «Первоцвет» в Лондоне прошла с большим успехом. Английское издательство тут же напечатало его партитуру, и композитор, вместе с признанием в Старом Свете, получил хороший гонорар. На Бродвее мюзиклы Гершвина шли на «ура»: «Будьте добры» выдержал 330, «Тип Тоуз» и «Песня пламени» – по 194, «О'кей!» – 256 представлений.

Вместе со славой к Джорджу, наконец-то, пришла материальная обеспеченность. В 1925 году Гершвины переехали в пятиэтажный особняк на 103-й улице. Впереди была триумфальная поездка по Европе по маршруту: Лондон – Париж – Вена. Домой композитор вернулся окрыленным, с наброском нового произведения, объединяющего в себе черты сюиты и симфонической поэмы. Премьера фантазии «Американец в Париже» состоялась 13 декабря 1928 года в Нью-Йоркском филармоническом обществе под управлением Уолтера Дамроша. Вскоре это произведение Гершвина прочно вошло в постоянный репертуар многих оркестров мира.

Каждая последующая работа композитора начала 30-х годов XX в. вносила что-то новое в музыкальную культуру США. Сатирический памфлет «Грянь, оркестр!», мюзикл «Безумная девушка», сатирический мюзикл «О тебе я пою» – стали исключительным явлением в театральном мире Америки тех лет. Со временем успех на Бродвее стал волновать Гершвина все меньше, в его голове зарождались новые грандиозные замыслы.

Как-то, в одну из бессонных ночей, Джорджу попала в руки пьеса Д. Хэйярда «Порги». С самых первых страниц она захватила его силой поэтических образов главных персонажей, помимо воли возникали отрывки мелодии, аккордовые созвучия. Гершвин решил написать оперу на сюжет пьесы, мысли об этом не оставляли его ни на минуту. Весной 1932 года Хэйярд получил от композитора письмо, где были такие слова: «В поисках сюжета для композиции я вновь вернулся к мысли положить “Порги” на музыку. Это самая выдающаяся пьеса о народе». В процессе работы Джордж дважды посетил Чарльстон, чтобы обсудить с автором детали будущей оперы и послушать народную музыку. Возвратившись в августе 1934 года в Нью-Йорк, Гершвин с головой окунулся в работу. Через двадцать месяцев на суд зрителей было предъявлено лучшее, среди созданных композитором, произведение – самая знаменитая американская опера «Порги и Бесс».

Премьера оперы состоялась 30 ноября 1935 года в «Колониэл-театре» Бостона. Публика приняла новую оперу восторженно, овации продолжались четверть часа. Критики в один голос восхищались драматическим и композиторским даром Гершвина. За полтора года опера выдержала 124 постановки в «Алвин-театре» Нью-Йорка. И опять композитор оказался первопроходцем. Впервые в истории музыкального театра США в «Порги и Бесс» сквозило глу-

бокое уважение и сочувствие к негритянскому народу. Музыка оперы объединяла в себе блюзы и спиричуэлс, духовные гимны и элементы джаза, трудовые негритянские песни и уличные напевы разносчиков, а также европейскую классику.

Несмотря на огромный успех оперы, вложенные в ее постановку деньги не окупились, и братья Гершвины потеряли на этом 10 тыс. долларов. Настоящее признание «Порги и Бесс» пришло уже после смерти композитора. Опера вышла за пределы американской музыкальной культуры и начала свое триумфальное шествие по театральным подмосткам мира.

От перенапряжения во время работы над «Порги и Бесс» здоровье композитора пошатнулось. Нарушился сон и аппетит, Гершвин стал раздражительным и часто выглядел очень усталым. Врачи порекомендовали ему поменять климат и на время оставить музыку. Джордж последовал их совету и переехал в Голливуд, но оставить музыку он, конечно же, не смог. Самочувствие композитора продолжало ухудшаться, и 9 июля 1937 года врачи поставили Гершвину страшный диагноз – опухоль головного мозга. Больного срочно поместили в Лебенен-клинику, но спасти его не удалось. Он умер 11 июля 1937 года, в расцвете творческих сил, не дожив два месяца до тридцати девяти лет.

Композитор, еще при жизни завоевавший мировую популярность, часто страдал от мысли, что у него недостаточное музыкальное образование. Однажды он решил поучиться композиции у Мориса Равеля. Тот был очень удивлен и сказал Гершвину: «Я мог бы вам дать несколько уроков, но скажите откровенно, зачем вам учиться?» Джордж продолжал настаивать на уроках, тогда Равель спросил, сколько тот зарабатывает в год, и, услышав сумму в сто тысяч, воскликнул: «Потрясающе! Тогда я хотел бы брать уроки у вас! Сколько вы по знакомству возьмете за один урок композиции?» А затем уже серьезно добавил: «Право, зачем вам становиться второстепенным Равелем, будучи уже и так первостепенным Гершвином?»

Очень точно выразил суть творчества Джорджа Гершвина Сергей Кусевицкий, русский дирижер и контрабасист, руководитель Бостонского Симфонического оркестра: «Говорить о природе его дара – значит понять, что Гершвин сочинял, как поет птица, потому что в нем это было прирожденное, естественное, часть его самого. Как ключ, бьющий сам собой из-под земли. Щедро одаренная, наделенная и душой, и слухом натура Гершвина словно впитывала саму Америку, и Америка изливается в его музыке мелодией и ритмом, изливается спонтанно, живо и с неповторимой силой, которую уже добавить мог только он сам. Не претендуя на величие, никогда даже не задумываясь о собственном “бессмертии”, Гершвин остался в музыке навсегда – как тот человек, которому суждено влиять на музыку не только современную ему, но и созданную после него, как тот, чей след непременно останется на Песке Времени».

ГОРОВИЦ ВЛАДИМИР САМУИЛОВИЧ

(род. в 1903 г. – ум. в 1989 г.)

Выдающийся пианист XX века, представитель романтической школы исполнителей, неповторимый интерпретатор Листа, Шумана и Рахманинова. Признан символом пианизма ушедшего века. 16 дисков музыканта удостоены премии «Грэмми».

«Вы знаете, что интересно. Я часто слушаю сохранившиеся аудио– и видеозаписи и сделал важное открытие – они не надоедают, – пишет в своей книге “Вечера с Горовицем” американский музыковед, пианист, педагог Джульярдекой музыкальной школы Дэвид Дюбаль. – Ведь когда умирает большинство музыкантов, то разрушается их мир. Люди перестают покупать их записи. А тиражи произведений, записанные Владимиром Горовицем, неуклонно растут. По себе скажу – кажется, все знаешь наперед, но все равно находишь что-нибудь новое. В Америке слава Горовица не уменьшается. Недавно фирма Steinway праздновала создание полумиллионного рояля, демонстрируя знаменитый инструмент, на котором играл великий маэстро, организовав тур по крупнейшим городам страны. В шоу принимали участие лучшие американские пианисты. Зрители приходили послушать не только лекцию о музыканте, но и просто дотронуться до рояля самого Горовица». Для большинства это означало прикоснуться к легенде, ведь в прессе музыканта еще при жизни называли легендой пианино, императором музыки, последним великим романтиком XX столетия. А еще – самым непредсказуемым музыкантом современности, гением коммуникации, электрическим зарядом в 6000 вольт. Обидно только, что во всех энциклопедиях Владимир Самуилович почему-то считается американским

пианистом, хотя как исполнитель он состоялся в Украине. Но в его биографии, как и у каждого гения, достаточно белых пятен, начиная с даты рождения.

До последнего времени считалось, что Горовиц родился в 1904 году в Бердичеве. Но вот текст подлинного документа из метрической книги еврейского населения г. Киева за 1903 год: «Сентября восемнадцатого дня от отца, закончившего физико-математический факультет университета Св. Владимира с дипломом первой степени Самуила Иоахимовича Горовица и матери Софии (Сони) родился сын и наречен именем Владимир». Печать и подпись раввина С. Лурье. Теперь уже не узнать, когда и что побудило родителей подправить дату рождения сына, но большинство биографов пианиста склоняются к общей версии: они уменьшили возраст, чтобы избежать призыва в армию.

Отец музыканта (по специальности инженер-электрик) был выходцем из богатой еврейской семьи, он основал фирму в партнерстве с немецкими бизнесменами. В газетах тех лет можно было часто встретить рекламные объявления: «Самуил Горовиц: электрические моторы, насосы, лампочки». Семья матери Софьи Бодик была очень музыкальной: хотя ее отец и дед были купцами первой гильдии, но всем 12 детям дали профессиональное музыкальное образование. Впрочем, в этом нет ничего удивительного, ведь дед Владимира, Иоахим Горовиц, с 1874 года был одним из директоров киевского отделения Русского музыкального общества. Сам Самуил Горовиц играл на виолончели, но именно мать привила любовь к музыке и младшему сыну Володе, и его братьям, Якову и Григорию, и сестре Регине. Владимир начал играть на фортепиано с пяти лет, а к десяти годам знал наизусть все оперы Вагнера. Он был хорошо воспитан, элегантен и безумно любил музыку. Можно считать, что Владимиру очень повезло в жизни: его необыкновенный талант лелеяли, оберегали и развивали могучие силы – музыкальная семья, высокопрофессиональные педагоги Киевского училища, а затем консерватории.

В 1912 году Самуил Горовиц написал прошение о зачислении сына в Киевское музыкальное училище, которое на протяжении многих десятилетий было едва ли не единственным профессиональным культурным центром города. Владимир проучился там лишь один год и был зачислен в так называемые «младшие классы» в консерватории. Первые пять лет Горовица обучал В. Пухальский, который был не только великолепным педагогом, но и известным музыкантом-исполнителем, дирижером и композитором. Затем мальчик продолжил учебу в классе С. Тарновского, а последние полтора года учился в классе Ф. Блуменфельда – блистательного пианиста, дирижера, композитора. За мальчиком признавали огромный талант, но все, в том числе и сам Владимир, считали, что он станет композитором, но никак не пианистом (который, к слову сказать, продержится на вершине славы почти 70 лет).

В 1914 году произошло событие, которое определило всю дальнейшую жизнь Горовица. Володя гостил у своего дяди Александра Горовица – известного преуспевающего педагога по классу фортепиано в Харькове, игравшего с племянником на публичных концертах. Именно тогда состоялась незабываемая встреча Владимира со Скрябиным. Впоследствии Владимир Самуилович рассказывал об этом событии так: «Я пришел на встречу с мамой. Я играл минут десять: “Мелодию” Падеревского, немного Шопена и, кажется, что-то из Бородина и Донани. Он слушал взволнованно, потом вывел мою мать и сказал ей: “Ваш сын будет пианистом. У него настоящий талант... пианистом он будет безусловно»». Великий музыкант сразу же увидел и оценил в 11-летней мальчишке ту неотразимую и неповторимую горовицевскую исполнительскую интонацию, которая принесла ему впоследствии мировую славу.

Октябрьская революция 1917 года перевернула вверх дном жизнь всей страны и каждого человека. Чтобы прокормить родных, Владимир вынужден был меньше внимания уделять учебе, оставляя время на вынужденные концерты: он старался заработать хоть немного денег для семьи, которая оказалась выброшенной из жизни. В 1986 году он так вспоминал о том времени: «За 24 часа мы потеряли все. Все! Мы все еще не понимали, как всеобъемлюща

была революция. Она потрясла весь мир. После революции все стало совершенно иным. После революции мы потеряли наш дом и все имущество. Мы переехали в плохую часть города. Мы больше не жили в достатке. Мой рояль украли коммунисты, они забрали даже нашу одежду. Ввели комендантский час. Это было ужасно. Мой отец был сломлен. Он, как белка, собирал еду на улицах. Это было намного ужаснее, чем я сейчас могу рассказать... Мы почти голодали, и теперь все наши родственники жили в нашем доме, включая и дядю Александра».

Но все же, несмотря на смутное время, в 1920 году Горовиц закончил консерваторию. На выпускном концерте слушатели устроили ему овацию. Он исполнял 3-й фортепьянный концерт Рахманинова – композитора, который с семи лет стал его кумиром. Уже с самого начала творческого пути пианист не придерживался правил и канонов во всем: технике, манере игры – он шел своим путем, да и в жизни был непростым человеком. Порой своими озорными выходками Владимир шокировал окружающих. Спустя годы Горовиц и Рахманинов встретились в США. Владимир играл концерт, который, оказывается, композитор создал для себя. Услышав его игру, Сергей Васильевич убрал это произведение из своего репертуара. Горовиц стал первым человеком, который исполнял Рахманинова лучше него самого, который не только принял и разделил его манеру игры, но и сделал большой шаг вперед. «Именно так я всегда представлял себе свой концерт... – сказал Сергей Васильевич, пожимая руку Горовицу, – но никогда не осмеливался думать, что услышу такое исполнение еще на земле».

В 1920 году советская власть не нашла ничего лучшего, чем отправить начинающего виртуоза вместе с Натаном Мильштейном (впоследствии одним из лучших скрипачей XX века) играть перед рабочими провинциальных заводов в обеденных перерывах. Концерты проходили в обугленных Гражданской войной городах юга России, а гонорары музыкантам зачастую выплачивались мукой или маслом. Гастрольные поездки по городам России, Украины, Белоруссии длились несколько лет. Успех был невиданный, и о Горовице вскоре заговорили все-речь. Через два года пианист дал серию из двадцати трех концертов в Петрограде, ни разу не повторив программы и исполнив около двухсот произведений. А в течение трех месяцев, с октября 1924 по январь 1925 года, Владимир Горовиц сыграл там же 150 произведений в 11 концертах. Ни один пианист мира такого никогда не повторил. Он собирал полные залы в Москве и Ленинграде, в его репертуаре было 10 сольных программ, перед ним открывались перспективы, но... В свободной Стране Советов музыкант задыхался: он не принял ее идеологии и решил уехать за границу. В тот период такую возможность большевики предоставили многим знаменитым людям – Горькому, Есенину, Маяковскому, Глазунову, Шаляпину. Устроить зарубежные гастроли Владимиру помог Артур Шнабель, покоренный его абсолютной виртуозностью. Кстати, Шнабелю принадлежит высказывание о Горовице: «Он получеловек-полу-пианино».

Последнее выступление Горовица на родине состоялось в 1925 году в зале Киевской филармонии. Решение эмигрировать далось Владимиру нелегко, ведь здесь оставались родители, друзья. Он уехал на гастроли, чтобы остаться за границей навсегда. Горовиц надеялся, что как только нормально устроится, заберет к себе своих близких. Неизвестно, на что он рассчитывал, ведь в открытую называл Союз тюрьмой. У него были основания так считать: Яков погиб в Гражданскую войну, Григорий повесился в середине 1920-х годов, не выдержав нервной нагрузки, отец и сестра стали невыездными. Долгие годы им не разрешали даже переписываться с перебежчиком. Вскоре после эмиграции сына Самуил Горовиц был объявлен контрреволюционером и арестован на четыре месяца. В 1929 году от неудачной операции аппендицита умерла мать Владимира. Позже отец женился вторично и переехал в Москву, поближе к дочери Регине, которая тогда работала в Госконцерте, аккомпанировала Ойстраху и Берштейну. С отцом Владимиру удалось повидаться на нейтральной территории в Швейцарии лишь в 1934 году. После возвращения оттуда Горовица-старшего арестовали как «врага народа», и он погиб в сталинских застенках. Все эти трагические события до конца жизни довлели над Горовицем.

Но тогда, в 1925-м, Владимир все же остался в Берлине, несмотря на красноречивые уговоры советского консула. Успех в Германии и потом в Париже поначалу не дал ему ни имени, ни ангажементов. Первые два концерта в Берлине провалились. Владимир любил раскованную игру, но немецкая публика его пассажи не оценила. Да и время было тяжелое: Германию наводнили толпы эмигрантов из России, готовых на любой труд, лишь бы заработать на пропитание. Горовицу на первом этапе эмиграции помогли выжить скудные денежные сбережения (их он сумел провезти через границу в носке), но они катастрофически таяли. Подарком судьбы стало приглашение выступать с симфоническим оркестром. Осенью того же года Горовиц собрал все имеющиеся деньги, вложил их в рискованные гастроли – Берлин, Гамбург, Париж – и стал самой головокружительной новостью десятилетия на фортепианном фронте. Вскоре публика уже сходила по нему с ума: молодой, красивый (в молодости он очень походил на Шопена), феерический виртуоз – Горовиц был обречен на успех. Дальше были поездки по Европе (в Париже даже появился термин «горовицемания»).

Американский дебют Горовица был ошеломляющим (1928 г.). Уверенный в себе, умеющий подчинить звуку рояля любой зал и любой оркестр, он был признан всеми, кто в это время стоял на вершине музыкального Олимпа. Америка стала не просто новым местом жительства, а второй родиной пианиста. Он играл по три концерта в неделю, совершенно не чувствуя усталости. В 1933 году музыкант познакомился со знаменитым дирижером Артуро Тосканини. Их совместные выступления стали большим успехом. Маэстро ввел Владимира в свой дом и познакомил с дочерью Вандой. Вскоре молодые люди поженились, а через год у них родилась дочь, названная в честь матери Горовица Соней. Период безденежья закончился, появился достаток. Молодая семья поселилась в Нью-Йорке.

Но сказать, что Горовиц был счастлив в семейной жизни, нельзя. Ванда была аристократкой до мозга костей, а Владимир – увлекающимся человеком. Его называли диким котом, даже пантерой. Знавшие его люди считали, что приручить маэстро нельзя, а можно только воспринимать таким, каким он хотел быть. И хотя Ванда – женщина со сложным и твердым характером – властвовала в доме и старалась, как могла, быть полезной, но в свою творческую жизнь композитор ее так и не впустил. Никакие ее доводы – что исполнять, где выступать, – на маэстро не действовали. Тут он проявлял характер, хотя в быту часто становился беспомощным. Порой Ванда с печалью говорила: «Он меня не любит, но я ему нужна, иначе пропадет».

В США Владимир Самуилович прожил всю жизнь, время от времени выезжая с гастролями в города Южной Америки и Европы. Его ждали огромные залы, бурные овации. Он был неповторим, он был Горовицем, и больше не требовалось никаких слов. Музыкант имел огромный репертуар, но многие его коллеги-пианисты переиграли за свою карьеру во много раз больше. У Горовица, как считают специалисты, была не самая лучшая техника в истории пианизма: ранний Гилельс, Чиффра, Хамелин, Гофман в чем-то превосходили его. Он не был самым изощренным и креативным мастером транскрипций и к тому же довольно часто ошибался во время исполнения. Но... Когда он играл неверную ноту, то заставлял ее звучать так, чтобы можно было клясться всеми святыми, что сыграно это лучше, чем в оригинальном тексте. Никто и, наверное, никогда не сможет сравниться с Горовицем по силе и степени воздействия его игры на эмоции человека. Его игра перехватывала дыхание, заставляла смеяться, плакать, бояться, трястись, хвататься за голову. У многих пианистов после прослушивания исполнения Горовица появляется желание закрыть крышку своего инструмента навсегда. Те, кому посчастливилось побывать на его концертах, вспоминают, что при первых аккордах слушатели поначалу переглядывались – ведь пианист ломал каноны, – но к финалу с восторгом аплодировали. После выступлений начинались жаркие обсуждения, а рецензенты писали: «Так играть Моцарта, Листа, Скарлатти, Шумана, Чайковского, Шуберта и т. д. – нельзя, а Горовицу – можно».

Да, маэстро вобрал в себя все лучшие черты пианизма XX столетия, которым не владел ни один музыкант того времени. Он был первооткрывателем даже в классике, находя собственные штрихи и оттенки, делая такие интерпретации уже известных произведений, что они приобретали новое звучание. Горовиц настолько глубоко проникал в сочинение композитора, что его трактовки зачастую были достаточно неожиданными. Музыка для него была процессом, постоянной импровизацией. Однако Горовиц никогда не ставил себя выше других исполнителей: «Знаете, я категорически против сравнений как в искусстве в целом, так и в музыке в частности... – говорил он. – Что лучше – Третья или Девятая симфония Бетховена? Они как будто написаны разными композиторами. И обе – великие! Нечего тут сравнивать. Победителей нет. Мне никогда не нравились музыкальные конкурсы... У каждого отрывка может быть много совершенно равнозначных интерпретаций. Беда сегодняшнего дня – похожесть всех исполнителей, даже одинаковость. Когда я первый раз приехал в США, множество совершенно разных людей собирали тут полные залы – Падеревский, Гофман, Шнабель, Рахманинов, Розенталь... Все они могли сказать что-то свое, и люди хотели слушать всех... – И добавлял: – Я дерево, но не знаю какой высоты, а Рахманинов – самое большое дерево на свете». Зато маэстро был всегда самым строгим судьей себе, и если по какой-то причине ему не нравилось собственное выступление, то никакие восторженные отклики не могли переубедить его в обратном.

Но не все было так гладко в творческой жизни великого музыканта. Он работал много, работал на износ, и надо сказать, не ради денег. Скажем только, что во время Второй мировой войны Горовиц дал рекордное число концертов в фонд помощи России, только один из которых сразу собрал 11 млн долларов! Музыка, открытие новых для себя произведений, концертная деятельность были смыслом его существования. Такие темпы могли загнать любого человека. Еще до войны, в 1936 году, Горовиц пережил тяжелый физический и духовный кризис. Возможно, только вмешательство властного и жесткого тестя Тосканини сохранило ему жизнь. До 1938 года он прекратил давать концерты и жил в Швейцарии. (Именно там, как уже упоминалось выше, Владимир последний раз видел отца, которого отпустили на две недели для свидания с сыном.)

В 1953 году Горовиц покинул сцену. Он устал от всех прибыльных гастролей, к тому же очень подкосило маэстро самоубийство его дочери Софьи. Ей он посвятил большую концертную фантазию, которую написал на темы оперы «Кармен» Бизе в 1957 году. Горовицу было трудно в новом мире, который его так восторженно принял. Он редко мог найти общий язык с людьми из-за языковых проблем. Как-то шутя он сказал: «Я одинаково плохо говорю на пяти языках». Дома с женой Владимир разговаривал по-французски, с трудом справлялся с английским, но выразить свои мысли хорошо мог только по-русски.

Двенадцать лет молчания и триумфальное возвращение с программой... из легких сонаток Муцио Клементи, которые дают играть детям для школьной беглости. Смешно? Ничуть! Известие о возвращении Горовица всколыхнуло весь музыкальный мир, в Нью-Йорке за билетами с ночи выстроилась такая очередь, что ее показывали в выпусках новостей. И супруга пианиста, ужаснувшись лишениям, которым люди подвергли себя ради счастья послушать ее мужа, всю ночь раздавала в этой очереди кофе и пирожки. Следует сказать, что все эти годы музыкант хоть и выступал перед публикой, активно записывался на студии, оборудованной у него дома. (16 дисков Владимира Горовица были удостоены премии «Грэмми».) И продолжал свой вечный поиск иного звука, иных интерпретаций... Он не был похож на усталого отшельника! Слушатели были в восторге: «Тот же блеск техники – но гораздо более узкий репертуар, та же сверхъестественная свобода музицирования – но другой, более осторожный подход к материалу, тот же “сверкающий” звук – но теперь при большей экономии выразительных средств. Кажется, что пианист говорит: “Слушайте музыку, а не меня!”»

Это был период накопления материала. В это время Горовиц изучил произведения А. Скрябина, которых раньше никогда не исполнял, считая музыку композитора космической.

Пианист любил исполнять сонаты Скарлатти и прелюдии Скрябина и всегда подчеркивал: «Я никогда не играю одинаково». Он очень ответственно относился к подбору репертуара. Например, прежде чем записать один из концертов Моцарта, он переиграл их все.

Третий перерыв последовал в 1975 году, когда Горовицу исполнилось 72 года, и всем показалось, что он действительно ушел со сцены навсегда. Однако музыкант вернулся. Многие музыкальные критики прочили ему провал, а Горовиц вновь оказался победителем. Его первый европейский концерт – в Лондоне, в 1981 году, записанный на пленку, неоднократно демонстрировался по телевидению. С годами исполнение Горовицем различных вещей становится все более непохожим не только на интерпретации других пианистов, но и друг на друга – во время студийных записей Горовиц играл одно и то же произведение совершенно по-разному. Его игра отличалась исключительной виртуозностью, бурным темпераментом, динамическим напором, блестящая техника сочеталась с романтической приподнятостью и поэтическим изяществом. Особенно он прославился исполнением концертов П. Чайковского, С. Рахманинова, С. Прокофьева, произведений Ф. Листа и его виртуозных транскрипций, некоторые из них (в том числе «Пляски смерти» К. Сен-Санса) Горовиц играл в собственных, еще более виртуозных переработках. По свидетельству немногочисленных друзей пианиста, он помнил наизусть чуть ли не всю существующую музыку – не только все сонаты Бетховена, но и оперы Вагнера и квартеты Брамса.

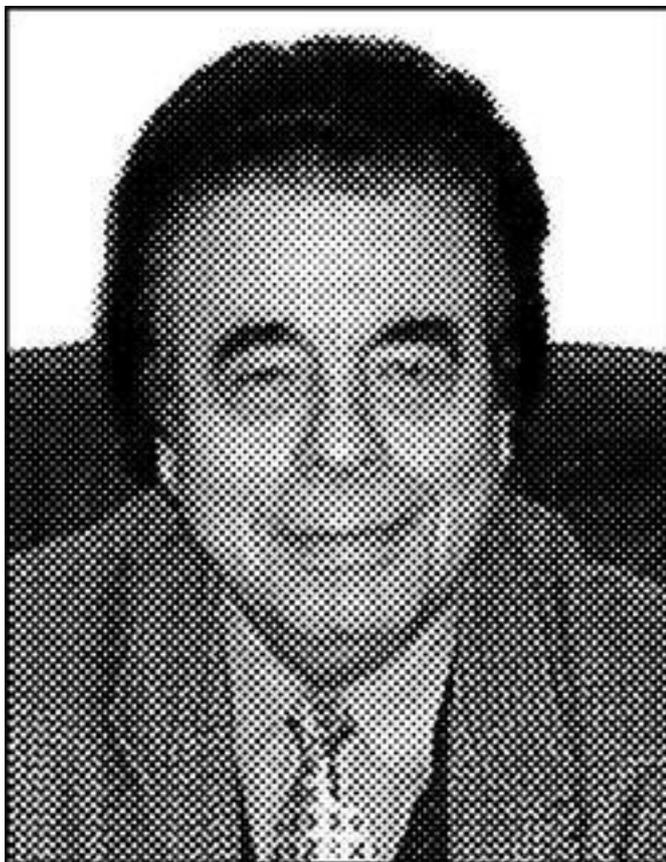
До конца своих дней Горовиц играл на рояле фирмы Steinway, который неизменно возил с собой на гастроли. Не изменил он себе и во время выступления в Москве и Ленинграде (1986 г.). Очевидцы рассказывают об ажиотаже, вызванном его концертами. Те, кому посчастливилось слушать 83-летнего маэстро, до сих пор не могут без волнения вспоминать это событие, называя его эпохальным, запомнившимся на всю жизнь. В прессе были только восторженные эпитеты. Владимир Самуилович не скрывал, что он счастлив, хотя глаза его оставались печальными. Ведь триумфа не видела сестра – Регина Горовиц, легенда харьковского пианизма советской фортепианной педагогики, – умершая за месяц до гастролей. Но в Киев маэстро приехать не смог – была чернобыльская весна.

С годами пианист не утратил ничего в игре. Еще за пять дней до смерти он записывал для фирмы Sony этюды Шопена и Листа, ноктюрн Вагнера, демонстрируя фантастическую технику. Он отсылал слушателей к эпохе романтической виртуозности – небрежной и дерзкой, слепяще-светлой и подернутой дымкой утонченного эротизма. Малочисленные противники упрекали Горовица в салонности – но это была салонность Шопена и Скрябина, исполненная живости духа, принципиальности фантазмов и пронзительности открытий.

Его не стало 6 ноября 1989 года. Великого музыканта похоронили в семейном склепе Тосканини в Венеции. В некрологе о нем написали: «Умер последний великий романтик XX столетия». Но все же он вернулся в родной Киев – в 1995 году там начал свое существование Международный конкурс молодых пианистов памяти Владимира Горовица.

ГРОДБЕРГ ГАРРИ ЯКОВЛЕВИЧ

(род. в 1929 г.)

Солист-органист Московской государственной филармонии, единственный среди органистов страны народный артист России (1992 г.) и лауреат Государственной премии России, а также единственный из России почетный член Баховского общества в Лейпциге.

26 апреля 1986 года, когда произошла Чернобыльская катастрофа, в столице Украины висело множество афиш, извещавших о выступлениях известных советских артистов и музыкантов. Состоялись же концерты только одного из них – Гарри Гродберга. Он был единственным, кто не отменил свои гастроли в Киеве.

Европейские музыкальные критики нарекли Гродберга «выдающимся просветителем» и самым тонким знатоком творчества Баха. Он первый в СССР исполнил циклы из произведений этого композитора – сейчас в его репертуаре они составляют 16 сольных программ. Благодаря этому гениальному органисту количество органов в стране увеличилось в десять раз.

Гарри Гродберг родился в немецкой семье 3 января 1929 года в Ниде, на Куршской косе, на территории Восточной Пруссии, а его детство прошло в литовской Клайпеде. Отец, Яков Гродберг, был модельером (в 1937 году на Всемирной выставке в Париже он стал обладателем золотой медали за коллекцию женской одежды). «В Клайпеде преобладало немецкое население, – вспоминал Гарри Яковлевич. – Я учился в немецкой гимназии, моим родным языком был немецкий, и моей гувернанткой была немка. Но я успел почувствовать, что такое фашизм и расизм. Для меня стало потрясением узнать, что к немецкому народу и его культуре я не

имею никакого отношения. Мне говорили: ты еврей. В 1939 году мы были вынуждены бежать от нацистов в Каунас».

На новом месте Гарри вновь оказался чужаком – немцем, не знающим литовского языка. В десятилетнем возрасте он почувствовал, что значит быть не таким, как другие. В 1940 году Литву оккупировала Красная Армия, и вновь мальчишка страдал – уже из-за того, что не знал русского языка.

В 1941 году, в первые дни войны, Каунас захватили немцы, и еврейской семье Гродберг снова пришлось скрываться от нацистов. Затем они переехали в Среднюю Азию, в узбекский город Наманган. Там Гарри продолжил занятия музыкой у профессоров эвакуированной Минской консерватории.

В 14 лет он решил, что станет профессиональным музыкантом. Вернувшись из эвакуации в Литву, окончивший школу с золотой медалью Гродберг поступил в Вильнюсское музыкальное училище. Так как класса органа не существовало, одаренный юноша осваивал технику игры на фортепиано. Затем он приехал в столицу СССР, где поступил в музыкальное училище при Московской государственной консерватории и, наконец, в консерваторию. Там Гарри учился сразу на двух отделениях – фортепиано и органа. Его педагогами были выдающиеся музыканты – пианист А. Б. Гольденвейзер и органист А. Ф. Гедике. Профессор Александр Федорович Гедике, основатель московской органной школы, говорил о своем любимом ученике: «У Гарри редкая, врожденная виртуозность в ногах». (Для непосвященных: органист играет на нескольких клавиатурах для рук и отдельно для ног.) По выражению Гарри Яковлевича, к органу его вела сама любовь.

В 1955 году талантливый музыкант окончил консерваторию с золотой медалью. Знаменитый пианист Святослав Рихтер, уловив нечто фанатичное в облике игравшего на консерваторских панихидах Гарри Гродберга, дал молодому органисту рекомендацию на работу солистом Московской государственной филармонии. Иначе кто бы его, иногородца, без московской прописки, взял на работу в столице? Директор филармонии принял Гарри на договор без гарантии оплаты (должности органиста здесь тогда еще не существовало) и заметил ему сочувственно: «Вы, молодой человек, умрете с голоду. Ваш Бах в концертных залах народа не соберет».

Когда молодой Гродберг начинал свою карьеру, залы на органных концертах пустовали, а органистов называли неудачниками «из несостоявшихся пианистов». Органы в основном использовались только для исполнения траурной музыки или в качестве аккомпанирующего вокалистам инструмента. В ту пору в СССР было всего семь органов, из них три – в Москве. Для советской музыкальной культуры этот инструмент являлся экзотическим. Да что говорить об органах, если тогда даже хороших роялей не хватало! Например, в Большом зале Московской консерватории стояли еще «Бехштейны», подаренные когда-то Советскому Союзу министром иностранных дел Германии Риббентропом.

Однако с первых же выступлений нового солиста Московской филармонии, посвященных Баху, публика буквально повалила в Большой зал филармонии. Именно тогда слушатели впервые познакомились с баховскими прелюдиями, фантазиями и знаменитой Токкатой и фугой ре минор – сочинением, ставшим визитной карточкой органиста Гродберга. Консерваторские острословы не преминули сочинить насмешливую рифму «Гродберг – Бах – аншлаг», не подозревая, что сей незатейливый афоризм на 50 лет вперед предскажет судьбу знаменитого музыканта.

Гарри Яковлевич был первым органистом, который в СССР начал давать сольные концерты, привив, по его словам, «бациллу Баха» тысячам отечественных меломанов. Кроме этого композитора, за время своих выступлений Гродберг открыл публике целый пласт немецкой органной музыки (Иоганн Пахельбель, Иозеф Райнбергер), французскую романтическую музыку (Альфред Лефеври-Вели, Гильман). Он также первым в Советском Союзе исполнил органные произведения Феликса Мендельсона и Клары Шуман. Помимо блестящей виртуоз-

ности и полной самоотдачи, отличительной чертой знаменитого музыканта всегда были убедительность и свежесть трактовки, будь то произведение столь любимого им Баха или какой-нибудь малоизвестный опус.

Через некоторое время Гродберга стали считать не только лучшим органистом страны, но и большим специалистом по этим уникальным инструментам. Его назначили на должность заместителя председателя Совета по органостроению при Министерстве культуры СССР.

Новый заместитель, для которого музыка была единственной религией, а орган – великим призванием, с энтузиазмом взялся за дело. Он организовывал заказы в Германии и Чехословакии, приглашал лучших мастеров органного дела из этих и других стран, занимался выбором помещения, доставкой и установкой органов, а также контролировал качество инструментов.

«Качество звучания органа – это довольно тонкое дело, хотя бы потому, что уши у всех разные, – говорил знаменитый маэстро. – И надо обладать оптимальным слухом, чтобы точно определить качество и, что немаловажно, количество звука. Орган может быть слишком резким, слишком громким. Или наоборот, маломощным, не заполняющим звуком большое пространство. И этот момент имеет колоссальное значение. Кроме того, звук должен быть не только правильным, но и красивым».

Нередко обнаруженные им дефекты оказывались умышленными (доработка инструмента – это дополнительный заработок для изготовителя). Выводя на чистую воду бракоделов, Гарри Яковлевич за несколько десятилетий работы на этой должности сэкономил Советскому Союзу сотни миллионов рублей. И все «на общественных началах». Единственная оплата его многочисленных командировок от Прибалтики до Восточной Сибири – суточные в размере 2 рубля 60 коп.

Первой ласточкой российской органной весны стал гигантский орган чешской фирмы «Ригер-Клосс», установленный в Концертном зале им. Чайковского в 1959 году. Затем при содействии гениального органиста были установлены органы в 70 филармониях и органных залах бывшего СССР. Большинство из них «открывал», то есть играл первые концерты, сам маэстро Гродберг. Существовала даже такая примета: если первым за созданный и установленный в органном зале инструмент сядет Гарри Яковлевич, то орган ожидает удачное будущее.

Великий музыкант припоминал такой случай из коммунистических времен: «Некоторые партийные начальники, насмотревшись на соседей, хотели себе такую же диковинку. Вызывает как-то меня начальник и приказывает ехать в казахстанский Петропавловск, потому что там орган хочет иметь первый секретарь обкома партии. “Ты, Гарри, беспартийный, ты ничем не рискуешь”. Приезжаем в гостиницу обкома. И я несколько дней не мог добиться, чтобы мне показали “объект”. В конце концов, когда весь джентльменский набор был выполнен – посещение ликеро-водочного завода, бани, чего-то еще, – меня отвезли к какой-то руине без крыши. “Это что у вас – свой Дом Павлова, как в Сталинграде?” – спрашиваю. “Нет, это наш памятник архитектуры, мельница”. – “А что же я должен сделать?” – “Вы должны определить акустику и утвердить проект”. Вы видели когда-нибудь орган на мельнице? Просто люди захотели под “органным соусом”, под мое имя протащить реставрацию здания для своих нужд. Конечно, я “объект” не утвердил.

У меня никакого пиетета к властям не было. Будучи беспартийным, я никогда не боялся говорить правду и всегда защищал интересы музыки. В каком состоянии в вашем городе рояли? Есть ли инструменты у народного оркестра? Почему не делаете ремонт в музыкальном училище? Многих это раздражало. Моя принципиальность плюс «плохая» анкета – родственники за границей, еврей, да еще немецкий, – Наверное, продлевали мою невыездность за границу. Я многие годы был прочно “невыездным”».

Не баловала его советская власть ни орденами, ни премиями. И свое первое звание – заслуженный артист России – Гродберг получил только в 1982 году. «Народного» дали еще через десять лет. А использовали знаменитого артиста охотно и практически даром.

«Мне часто приходилось играть для партийных шишек из Политбюро, – вспоминал именитый маэстро. – Естественно, не потому, что его члены были меломанами. Суслов, Косыгин, Капитонов и компания любили послушать орган на отдыхе в Пицунде, что называется, для экзотики. Тогда меня вызывали из любого города, где я находился на гастролях, и надо было срочно лететь в Сухуми. Играл для них в пицундском храме, совершенно пустом, поскольку, кроме охраны, там не могло никого быть. Денег за такие концерты не платили, подразумевалось, что мне оказана очень большая честь».

Известный музыкант много гастролировал по стране, вел активнейшую концертную и просветительскую деятельность, записывал диски. Когда с развалом СССР открылся «железный занавес», Г. Я. Гродберг наконец-то смог показать свое непревзойденное мастерство во многих странах Европы и Америки. Его самобытный талант и удивительно чуткое понимание органа не могли оставить равнодушным ни одного зрителя. Случалось, что он играл несколько сольных программ в неделю, что совершенно непостижимо, поскольку игра на органе, помимо напряжения интеллектуального, еще и тяжелая физическая работа, где задействованы руки, ноги и спина органиста. Нагрузка такая, что его жене, Наталье Владимировне, приходилось в антракте менять мужу мокрую рубашку. «Первая и последняя ученица – Наталья Гродберг, моя любимая супруга и бессменный ассистент, – говорил о ней маэстро. – Мы с нею – сиамские близнецы».

Супружескому и творческому союзу Гарри Яковлевича и Натальи Владимировны, окончившей музыкальное училище им. М. Ипполитова-Иванова, уже 44 года. И везде они вместе – в турне по странам и континентам, на отдыхе в Клайпеде или в Испании. Лишь однажды он вынужден был один поехать на гастроли в Италию, и там впервые за многие годы заболел. Гарри Яковлевич до сих пор уверен, что произошло это лишь потому, что рядом с ним не было его любимой второй половины.

В совершенстве владеющий немецким языком и не раз получавший очень заманчивые приглашения из той же Германии, маэстро мог покинуть страну. Почему не сделал этого? «Германия дала мне гены, а Россия – всю себя. Физически Россию покинуть можно, но душой и сердцем – никогда. Здесь моя жизнь, мой Бах», – отвечал знаменитый музыкант.

В его обширнейшем репертуаре также Моцарт, Шуберт, Гендель, Мендельсон, Шуман, Лист, Сен-Санс, Франк. И множество сочинений для органа композиторов XX столетия – Шостаковича, Хачатуряна, Слонимского, Таривердиева. Тираж грамзаписей и компакт-дисков именитого маэстро достигает цифры, рекордной для органиста, – полутора миллионов экземпляров.

Концерты гениального музыканта звучат особенно часто в немецких городах. Там органисты концертируют в действующих соборах, публика музыканта не видит, аплодисменты не допускаются. Но как-то в Винтерберге, где Гродбергу доверили открыть новый орган, после концерта русского артиста все собравшиеся в соборе встали и устроили ему бурную овацию.

Еще Гарри Яковлевич вспоминал: «Я помню, как однажды в немецком городе Альтенбурге играл на органе, к которому прикасались руки Баха. Меня охватила дрожь, мне казалось, что я ощущаю его присутствие в зале. Я понимаю логику его музыкального мышления, сопереживаю его эмоциям, даже вижу его облик – и все благодаря его музыке. Все девять томов органных сочинений Баха входят в мой концертный репертуар. Я горжусь тем, что мне удалось открыть многим людям красоту и величие этой музыки».

Я служу господину Баху свыше 50 лет и не перестаю преклоняться перед его гением. Это буйство фантазии и одновременно строгий расчет, потрясающее знание полифонических канонов и импровизационная свобода. Музыка Баха, даже самая драматическая, устремлена к свету, добру, она созвучна стремлению человека к идеалу».

Благодаря энтузиазму великого органиста в нескольких городах России проходили Баховские фестивали. Так, в Твери ежегодно, в марте, ко дню рождения этого немецкого компози-

тора проводятся такие праздники, всего их было уже одиннадцать. Маэстро мечтает где-нибудь в живописном месте обрести собственный орган, а еще лучше зал, чтобы «творить» в нем новые фестивали, открывать новые имена.

К 75-летию со дня рождения и 50-летию творческой деятельности Гарри Яковлевича Московская филармония открыла в 2004 году юбилейный абонемент из десяти концертов. Первые же осенние и зимние концерты цикла прошли в переполненных залах.

О себе «властелин органной державы», как его называют, рассказал следующее: «Конечно, у каждого человека есть свои слабости, я, например, люблю фарфор. Стараюсь из каждой поездки привезти какую-нибудь чашечку. У меня очень большая коллекция посуды – я очень люблю пить кофе каждый день из другой чашки. Драгоценная жемчужина моей коллекции – старинный саксонский фарфор, это маленький чайный сервиз, который мне подарили очень давно. Кроме того, я очень люблю живопись, театр, природу».

Гродберг продолжает собирать полные залы. Люди идут на его концерты, чтобы хоть немного очиститься от будничной суеты, ощутить дыхание Вечности. «Орган – гениальное изобретение человека, инструмент, доведенный до совершенства, – говорил маэстро. – Он действительно способен быть властелином душ. Сегодня, в наше напряженное, полное трагических катаклизмов время, минуты самоуглубленного размышления, которые дарит нам орган, особенно ценны и благотворны».

ГУДИНИ ГАРРИ

Настоящее имя – Эрик Вайс

(род. в 1874 г. – ум. в 1926 г.)

Великий маг-иллюзионист.

Гарри Гудини еще при жизни стал легендой. Его способности, казалось, не знали границ. Эрудит, атлет, изобретатель, авиатор, библиофил, суперпрофессиональный пиарщик, кино-продюсер, исследователь паранормальных явлений и «Король наручников», Гарри с легкостью мог проникнуть в любое помещение, не оставляя следов взлома. Закованный в наручники, он без страха нырял в ледяную воду, освобождался из самых надежных тюремных камер, часами находился в гробу под землей. Совершая очередное чудо, великий маг вновь и вновь был готов покорить публику.

Эрик Вайс родился 6 апреля 1874 года в городке Пешта под Будапештом в ортодоксальной еврейской семье. Его отец Рэбби Майер Мамуэль Вайс был раввином и прекрасно владел несколькими языками: идишем, венгерским, немецким. Мать мальчика, Сесилия Штайнер Вайс, была домохозяйкой. Когда Эрику исполнилось четыре года, семья переехала в местечко Эплтон, штата Висконсин в США. Позже знаменитый иллюзионист утверждал, что он родился именно в этом городе. Только в старости в одном из интервью он сказал: «Самый успешный

побег мне удалось совершить, когда я уехал из Эплтона, штат Висконсин». В 1876 году родился брат Эрика – Теодор (Тео) Вайс.

Эрик очень любил фокусы. Он увлекался ими с шести лет. О своих первых шагах на поприще мага иллюзионист вспоминал с улыбкой всю жизнь. Первый фокус, который научился делать мальчик, был трюк под названием «Игра с горошиной». Его суть заключалась в том, чтобы «заставить» высушенную горошину появиться под одной из трех чашек (причем не под той, на которую указал зритель). В наше время этот фокус применяют «наперсточники».

Семья Вайс жила бедно, поэтому детям рано пришлось начать работать. С восьми лет Эрик торговал газетами и чистил обувь. В 12 лет подросток сбежал из дома в поисках лучшей жизни. Однажды, в 1886 году, он увидел на ярмарке выступления испанского иллюзиониста Торреса и твердо решил стать магом. Через год, когда его отец переехал в Нью-Йорк, Эрик отправился путешествовать по стране. Подросток сменил множество занятий, но при первой же возможности отсылал часть заработка матери. Когда отец обосновался в Нью-Йорке и вызвал туда семью, Эрик тоже приехал и устроился на фабрику по пошиву галстуков «Рихтер & Санз». Он, чтобы помочь родителям, совмещал сразу две должности: посыльного и закройщика. В это же время Эрик увлекся спортом и завоевал несколько наград на соревнованиях по плаванию и легкой атлетике. Позднее эта серьезная спортивная подготовка поможет ему стать великим мастером освобождений.

Подросток мечтал стать фокусником и посвящал мечте все свободное время. Поначалу он называл себя Великим Эриком, а затем выбрал более звучный псевдоним. В то время начинающий маг прочитал две книги, полностью изменившие его жизнь: «Откровения спиритического медиума» А. Медиума и автобиографию одного из величайших иллюзионистов того времени «Мемуары Роберта Гудина». Желая во всем походить на своего кумира, подросток взял себе имя Гарри Гудина, изменив только последнюю букву на «и», что означало «подобный Гудина».

Во время своих первых представлений Гарри показывал простые фокусы с картами и несложные трюки, именуя себя «Королем карт». Но, решив создать свой, абсолютно новый фокус, начал экспериментировать с наручниками и использовать их во время представлений. Этот трюк вызывал особый интерес у публики. Зрителям казалось, что наручники ненастоящие и все, что происходит на сцене, тщательно спланировано и заранее подготовлено. Начинающий артист больше времени уделял шлифовке мастерства исполнения, не обращая должного внимания на постановку эффектного шоу. Его ранние выступления были обрывочными и бесцветными. Нужно ли говорить о том, что отец Эрика не одобрял увлечения сына. Он хотел, чтобы старший из детей тоже стал раввином. Постоянная тревога за судьбу сына постепенно подтачивала его здоровье.

Вскоре Гарри начал выступать с напарником – молодым человеком, работавшим с ним на фабрике. Их дуэт назывался «братья Гудина». Вскоре название стало ближе к реальности: Гарри уговорил выступать Тео. Весь 1890 год братья разрабатывали собственное шоу и уже были готовы отправиться на гастроли. Правда, шоу не хватало эффектных трюков. Главным элементом программы был фокус «Метаморфоза» (современному зрителю он известен как «Сундук перемещений»). В исполнении «братьев Гудина» этот номер выглядел так: Тео со связанными руками запирали в деревянный ящик, на который взбирался Гарри. Занавес открывался на счет «три» – и братья менялись местами.

Несмотря на множество приглашений, заработок дуэта совершенно не покрывал расходов: братья зарабатывали лишь десять долларов в неделю. Но они продолжали работать в надежде, что их дела вскоре пойдут лучше. Но жизнь внесла свои коррективы в их планы. В октябре 1892 года умер отец, оставив на попечении 18-летнего Эрика мать, брата и сестру. В последние минуты жизни он заставил старшего сына поклясться на Торе, что он позаботится о родных.

В надежде на приличный заработок Гарри отправился на гастроли в Чикаго и не ошибся. Дуэт вскоре приобрел широкую известность, но не настолько, чтобы жить безбедно. Постоянно подрабатывая в мелких и больших клубах, братья во время одного из представлений случайно познакомились с одним из чикагских гангстеров, научившего их взламывать замки. Позже он очень удивился, что, овладев искусством взлома, Гарри не стал медвежатником. Молодой иллюзионист сразу начал думать, как применить полученные знания в своих выступлениях. Он решил стать мастером освобождений и принялся разрабатывать новые трюки.

В 1894 году в Кони-Айленде Гарри познакомился с Вильгеминой Беатрис Ранер, которая пела и танцевала в группе «Флорал систерс». Девушка произвела на него такое сильное впечатление, что спустя две недели молодые люди поженились. Их брак с уверенностью можно назвать удачным. Еще в начале семейной жизни они договорились любыми путями избегать мелких размолвок и скандалов. Гарри был вспыльчив, и, зная это, молодожены условились, что как только он три раза поднимет правую бровь – жена обязана замолчать. Если сердилась Бесс, то муж должен был выйти из дома, обойти его и забросить шляпу в окно. Гарри мог вернуться, только когда шляпа больше не вылетала из квартиры на улицу.

Супруги стали выступать вместе, а Тео занялся самостоятельной карьерой. Гарри тщательно пересмотрел свою концертную программу: убрал большую часть фокусов и сосредоточился на трюках освобождения. Гудини стал не просто профессиональным иллюзионистом, теперь он выполнял номера, которые требовали не только физической силы, но и поразительной выносливости и ловкости. Во время выступлений он позволял связывать себя любыми путями, заковывать наручниками – и всегда освобождался. Тысячные аудитории неистовствовали, пока он, запертый в ящике, развязывал ремни и освобождался от оков. Если Гудини выполнял номер очень быстро, он, чтобы продлить зрительское напряжение, сидел за ширмой и читал журнал, а затем появлялся, отдуваясь и тяжело дыша, старательно изображая человека, приложившего немало сил для спасения.

В 1899 году одно из выступлений Гарри посетил весьма влиятельный агент Мартин Бек, владевший крупной сетью театров варьете «Орфеум». И вскоре Гудини уже выступал в нескольких его театрах по всей стране.

В 1900 году иллюзионист по совету своего лучшего друга и популярного в то время фокусника Нельсона Даунза отправился вместе с женой на гастроли в Европу, где за короткий срок приобрел огромную популярность. Гудини ввел новый трюк: стал предлагать награду тому, кто сможет связать или заковать его так, чтобы он не смог освободиться. Правда, награда так никому и не досталась и это создало вокруг артиста ореол сверхчеловеческих возможностей. Настоящий фурор иллюзионист произвел в Лондоне, выполнив сложный и рискованный трюк: его заковали в наручники, зашили в мешок и сбросили в Темзу. Вскоре он всплыл на поверхность, помахивая кандалами. Затем Гудини с триумфом гастролеровал в Германии и России. В Европе у него был такой объем работы, что популярный иллюзионист привлек к выступлениям брата, который взял псевдоним Хардин.

Вернувшись в США звездой первой величины, Гудини купил себе прекрасный дом в Нью-Йорке. Но не все было так гладко в его карьере. Его успехом воспользовались другие фокусники и повторяли его трюки. Это заставляло Гарри придумывать все более сложные и опасные номера. Он стал первым человеком, выполнившим трюк освобождения из наручников в мешке, подвешенном к карнизу небоскреба. Великий иллюзионист с легкостью освобождался из железного ящика, закрытого от зрителей ширмой. Он быстро появлялся из-за нее, а мощные болты, гайки и закрепляющие их шпильки в крышке ящика при этом оставались на месте. В ящике не было никаких люков, секрет заключался в особой конструкции болтов.

27 января 1908 года в Сент-Луисе впервые был представлен сенсационный номер «Освобождение из молочного контейнера». Гарри залезал в большой молочный бидон с широкой горловиной, доверху заполненный водой. Зритель имел возможность запереть крышку при-

несенным из дому замком, затем на несколько секунд бидон закрывали ширмой и... Гудини появлялся мокрый, но свободный. Секрет этого трюка до сих пор не разгадан.

Чтобы выполнять такие невероятно сложные номера, Гарри не достаточно было знаний конструкций любого замка или запора. Он удивительно владел своим телом, постоянно тренируясь. Когда его заковывали или связывали, Гудини до предела напрягал мышцы, значительно увеличивая их объем, а затем расслаблял и освобождался. Маг использовал для этого тончайшие приспособления: складные отмычки, спрятанные в обуви. У шпагоглотателей он научился прятать их даже в пищеводе, привязав ниткой к зубу. Гарри также мог «сложиться напополам» и задержать дыхание на две минуты.

Знаменитый иллюзионист не избежал зависти коллег и коварства зрителей. Однажды сыщик предложил ему свои наручники, заклинив их механизм фольгой. После этого случая Гудини всегда проверял пригодность изделия, ведь испорченная вещь могла стоить ему жизни.

В 1906 году иллюзионист показал трюк с освобождением из камеры смертников. В официальном отчете тюремного полицейского: «Сим удостоверяется, что сегодня господин Гарри Гудини в тюрьме Синг-Синг в Соединенных Штатах был полностью раздет, полностью обыскан и заперт в камере номер 2... Господин Гудини приблизительно через две минуты смог выйти из камеры».

После непродолжительных гастролей в Англии и Германии Гудини в 1908 году вновь посетил Россию. В Москве и Петербурге он повторил свой номер по освобождению из камеры перед охранниками Петропавловской крепости и Бутырской тюрьмы. Спустя год маг отправился в Гамбург. Там он приобрел самолет и все свободное время учился им управлять. Затем в разобранном виде Гарри перевозит самолет в Австралию и 16 марта 1910 года становится первым летчиком, взмывшим в небо над этим континентом. Не оставляя своего нового увлечения, маэстро освобождений придумывает очередные рискованные трюки. В Англии он впервые представил номер «Освобождение из жерла пушки», в котором успевал выбраться из ствола орудия до того, как срабатывал запал. Вернувшись в США, Гудини продолжал шокировать соотечественников. Только однажды он получил тяжелую травму и вынужден был пролежать в больнице несколько недель.

В 1913 году Эрик Вайс официально изменил свое имя на сценический псевдоним. В том же году маг впервые продемонстрировал свой легендарный номер «Китайская водная камера». Он был полон свежих идей и планов, но их на время отдала смерть матери, ставшая сильнейшим потрясением для Гудини. Он прервал свои гастроли в Германии и срочно вернулся домой.

В 1914 году иллюзионист был избран президентом Клуба магов в Англии, а два года спустя начал свою кинокарьеру. Теперь миллионы поклонников великого волшебника по всему миру получили возможность увидеть его в необычных амплуа актера, сценариста и режиссера. Он стал единственным в истории иллюзионистом, снявшимся в пяти фильмах («Мастер тайны», «Мрачная игра», «Остров страха», «Человек из другой реальности» и др.) и написавшим несколько интересных сценариев. К 1923 году Гудини-режиссер успел снять пять полнометражных фильмов и был удостоен одной из первых звезд на знаменитой Аллее славы в Голливуде (за вклад в киноиндустрию).

В 1917 году Гудини был избран президентом Общества американских магов и купил в Нью-Йорке специализированный магазин для иллюзионистов «Martinika's Magic Shop». Будучи очень богатым человеком, он постоянно занимался благотворительностью, жертвуя солидные суммы в пользу нуждающихся. Однажды к нему со словами благодарности бросился пожилой незнакомец, и иллюзионист с удивлением узнал, что вот уже год оплачивает его квартиру. Жертвовал он деньги и на достойное содержание могил известных фокусников прошлого. Один из биографов Гудини писал, что делать добро людям его учили с детства.

В 1918 году в память об отце Гудини организовал «Театральное общество для детей раввинов», став его президентом.

Иллюзионист был другом президента Т. Рузвельта и не раз принимал у себя особ королевской крови. Среди его знакомых был и сэр Артур Конан Дойл, который считал, что Гудини по роду своей деятельности должен быть последователем спиритизма. Однажды друзья поссорились из-за неудачного сеанса. Гарри был убежденным материалистом и часто разоблачал мошенников и шарлатанов, совершавших «удивительные чудеса». «Ложь для развлечения, и никогда для выгоды», – таким был девиз популярного мастера побегов и освобождений. Благодаря ему на «чистую воду» были выведены десятки мнимых чудотворцев и ясновидящих. В ряде книг и статей Гудини продолжил разгромные разоблачения. В книге «Верный путь для неверных поступков» он рассказал правду о деятельности псевдочудотворцев; «Маг духов» была направлена против псевдопсихологов; «Разоблачение Роберта Гудина» – самый обширный труд по теории магии для того времени. А еще иллюзионист читал широкой аудитории лекции, объясняющие трюки и фокусы (но, конечно, не все). В 1925–1926 годах Гудини продемонстрировал «Триумфальное представление», состоящее из трех актов, плотно заполненных известными номерами и трюками.

Одного не мог избежать прославленный маг – освободиться из цепких рук смерти. 22 октября 1926 года после очередного выступления в Монреале к нему за кулисы зашел молодой человек и поинтересовался, правда ли, что он может выдержать несколько сильных ударов в живот. Гудини даже не успел напрячь мышцы, как незнакомец нанес сильные удары. Боль Гарри привык терпеть, но это нападение спровоцировало разрыв аппендикса. Не подозревая об этом, Гудини продолжал выступления в Монреале, а затем в Детройте. 1 октября он почувствовал себя плохо и был доставлен в больницу, где и умер в тот же день. Позднее газетчики выдумали, что иллюзионист погиб на одном из представлений, исполняя опасный трюк, ведь аппендицит – это так банально. Его похоронили в том же бронзовом гробу, в котором он спускался под воду для своих трюков. На могиле Гудини, на кладбище Мэннила в Нью-Йорке, помещен герб Общества американских фокусников, которому он завещал крупную денежную сумму.

Бесс в течение десяти лет проводила спиритические сеансы, ожидая, что он, как и договорились, подаст ей условный знак с того света. Последний сеанс состоялся в Лондоне в 1936 году, после чего вдова официально заявила, что больше не станет этим заниматься, так как «десять лет – это достаточно, чтобы дождаться любого мужчину». Она передала в Библиотеку Конгресса США уникальную семейную библиотеку Гудини, насчитывавшую 5200 томов, большая часть которых была посвящена магии. В 1976 году все американские СМИ застыли в ожидании сенсации: через 50 лет вскрыли плотный конверт, хранящийся в одном из банков. Надежда узнать секреты мастера рассыпалась в прах – все листки в так называемом завещании были чистыми...

В городе Эплтон открыт музей Гудини, который не только знакомит всех желающих с историей жизни знаменитого иллюзиониста, но и раскрывает тайны некоторых его трюков. Популярность его была столь велика, что в память о нем в английском языке осталось слово «гудинайз», означающее «умение выпутываться из любой ситуации и проходить через все преграды».

ГУДМЕН БЕННИ

Полное имя – Бенджамин Дейвид Гудмен

(род. в 1909 г. – ум. в 1986 г.)

Американский музыкант, кларнетист, саксофонист и руководитель джаз-оркестра.

Его называли Королем свинга¹, хотя он играл и традиционный джаз, и кул, и бои. Совместно с негритянскими импровизационными ансамблями знаменитый музыкант создал ряд камерных джазовых сочинений, снимался в кино. Его блестящая творческая биография ставит маэстро в ряд великих джазовых мастеров XX века. Для него писали музыку такие представители академической школы XX ст., как американец Аарон Копленд, немец Пауль Хиндемит и др. Гудмен прекрасно играл также классику, записав два альбома с музыкой Моцарта.

Одна из главных заслуг всемирно известного музыканта – не только создание первого замечательного джаз-оркестра, положившего начало «эре свинга». Он был фактически первым белым лидером биг-бэнда (большого оркестра), пригласившим к себе чернокожих музыкантов, чем внес огромнейший вклад в развитие джаза и разрушение расовой дискриминации.

¹ *Swing (англ.)* – ритмичное раскачивание.

История джаза началась с того, что белые поселенцы Северной Америки в качестве рабов привезли в трюмах кораблей тысячи негров из Африки. Чернокожие невольники смогли взять с собой только врожденное чувство ритма и музыкальной гармонии. После работы на плантациях, на лесосеке или на стройках они исполняли свои африканские протяжно-унылые песни из негритянского фольклора, в которых главным музыкальным сопровождением был барабанный бой диких племен Черного континента. То есть все началось с «голового» ритма, с барабана. Вот эти грустные песни «блюз» – (blue – грустный) – и стали позже основой джаза, который возник из четырех компонентов: блюза, духовных гимнов (спиричуэлс), рабочих песен и африканского ритма.

После американо-испанской войны 1898 года были распущены сотни духовых военных оркестров США. Музыкально одаренные, но бедные негритянские парни раскупили за бесценок инструменты демобилизованных солдат. При помощи развитого от природы слуха они переложили свои песни на трубу, кларнет, тромбон, банджо и, конечно, на свой любимый барабан.

Так примерно в 1900 году в Новом Орлеане, где жили представители разных народов, родился джаз и дал название первому джазовому стилю – нью-орлеанский. Это были, в основном, бесшабашно веселые, даже оптимистически-бравурные песенки на основе блюза, в котором переплелись африканские и европейские традиции.

Нью-орлеанский джаз – пример «горячего», или хот-джаза, то есть страстного, темпераментного исполнения мелодий небольшими ансамблями – джаз-бандами (band – оркестр). Позже к вышеперечисленным инструментам присоединилось фортепьяно, и в моду вошла импровизация – не заранее сочиненная музыка, а придуманная на ходу, «под настроение».

Основа импровизации в джазе – темы, которые музыканты называют «стандартами». Обычно это популярные мелодии из мюзиклов и просто песни, созданные известными композиторами. (Допустим, Леонид Утесов использовал в своем джаз-оркестре даже некоторые мелодии Исаака Дунаевского.)

Сам термин «джаз» появился, наверное, после 1910 года от выражения «jazzing it up» – играть с воодушевлением, энергично, в быстром темпе.

Взяв пример с чернокожих музыкантов, белые исполнители стали тоже играть новую музыку. Чтобы отмежеваться от негров, они переименовали джаз в диксиленд (символическое название южных штатов США). Белые, по достоинству оценив новую музыку, старались играть, как черные. Иногда для выступлений они даже красили свои лица сажей, чтобы было «более похоже». Тем не менее, негритянские ансамбли существовали сами по себе, а белые – сами по себе. Никому из белых и в голову не приходило пригласить играть в свой оркестр черного музыканта (как, впрочем, и наоборот).

Многие джазовые артисты переехали в Чикаго, где оккупировали кафе, рестораны, парковые танцплощадки. Чикагский стиль ознаменовал приход биг-бэндов и характеризовался появлением инструмента, символизирующего джаз, – саксофона. Ключевой фигурой композиции являлся музыкант, играющий соло. Пьеса могла состоять из нескольких, следующих одна за другой, сольных партий. При этом личность каждого музыканта раскрывалась значительно полнее.

В Чикаго, ставшем, можно сказать, джазовым городом родился 30 мая 1909 года будущий Король свинга Бенни Гудмен. Его отец был бедным эмигрантом из Белой Церкви. С десяти лет одаренный мальчик начал учиться игре на кларнете, занял место ведущего музыканта в ансамбле при чикагской синагоге. Спустя два года он уже выступал в концертах как виртуоз-кларнетист, исполнитель классической и современной музыки. В 14 лет подросток достиг такого мастерства, что его приняли в Союз музыкантов, и он регулярно выступал в своем родном городе. Спустя год Бенни уже считался профессиональным исполнителем эстрадно-танцевальной музыки и с блеском выступал на концертах. В августе 1925 года, когда ему исполнилось 16

лет, Гудмен стал одним из главных солирующих музыкантов оркестра Поллака (вместе с признанными мастерами Гленном Миллером, Джимми Макпортландом и Джеком Тигарденом). В декабре 1926 года Бенни сделал свою дебютную запись в составе этого оркестра.

Через три года 20-летний Гудмен покинул оркестр Поллака, начал работать с Редом Николсом и вскоре стал очень востребованным студийным музыкантом. (Являясь искусством исполнения, джаз не мог быть записан нотами. И только благодаря изобретению грамзаписи он стал распространяться по всему миру.) В 1929–1933 годах популярный кларнетист записался в огромном количестве выступлений. Иногда он не менее блестяще играл на саксофоне или трубе.

С 1933 года мир разделился на тех, кто любил джаз и разбирался в нем, – и на всех остальных. Началась «свинговая эра». Флагманами здесь являлись Каунт Бэйси (так сказать, «черная» струя) и Бенни Гудмен («белая» струя).

В 1934 году Бенджамину удалось создать оркестр, состоящий только из белых музыкантов высокого класса. Они освоили репертуар и манеру игры негритянского джаза нового направления – свинга. Этот стиль отличался профессионализмом, красивыми мелодиями, четкостью, но в то же время ему была присуща излишняя развлекательно-эстрадная направленность. Открыв для широкой публики новые формы негритянской музыки, Гудмен способствовал развитию джаза на всей планете.

Его джаз-оркестр и большинство белых биг-бэндов стали исполнять только коммерческо-развлекательную музыку. Она нравилась большинству слушателей, была мелодичной, но во многом утратила индивидуальность, касающуюся личности исполнителя или композитора. Хотя профессиональный уровень ее был высок. (Взять, к примеру, «Серенаду Солнечной долины» Гленна Миллера.)

В том же 1934 году Бенни начал записываться на студии Columbia и появился в радиоэфире в популярной американской программе «Давай потанцуем». Используя аранжировки Флетчера Хендерсона, ансамбль Гудмена показал, что вполне возможно играть одновременно и джаз, и танцевальную музыку. Свинговый оркестр 1930-х годов обычно включал в себя около 15 музыкантов и состоял из секции труб и тромбонов, секции саксофонов и ритм-секции (рояль, бас, ударные, иногда ритм-гитара). Аранжировка строилась на противопоставлении секции труб секции саксофонов, а рояль, бас, ударные держали четкий ритм. Саксофонная секция вела мелодию, в то время как трубы шли в такт сильным долям. Эффект создавался потрясающий, и вся Америка танцевала под эту музыку.

В мае 1935 года радишоу «Давай потанцуем» прекратило свое существование, и жизнь бэндлидера Гудмена стала далеко не безоблачной. Тем не менее, он с трубачом Банни Бэриганом записал на студии популярные композиции «King Porter Stomp» и «Sometimes I'm Happy». Знаменитый музыкант также объединился с Тедди Вилсоном и Джини Крупа в трио под названием «Benny Goodman Trio», выпустил альбом в этом составе и отправился на гастроли на запад США.

В Лос-Анджелесе известный мастер джаза, наконец, стал национальной сенсацией, все билеты на его концерты были распроданы. С этого момента начался успех биг-бэнда Бенджамина Дейвида Гудмена, первого популярного подлинно джазового оркестра, состоящего из одних только белых исполнителей.

Ансамбль стал набирать стремительные обороты на пути к всемирному успеху. В него входили такие известные музыканты, как саксофонист Артуро Роллини, трубачи Харри Джеймс и Зигги Элман, барабанщик Джини Крупа – родоначальник неподражаемого барабанного соло. В ноябре того же года биг-бэнд вернулся в Чикаго и с большим успехом выступал в Конгресс-Отеле до весны 1936 года.

Но вершиной популярности для знаменитого кларнетиста, пожалуй, явился его концерт в Карнеги-холл в январе 1938 года, а композиции «She's Funny That Way» и «Swingtime In

Rockies» стали джазовой классикой. Через два года Бенни пригласил в свой новый секстет гитариста Чарли Крисчена и подписал новый контракт с фирмой Columbia. Он начал использовать в своем репертуаре сложные аранжировки Эдди Саутера, для чего пригласил таких замечательных оркестрантов, как Джорджи Элд, Кути Вильямс, Джонни Гарньери.

К 1945 году музыка оркестра Гудмена стала звучать несколько старомодно. На следующий год он распустил свой оркестр и затем на некоторое время отдался течению бибоба – «черной», протестующей, импровизационно-надрывной, истеричной музыке, возникшей в противовес «белой» коммерческой.

В 1949 году биг-бэнд Гудмена с успехом использовал прогрессивные аранжировки Чико О'Фаррилла. Но в следующем году Бенджамин опять вернулся к свингу, который давал ему возможность демонстрировать слушателям свой филигранный стиль и отточенное мастерство, за что публика всегда ценила Короля свинга.

В 1957 году часть музыкантов решила отменить всяческие правила в музыке. Никаких правильных аккордов, никакого подчинения постоянному ритму – играй, освободившись от всего! Представьте: восемь музыкантов играют что есть силы каждый что-то свое, налегая при этом на динамику и экспрессию. Освободившись от всего, фри-джазмены, очевидно, освободились и от смысла. Однако фри-джаз стал модным, поскольку брались его исполнять люди, почти не умеющие играть, но выдающие свое неумение за «свободу выражения творчества».

В 1962 году в США пришло ошеломляющее известие: правительство СССР разрешило приехать в Советский Союз американским музыкантам. Решено было послать Короля свинга, который срочно собрал «оркестр» и отправился в Москву.

Это стало неповторимым событием для советских любителей джаза. Желавших своими глазами увидеть и послушать «живого» Бенни Гудмена было предостаточно. В ходе концертного турне знаменитый маэстро посетил синагогу в Тбилиси. А вот в Киеве его просьба дать бесплатный концерт на родине отца – в Белой Церкви – получила отказ властей. Как известно, коммунистические идеологи считали эту музыку тлетворным влиянием загнивающей буржуазии и всячески ее запрещали: «Кто сегодня слушал джаз – завтра родину продаст!» И это несмотря на то, что он был популярным и любимым, и играли его такие известные на всю страну музыканты, как, скажем, Леонид Утесов. Интересно заметить, что ненавидели и запрещали джаз власти только двух государств – фашистской Германии и большевистской России.

Со второй половины 1960-х годов Бенджамин Дейвид Гудмен стал выступать редко, а в 1973–1977 годах вообще не выпустил ни одного альбома. Но в 1978 году многочисленные поклонники снова увидели замечательного мастера. Он вернулся на сцену и блестяще выступил на своем юбилейном концерте в Карнеги-холл. В начале 1980-х годов знаменитый музыкант собрал свой последний оркестр и стал появляться на телевидении, участвовать, как в молодости, в различных шоу-программах. Но годы брали свое – 13 июня 1986 года Бенни Гудмен умер в Нью-Йорке.

И поныне любители джаза с удовольствием слушают записи знаменитого кларнетиста, в которых звучат неподражаемые импровизации Короля свинга.

ГУСИНСКИЙ ВЛАДИМИР АЛЕКСАНДРОВИЧ

(род. в 1952 г.)

Крупнейший российский предприниматель, олигарх и медиамагнат. Создатель первой информационной империи в России. Председатель совета директоров ЗАО «Медиа-Мост», генеральный директор компании «Группа «Мост»», президент «Мост-банка» и вице-президент Ассоциации российских банков. Вице-президент Всемирного еврейского конгресса и президент Российского еврейского конгресса. Имеет российское и израильское гражданство. В 1997 г. журнал «Форбс» оценивал его состояние приблизительно в 400 млн долларов.

«Я никогда не был готов к роли политического диссидента, я лишь бизнесмен, привыкший делать деньги. Однако избранный мною в России бизнес оказался весьма своеобразным. Если бы я занялся нефтью, газом или драгоценными металлами, как это делают остальные, то у меня было бы намного больше друзей в правительстве и у меня были бы хорошие отношения с президентом.

Я наивно считал, что прошлое в Россию уже не вернется. Я думал, что 10 лет демократии достаточно для укрепления основ свободной системы и свободного общества. Когда я начал работать в информационной сфере, я был убежден, что Россия не сможет поменять направление своего развития. И я ошибся...» Так в январе 2001 года говорил в интервью журналистам глава холдинга «Медиа-Мост» Владимир Гусинский, пребывая в Испании под домашним арестом.

Родился будущий «международный преступник» и российский медиамагнат 6 октября 1952 года в Москве, в семье, где старшее поколение подверглось сталинским репрессиям: дед Гусинского был расстрелян в 1937 году, бабушка тогда же была арестована и отсидела 9 лет в лагере.

По окончании средней школы Володя поступил в Московский институт нефти и газа им. Губкина, но на втором курсе был отчислен за неуспеваемость, несмотря на то что мать работала там преподавателем. Его призвали на военную службу, которую он проходил в войсках ПВО под Белгородом. Затем Гусинский вновь стал студентом МИНГа, но вскоре ушел оттуда сам. В 1975 году он поступил в Государственный институт театрального искусства на режиссерский факультет, который окончил в 1981 году.

Театральное образование, несомненно, пригодилось Владимиру, хотя в профессиональной карьере он не достиг значительных высот. Окончив ГИТИС, он поработал некоторое время режиссером в Туле, где уже тогда демонстрировал характер очевидного лидера. Одна из актрис вспоминала: «Как-то он подвозил меня из Тулы, где мы ставили спектакль, до Москвы на своей “четверке”. Погода была неважная, темнело. Кроме того, в машине была еще его жена с совсем крошечным ребенком. “Спорим, – сказал Гусинский, – что я не пропущу вперед себя ни одной машины!” Так и было: никого не пропустил до самой Москвы. А потом сказал: “Я должен быть первым! Всегда! Во всем!”».

В начале 1980-х годов молодой режиссер перебрался в Москву и подвизался в сфере организации культурно-массовых мероприятий. Заведовал художественно-постановочной частью Международного фестиваля молодежи и студентов, был главным режиссером московских Игр доброй воли и вообще брался за любую работу подобного рода: проводил дни культуры, дни печати, праздники районов и т. д. Такая деятельность требовала не только режиссерских, но и менеджерских талантов в сугубо советском их понимании: надо было уметь договариваться, «доставать» все необходимое для мероприятий. Требовалось также умение «неформально» оперировать денежными средствами.

При всем при том эта деятельность не обеспечивала стабильных доходов, а потому Володя подрабатывал частным извозом на своей машине и играл в карты. По некоторым сведениям, не брезговал он и ростовщицеством, махинациями с антиквариатом и драгоценностями и т. п.

В 1986 году Гусинский с приятелем Борисом Хаитом создал кооператив «Металл». Они занимались производством различных металлических изделий – от женских украшений до гаражей. В 1987 году был организован новый кооператив. Будущий медиамагнат и его партнеры осваивали технологию специального литья из меди, получили первую лицензию на внешнеэкономическую деятельность.

Именно в это время зародилось тесное сотрудничество Володи с Юрием Лужковым, который, занимая пост зампреда Мосгорисполкома, отвечал за развитие кооперации в столице. Сейчас сложно сказать, на какой почве сдружились чиновник Лужков и картежник Гусинский, но ясно одно: дружба получилась весьма прочной и была «пронесена через года». Возможно, молодой энергичный предприниматель, имевший через родственные и деловые контакты выходы на различных «деловых людей» и располагавший обширными связями в среде номенклатуры среднего уровня, привлек внимание будущего мэра своей хваткой и талантом «чувствовать время».

В 1988 году Владимир создал консультационно-информационный кооператив «Инфакс», который специализировался на консалтинге в сфере права и финансов, занимался политическим анализом по заказу клиентов, в основном иностранных, а также торговлей сигаретами и компьютерами. В значительной мере это была посредническая деятельность по налаживанию самых разнообразных связей между представителями зарождавшегося частного бизнеса и чиновниками различных уровней.

Совместное предприятие «Мост» было создано в 1989 году на паритетных началах с солидной американской фирмой «Арнольд и Портер». Этот шаг молодого кооператора был вполне оправдан – СП предоставлялись налоговые льготы. Позже, когда срок льгот истек, необходимость в иностранных участниках отпала и Гусинский выкупил долю у американцев «по номиналу», став полноправным хозяином дела, быстро набравшего обороты. На базе этой компании сразу же возник и акционерный коммерческий «Мост-банк», президентом которого также стал Гусинский. А уже через три года активной деятельности был образован холдинг АО «Группа “Мост”», в котором объединились банк и 42 предприятия.

Благодаря «особым» отношениям с московскими властями «Мост» успешно внедрился в строительный бизнес, а также занялся производством стройматериалов, операциями с недвижимостью и т. д. Как указывалось в средствах массовой информации, холдингу доставалась самая престижная московская недвижимость, которая оценивалась по остаточной стоимости. Так, в 1992 году «Мосту» были переданы на правах собственности 7 зданий общей площадью 70 298 кв. м. Это позволило группе активно заняться риэлторской деятельностью. На одной только сдаче офисов в аренду Гусинский мог, не прилагая особых усилий, «зарабатывать» несколько миллионов долларов в год.

Владимир производил впечатление человека безмерно самоуверенного. Как он сам признавался, от «дискомфорта» по поводу пресловутого «пятого пункта» он избавился еще в детстве, когда за «жидовскую морду» якобы побил ржавой трубой «во дворе игроков в домино». Вместе с тем еще в самом начале 1990-х годов, едва достигнув высокого положения в бизнесе, он уделял исключительное внимание вопросам обеспечения личной охраны. Численный состав и оснащенность службы безопасности «Моста» издавна были предметом зависти и подражания многих начинающих олигархов, а также объектом постоянного раздражения для МВД.

В феврале 1993 года на средства Гусинского была открыта газета «Сегодня». Редакция расположилась на трех этажах бывшего общежития Высшей партийной школы на Миусской площади. В кабинетах были установлены новейшие компьютеры «Макинтош», а сотрудники, даже рядовые, получали самые высокие в Москве журналистские зарплаты. По словам редактора, «Сегодня» создавалась как «газета влияния», прибыли от нее не предполагалось. Но Гусинский относился к такому подходу критически. Хорошо понимая ценность «влияния», он хотел вкладывать деньги в СМИ и для получения прибыли. И, обильно финансируя «Сегодня», стал создавать другие средства массовой информации.

В то время «Мост-банк» был на подъеме. Поскольку Владимир дружил с тогдашним министром финансов Б. Федоровым, «Мост» стал уполномоченным банком правительства РФ и агентом по продаже «золотых» сертификатов Минфина. Тогда же банк Гусинского получил и триллионный кредит госкомпании «Росвооружение», одного из своих клиентов.

Но для создания медиаимперии денег требовалось еще больше. В начале 1993 года была создана телекомпания НТВ. Средства в нее вложили банки «Столичный» и «Национальный кредит», а также Национальный фонд спорта Шамиля Тарпищева, беспрошленно ввозивший в Россию табак и спиртные напитки. Эти гигантские прибыли дали хороший толчок развитию НТВ, которое в октябре начало вещание на пятом канале Санкт-Петербурга. В конце года «Мост-банк» предложил популярной радиостанции «Эхо Москвы» кредитную линию в обмен на 51 % акций, а в январе 1994 года НТВ перешло на четвертый общероссийский канал.

Главный офис «Моста» разместился в здании московской мэрии на Новом Арбате, которое было занято им после разгона многолюдного Моссовета, фактически поддержавшего Р. Хасбулатова в октябре 1993 года. Тогда же начались резкие антисемитские нападки на Гусинского. В статьях газеты «Завтра» он упоминался среди тех, кто «развязал братоубийственную бойню» у Белого дома. Говорилось также, что через «Мост» благодаря дружбе Гусинского с Лужковым проходят все триллионные платежи по городскому бюджету, с каждого из которых

банк оставляет себе 3–4 %. Владимир подал в суд два иска о защите чести и достоинства и вскоре выиграл оба дела.

Между тем в марте 1994 года «Мост-банк» получил подтверждение статуса уполномоченного банка правительства Москвы, а сам Гусинский стал председателем Совета представителей уполномоченных банков. «Мосту» были переданы счета 20 бюджетных и муниципальных учреждений, московских внебюджетных организаций и фондов.

Через три месяца на Владимира «напала» уже влиятельная международная газета «Уолл Стрит Джорнал». В статье делался акцент на том, что аналитический отдел «Моста» возглавляет бывший первый зампред КГБ Филипп Бобков, «прославившийся» борьбой с инакомыслящими. И вместе с ним трудится еще полсотни бывших высокопоставленных сотрудников КГБ. Газета делала вывод, что работа группы «Мост» – «самый крупный и наиболее явный симптом нового влияния чекистов». Гусинский и в этот раз подал судебный иск, и издатель был вынужден извиниться.

Приблизительно в то же время, 11 октября 1994 года, случился «черный вторник». Совет безопасности РФ во главе с Олегом Лобовым возложил всю ответственность за обвал рубля на коммерческие банки. В ответ Гусинский сделал Лобова своей главной мишенью. Его обвиняли в полной экономической бездарности, связях с сектой «Аум Синрикэ» и массе других грехов. Газета «Сегодня» даже ввела уничижительный термин «экономическая лоботомия». Почти открыто смеялись журналисты «Моста» и над тогдашним председателем верхней палаты парламента В. Шумейко. Тот, в свою очередь, заявлял, что «Мост-банк» заработал на обвальном падении рубля 14 млн долларов. В решении Совета безопасности предлагалось лишить банки валютных лицензий. Гусинский пригрозил, что отстаивать свои права он будет в независимом арбитражном суде. Решение Совета так и осталось на бумаге.

Почти год работа телекомпании НТВ шла нормально, но затем между партнерами начались разногласия. В результате все «посторонние» из НТВ были вытеснены, а Гусинский вместе с полным контролем над каналом приобрел «заклятого врага» в лице одного из бывших учредителей – Тарпищева, близкого друга Ельцина.

Хотя Шамиль мог серьезно навредить «Мосту», но во всех начавшихся после этого случаях неприятностях глава охраны президента РФ Александр Коржаков обвинял Бориса Березовского. По его словам, именно Березовский создал в глазах Ельцина негативный образ «Гуся». В своей книге генерал писал, как однажды за обедом «хозяин» устроил разнос ему и тогдашнему главе ФСК Барсукову: «Почему вы не можете справиться с каким-то Гусинским?! Что он вытворяет?! Почему везде разъезжает?! На него все жалуются, и семья тоже. Сколько раз случалось, что Таня или Наина едут, а им перекрывают дорогу из-за этого Гусинского. Его НТВ распоясалось, ведет себя нахально. Я вам приказываю: разберитесь с ним».

«Эта тирада означала, что Березовский отыскал верную дорогу к ушам Ельцина», – заключал Коржаков и рассказывал далее, как 2 декабря 1994 года он организовал известную операцию по «укладыванию мордой в снег» охранников Гусинского среди бела дня у бывшего здания СЭВ на Новом Арбате.

В результате перестрелки в центре столицы была «засвечена крыша» Владимира – глава управления ФСК (Федеральной Службы Контрразведки) по Москве и области Е. Савостьянов. В свое время он работал в аппарате знаменитой Межрегиональной депутатской группы и был в прекрасных отношениях с вице-мэром Лужковым. За помощь Гусинскому Савостьянов был снят, а глава «Моста» на пять месяцев «эмигрировал» в Лондон.

Отношения Гусинского с Кремлем стали беспокоить Лужкова. И в январе 1995 года мэр столицы подписал распоряжение о создании Московского муниципального банка и постепенном переводе туда счетов городского бюджета. Валютный баланс «Мост-банка» составлял тогда 2,3 трлн руб. Однако сразу же поползли слухи, что после потери бюджетных счетов у банка возникли серьезнейшие проблемы.

Весной «наступление» на Гусинского пошло полным фронтом. На заседании Госдумы Станислав Говорухин заявил, что в «Мосте» хранились деньги Дудаева и его бандформирований. Говорухин ссылаясь на слова генерала А. Куликова в интервью газете «Завтра». В те же дни правительственная «Российская газета» опубликовала статью «Под снегом только грязь». В ней приводились «мошеннические» истории 1985–1986 годов, связанные с Гусинским, и делались намеки на его «неформальные» отношения с мэром Москвы.

В начале 1996 года Гусинский финансировал создание Российского еврейского конгресса и был избран его президентом. Он регулярно проводил встречи представителей российского бизнеса еврейской национальности, которые преднамеренно носили демонстративный характер. Владимир рассчитывал, что власти будут сдерживать расследование его финансовых махинаций и связей с криминальным миром, так как он всегда может выступить в роли «жертвы антисемитизма». Кроме того, он стремился стать казначеем средств еврейской общины, которые оказались бы весьма кстати, учитывая финансовые трудности «Мост-банка».

Между тем срок первого президентства Бориса Ельцина подходил к концу. Война в Чечне, с резкой критикой которой выступала в первую очередь телекомпания НТВ, вконец подорвала его популярность. Его шансы избрания на новый срок были минимальными. Но в то же время олигархи были крайне обеспокоены возможностью победы коммунистов. Поэтому в марте случилось почти невозможное – на международном экономическом форуме в Давосе Гусинский помирился с Березовским, и они решили создать группу влиятельных предпринимателей для поддержки Ельцина на предстоящих выборах.

Сразу после Давоса Гусинский, Березовский, Потанин, Смоленский, Ходорковский, Фридман и Авен – так называемая «семибанкирщина» – были приняты президентом России. В результате переговоров была создана аналитическая группа во главе с Анатолием Чубайсом при избирательном штабе Ельцина. Знаменитая кампания «Голосуй или проиграешь!» была проведена именно штабом банкиров. Борис Ельцин на выборах победил. 25 июля 1996 года Гусинский получил «благодарность за активное участие в организации и проведении выборной кампании», а в октябре стал членом Совета по банковской деятельности при правительстве РФ.

В январе 1997 года Гусинский сложил с себя полномочия генерального директора «Группы “Мост”» и президента «Мост-банка» и стал президентом ЗАО «Медиа-Мост». Кресло президента банка занял старый друг олигарха Борис Хаит, у которого «сложились хорошие отношения с московским мэром». Журнал «Итоги» стал из номера в номер публиковать книгу Лужкова «Мы дети твои, Москва». И уже летом счета столичного метрополитена были переведены из Монтажспецбанка в «Мост-банк». Остались в нем и счета московского департамента образования и комитета по культуре.

В это же время случился еще один скандал: в прессе была опубликована информация о средствах Чубайса на счетах «Мост-банка». Автор статьи, журналистка Эрикссен, заявила, что копии банковских выписок ей предоставили друзья-бизнесмены, которые некогда занимались с Чубайсом приватизацией и были им обмануты. Имела место и другая версия: кому-то нужно было испортить репутацию «Мостбанка», чья служба безопасности считалась самой серьезной в России.

Лена Эрикссен вскоре удостоилась чести подготовить к печати скандальное интервью Коржакова под многозначительным заголовком «Березовский просил меня убить Гусинского». Эта публикация вновь поссорила олигархов, хотя еще совсем недавно их отношения были прекрасными. Березовский якобы помогал Гусинскому готовиться «к борьбе» за компанию «Связынвест», которую он обещал помочь приобрести за участие в подготовке выборов Ельцина.

Летом 1997 года Гусинский привлек на Западе кредиты, чтобы участвовать в конкурсе по продаже 25 % акций этой компании. Но конкурс выиграла кипрская фирма, представлявшая интересы «Онэксимбанка». И закончилось все крупным скандалом. Глава «Онэксима» Потанин заявил, что незадолго до проведения конкурса у него состоялась встреча с Чубайсом,

Березовским и Гусинским, которые предложили ему не вступать в борьбу за «Связьинвест». После этого заявления Гусинский снова обратился с иском в суд о защите чести и достоинства, но в сентябре дело было прекращено по мировому соглашению сторон.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.